

СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ (ТУРКЕСТАНСКОЕ) ВОССТАНИЕ 1916 г.

Том VI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА

СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ (ТУРКЕСТАНСКОЕ) ВОССТАНИЕ 1916 г.

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

Том 6

Бишкек • 2016

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)
С 75

Редакционный совет:

Нифадьев В.И., академик НАН КР (председатель),
Какеев А. Ч., академик НАН КР, заместитель председателя
(главный редактор),

Абдырахманов Т.А., доктор исторических наук, профессор,
Джунушалиев Д.Д., член-корреспондент НАН КР,
доктор исторических наук,

Курманов З.К., доктор исторических наук,
Плоских В.М., академик НАН КР, доктор исторических наук,
Сыдыкова Л. Ч., доктор юридических наук,
Салиев А.Л., кандидат исторических наук,
Сумароков Л.И., кандидат исторических наук,
Шапвалов В.И., доктор филологических наук,
Янишин В.П., кандидат исторических наук,
Тарасова Л.В. (отв. секретарь)

С 75 СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ (ТУРКЕСТАНСКОЕ) ВОССТАНИЕ 1916 г. ИСТОРИЯ
В ДОКУМЕНТАХ. Т. 6. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2016. 187 с.
ISBN 978-9967-19-403-8

С 0503020000-16

ISBN 978-9967-19-403-8

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)

© ГОУВПО КРСУ, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Перед вами заключительный том сборника «Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г. История в документах». Его основой стали научные статьи современников – ученых Казахстана, Кыргызстана, Китая, России о восстании 1916 г. в Туркестанском крае.

Таким образом, Кыргызско-Российский Славянский университет завершает публикацию материалов, связанных с событиями 100-летней давности. Но это не означает, что работа по этой теме будет остановлена. Наоборот, она подлежит более углубленному исследованию по одной простой причине, что изучение закономерностей развития человеческого общества в прошлом, то есть того, чем занимается историческая наука, имеет практическое значение в современном мире. Русский философ Арсений Гулыга справедливо полагал, что история – это школа поведения и в прошлом люди ищут и находят верные образцы. По его мнению, опыт истории – верный ориентир, которым зачастую пользуются бессознательно. Уроки истории, как показывают дни сегодняшние, – это мощное оружие, вооружившись которым люди способны открывать новые горизонты развития, но, к сожалению, порой поступают иначе – тормозят его ход.

В первых пяти томах редакционный совет издания постарался расширить базу для исследовательской деятельности, опубликовав солидный блок документов, имеющих непосредственное отношение к восстанию 1916 г. С этого момента работа ученых-историков по приближению наших знаний о прошлом к истине должна получить новое развитие.

Публикуемые в 6 томе научные статьи свидетельствуют о растущем интересе научного сообщества к поиску ответов на многие вопросы тревожной поры 1916 г. Все выводы ученых, приведенные на страницах издания, актуальны и важны.

Открывая перед исследователями новые исторические источники, давая возможность каждому ученому на этой основе аргументировать собственную точку зрения, редакционный совет посчитал важным проиллюстрировать научный диспут историческими фотодокументами. Замысел прост: включение их в том передает дыхание тревожной эпохи, воссоздает ее образ, высвечивает лики и деяния людей, стоявших за сухими строками исторических документов.

Перед каждым, кто возьмет в руки данный том, откроется картина действительности – Семиречье начала XX века (к фотоблоку прилагается документ, датированный 1910 г. и раскрывающий систему отношений в Туркестанском крае, – «Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по ВЕЛИЧАЙШЕМУ повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К. Паленом»), жестокий, кровавый лик Первой мировой войны, приведшей к гибели около 30 млн человек, называвшейся в тот момент в России Второй Отечественной, и ее неразрывная часть – восстание в Туркестане, ставшее предвестником краха Российской империи.

У фотодокументов, заключающих в себе информацию о событиях, людях, нравах, имеется удивительное свойство – они образно вводят в исследуемую эпоху, тем самым восстанавливая пространственно-временную целостность событий. Большинство из публикуемых фотографий хранится в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Кыргызской Республики, Иссык-Кульском областном государственном архиве Кыргызской Республики.

В восстановлении целостности исторических событий помощь в работе оказали директор Архивного агентства при Государственной регистрационной службе при Правительстве Кыргызской Республики О.К. Ахмедов, директор Центрального государственного архива Кыргызской Республики Б.О. Самаева, директор Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Кыргызской Республики Б.Х. Аманканова, директор Национальной библиотеки им. А. Осмонова Ж.К. Бакашева и сотрудники этих учреждений, продемонстрировавшие заинтересованность в достижении истины, за что редакционный совет выражает им признательность и благодарность.

В заключение хочется обратиться к позиции члена редакционного совета, доктора исторических наук Джениша Джунушалиева, ушедшего из жизни в период активной фазы работы над данным сборником, что является делом чести и знаком уважения к выдающемуся кыргызскому историку. Строки его последней статьи, опубликованной в 6 томе, звучат как призыв к молодым, не ангажированным идеологическими и иными догмами исследователям: «Историю надо помнить, необходимо восстанавливать историческую память, однако главное состоит в том, чтобы делать правильные выводы даже из трагических уроков истории».

А.Какеев,
академик НАН КР

Семен Чуйков. Восстание 1916 года в Киргизии. 1936 г.

Взгляд сквозь столетие

Научный анализ, оценки, выводы

ВОССТАНИЕ 1916 года: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

А. Ч. Какеев

Зная правду истории, не предъявлять
друг другу счет за своих предков...

Акад. С. Табышалиев

Проблема целостной историографии и источниковедческой базы этого масштабного трагедийного события, получившего в народе название «Үркүн», пожалуй, только сейчас предстает как столь же острая, сколь и неизученная, хотя еще более трех десятков лет назад академик С. Табышалиев отмечал: «Мы сегодня, фактически, заново подходим к исследованию проблемы восстания 1916 года в Кыргызстане и его последствий». Слова эти, сказанные в 1991 г., можно, к сожалению, повторить и сегодня.

Тем не менее, представителями общественных наук страны, и прежде всего учеными Национальной академии наук, предпринимаются конкретные шаги по исследованию указанной проблемы. Об этом свидетельствует издание серии, посвященной национальной идее, которая непосредственно связана с проблемами 1916 г. Справедливости ради, следует отметить деятельность представителей вузовской науки, таких как академик НАН КР В.М. Плоских, под руководством которого издан учебник «История кыргызов и Кыргызстана», член-корреспондент НАН КР О.Дж. Осмонов, автор «Истории Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней)»; в этих трудах проблемы 1916 г. рассматриваются с новых позиций.

Считаю своим долгом отметить ряд работ, имеющих большое этапное значение в изучении проблем историографии и источниковедения восстания 1916 года.

Прежде всего, следует назвать книги: «Восстание киргизов и казахов в 1916 году», изданную Партией национального возрождения «Асаба» в Бишкеке (издательством «Учкун», к сожалению, год публикации не указан), с предисловием Ч. Базарбаева и М. Чекирова, в котором сообщается, что книга издана в Лондоне в 1989 г. и в нее включены две работы: Г.И. Бройдо «Восстание киргизов в 1916 году (мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-его сентября 1916 года)». М., 1925) и Т. Рыскулова «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году»¹. Не менее важной является монография Д.М. Будянско-го «История беженцев-киргизов (1916–1927 гг.)», где даны полная историография, а также серьезный свод источников². В предисловии автор подчеркивает, что «давно ждал случая, чтобы поделиться своими мыслями, благо в 2006 году исполнилось 90 лет с начала национально-освободительного восстания 1916 года. Была и еще одна причина, подвигнувшая меня на написание этого труда – историческая память... Пусть этот скромный труд... ста-

¹ Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 2004. С. 2.

² Будянский Д.М. История беженцев-киргизов (1916–1927). Бишкек, 2007. С. 12–22.

нет скромным подарком Кыргызстану» (Будянский Д.М., Нью-Йорк, 2006). Д. Будянский начинает свою монографию следующими словами: «Если при существующей, желанной нами, бессильными, твердой Советской власти мы не достигнем выполнения на деле нашей сказанной просьбы (возвращении и устройстве на родной земле, спасении от голода, насилия и грабежей колонизаторов), к которой мы имеем обратиться нравственное и юридическое право, то пусть о нашем бесконечном и нечеловеческом страдании будут знать единственный Бог и бесстрастный историк...» (цитата из «Обращения кыргызских беженцев Банагинской, Курткамергенской и Кунгей-Аксуейской волостей Пржевальского уезда к Советской власти, март, 1918 г.»).

И, наконец, третья, фундаментальная книга – «Восстание 1916 года в Киргизстане» // Сборник документов. Составители: Г.Т. Гуля, А.Е. Романова, Б.О. Салиева¹ (с предисловием Э.С. Каптагаева, тогда руководителя Аппарата Президента КР. Автор предисловия отмечает, что «начало, нарастание народно-освободительного движения, в основных его очагах, деятельность руководителей в определенной мере отражены и в архивных документах, включенных в настоящий сборник», и, по его мнению, научно-критическое изучение и объективный анализ публикуемых архивных материалов дает возможность восстановить с известной полнотой и добросовестностью историю национально-освободительного восстания кыргызов в 1916 г. «При этом мы должны, – подчеркивает автор, – прежде всего стараться опираться на труды наших отечественных историков, таких как О. Сыдыков, Б. Солтоноев, С. Табышалиев, К. Усенбаев, В. Плоских, Дж. Джунушалиев и др., которые видят проблему, как бы изнутри, глазами кыргызстанцев... Об этом упоминаю с горечью потому, что мы, в силу определенных исторических условий, не опирались на труды собственных историков-исследователей. Например, Осмоналы Сыдыкова до сих пор считаем санжырачы – специалистом только лишь по генеалогии. Ведь он был, прежде всего, исследователем-историком, который дал определение истории как дисциплины, предмета, как особой науки».

Известный историк Осмоналы Сыдыков (1875–1940) в своем труде «Краткая история кыргызов» (Уфа, 1913) сформулировал три тезиса: о необходимости изучения истории, пользе истории и, наконец, о последовательности изучения истории. Отвечая на вопрос, для чего нужно знать историю, он писал: «...Чтобы познать прошлое народов. Чтобы получить сведения, информацию о том, как они жили, какое у них было общество, государство. Какими способами добывали себе блага, какую технику имели». «История, по мнению О. Сыдыкова, отвечает на вопрос: с какими несчастьями сталкивались народы? Вместе с тем, она вооружает читателя знаниями. Джигитам с горячей душой необходимо знать историю. Это особая наука» (Здесь и далее перевод наш. – А.К.). Говоря о пользе истории, О. Сыдыков отмечал, что изучивший историю может «рассказывать ее как поэму». И, наконец, отмечает историк, «как в любом деле, явления бывают в определенном порядке, при их изучении необходимо следовать этому порядку». При этом, что важно, О. Сыдыков считал, что кыргызы являются неразрывной составной частью единого рода человеческого².

Если применить вышеуказанные принципы к изучению и исследованию истории восстания кыргызов 1916 г., то, естественно, возникает главный вопрос – о судьбе кыргызского народа, о необходимости рассмотрения проблем этой эпохи с позиций судьбы кыргызского

¹ Восстание 1916 года в Киргизстане: сб. док. / сост.: Г.Т. Гуля, Е.А. Романова, Б.О. Салиева. Бишкек, 2011. С. 304.

² Какеев А.Ч. История философской науки в Кыргызстане: учебник для вузов. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2012. С. 129–130.

народа в истории. Ведь не секрет, что историю восстания 1916 года рассматривали, во-первых, прежде всего с позиции правящих кругов царской империи, во-вторых, с позиции советского государства, возникшего после победы Октябрьской революции, и, в-третьих, сегодня настало время рассматривать историю этого события с позиций существующего суверенного кыргызского государства и его дальнейшей судьбы. Отсюда ощущается настоятельная необходимость в возврате наших мыслей к историко-народным истокам. Тогда, можно полагать, мы найдем более адекватную исторической правде точку зрения на проблемы историографии и источников этой поры.

Историческая память кыргызов сохранила слово «үркүн». Академик К.К. Юдахин в своем знаменитом «Кыргызско-русском словаре» писал: «Переполах, сумятица, смятение, массовое беспорядочное бегство (так называют конец жестокого подавления киргизского восстания 1916 года и бегство киргизов в Китай)»¹. О слове же «смятение» в Словаре русского языка сказано: «Смятение – общая растерянность, вызванная сильной тревогой и страхом, переполах, паника»². Соответственно, прав Д.М. Будянский, когда пишет, что «немало тяжелых испытаний выпало на долю киргизского народа. На протяжении многих веков киргизы вели героическую борьбу против сильных и жестоких врагов-поработителей, но стремление к свободе, независимости и любовь к родной земле придавали небольшому по численности народу огромную силу и энергию, что помогло ему выстоять, выжить, отстоять свою независимость, сохраниться как этносу... Конечно, каждая эпоха накладывала свой отпечаток на отношения между этносами. В XIX веке Кыргызстан вошел в состав Российской империи... Царская Россия в Туркестане в своих корыстных интересах, превращала этот край в источник дешевого сырья и рынок сбыта, нещадно эксплуатировала дешевую рабочую силу... Царский указ от 25 июня 1916 года о мобилизации коренного населения Средней Азии и других регионов страны на тыловые работы явился поводом к открытому восстанию...»³.

Следует подчеркнуть, что в работе Т. Рыскулова «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году» были рассмотрены поводы и основные экономические и политические причины восстания. Именно в этой книге дана характеристика одного из командующих подавления повстанческого движения туземцев Семиречья – Куропаткина, который говорил: «Главарей-волков необходимо переловить, а что касается массы баранов, то их можно простить... В этом смысле я буду доносить и государю, но, конечно, это не касается Пржевальского уезда и загорной части Пишпекского уезда, где мятежники пролили слишком много русской крови, и где поэтому будут наказаны все волости: все побережье Иссык-Куля и долина Кебеки будут навсегда отняты у киргиз, и мятежники будут двинуты в горы Нарынского участка. Это суровое наказание – лишение мятежников земли, будет достойным для них возмездием»⁴.

Необходимо особо подчеркнуть, что в предисловии к указанной книге Ч. Базарбаев и М. Чекиров отмечают, что работы Г.И. Бройдо «Восстание киргиз в 1916 году» (Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР; Новый Восток, 1924, № 6) и Т. Рыскулова «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году» (см.: Очерки революционного движения

¹ Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М., 1965. С. 824.

² Словарь русского языка. Т. IV. М., 1984. С. 162.

³ Будянский Д.М. Указ. соч. С. 7.

⁴ Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году. Цит. по: Восстание киргизов и казахов в 1916 году. С. 32–33.

в Средней Азии. Сб. статей. М., 1926; Новый Восток, 1924, № 6) являются единственными, в которых содержатся факты геноцида киргизов и казахов. Авторы также отмечают, что данная книга издана не для того, чтобы мстить русским, а чтобы каждый знал добрые и трудные времена истории своего народа. С этими словами трудно спорить. Остается только их принять.

Начиная с 20–30-х годов XX столетия появляются первые публикации о восстании киргизов в 1916 году в связи с проведением юбилеев по этому случаю. Следует, в первую очередь, назвать работы Т. Рыскулова «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году» на страницах «Правды Востока», «Из истории борьбы за освобождение Востока» (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 году // Новый восток. 1924. № 6) и других, отражающих достигнутый уровень изучения восстания 1916 года.

В связи с 10-летием восстания на страницах печати была развернута дискуссия, в которой приняли участие И. Меницкий, Ю. Абдрахманов и др. Именно в эти годы в Киргизии (13 мая 1926 г.) «создана Комиссия по подготовке проведения десятилетия киргизского восстания. Председатель Комиссии Телегин, члены Комиссии: тт. Тыныстанов, Камбаров, Темирбеков, Рождественский, Матрохина. Постановили: для проведения текущих работ Комиссии создать рабочую тройку из: тт. Телегина, Тыныстанов, Камбарова». С точки зрения позиции членов Комиссии, представляют интерес «соображения Комиссии о характере кампании 10-летия событий 1916 года». Вот что там сказано: «Восстание киргиз в 1916 году носило характер национального освобождения киргизского народа, частично с классовым оттенком. Только благодаря жестокому подавлению киргиз русскими войсками и дружинами из русских крестьян, а также искусственному разжиганию национального антагонизма царским правительством, восстание потеряло классовый оттенок... 10-летие этих событий для Киргизстана должно иметь большое значение и может послужить моментом внедрения в сознание широких трудящихся масс Киргизстана понятия о национальной политике империалистов и Советской власти, как контраст между ними.

Теперь мы можем наглядно демонстрировать эту разницу»¹.

Позже указанные положения приобретают более глубокую разработку, особенно в работах Ю. Абдрахманова, Б. Исакеева и других: «У Ю. Абдрахманова в дневниках и письмах к Сталину и ЦК ВКП(б)»; «О восстании 1916 года»; «По поводу статьи Меницкого»; «Предвестник Октября» (к 15-летию восстания в Киргизии в 1916 года); Заявление тов. Ю. Абдрахманова в Бюро Киробкома ВКП(б); «О восстании киргиз в 1916 году». Фрунзе: Киргосиздат, 1932.; Б. Исакеева «Киргизское восстание 1916 года». Фрунзе, 1932; А.Н. Зорина «Революционное движение в Киргизии». Фрунзе, 1931; «Восстание 1916 года в Средней Азии» // Сборник документов. Выпуск 1. Подготовили к печати Ф. Божко и С. Волин; под редакцией П.Г. Галузо. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932.

Наиболее характерными являются доклад-выступление председателя Совнаркома Киргизской АССР Ю. Абдрахманова на торжественном заседании, посвященном 15-летию восстания 1916 года в 1931 году² и доклад секретаря Киробкома ВКП(б) Б. Исакеева на собрании рабочих «Интергельпо» и железнодорожников, посвященного 15-летию восстания 1916 года³.

¹ Восстание 1916 года в Кыргызстане // Сб. док. / сост.: Г.Т. Гуля, Е.А. Романова, Б.О. Салиева. Бишкек, 2011. С. 232–233.

² Указ. соч. С. 235–274.

³ Указ. соч. С. 274–288.

Ю. Абдрахманов отмечает, что, во-первых, «восстание 1916 года имеет глубокие социально-экономические причины, вытекающие из положения Средней Азии и Киргизии, как колоний царско-империалистической России»: во-вторых, чтобы «полно обрисовать положение киргизского населения как до, так и после колонизации, в период господства царизма, а также ход и исход восстания», указанные вопросы раскрываются в разделах: «Общественно-экономический уклад в доколониционный период» (при этом подчеркивается, что киргизы до колонизации «были эксплуатируемы феодалами и монополиями, то после колонизации они стали объектами эксплуатации царского администратора-колонизатора, капиталиста-ростовщика», при этом подчеркивается, что «одна из целей завоевания края – захват киргизских земель для образования русских переселенческих поселков» и приводит конкретные фактические материалы: годы войны, восстание, его поражение и причины поражения, Октябрьская революция и положение киргиз. Раздел завершается словами: «То, что не смогло сделать восстание 1916 года – дать национальное освобождение угнетенным царизмом, буржуазией народам Средней Азии – дала победившая Пролетарская революция в октябре 1917 года».

В докладе Б. Исакеева указаны четыре основные причины восстания 1916 года, а именно: «безграничная эксплуатация и невыносимый колониальный гнет, особенно со стороны царского правительства; беспощадная и зверская эксплуатация трудящихся со стороны бай-манапских феодально-патриархальных элементов самой киргизской народности; империалистическая война; набор рабочих на тыловые работы».

Указанные вопросы анализировались в разделах: земельная колонизация Киргизии; налоговый нажим; тяжести судебно-административного режима; влияние империалистической войны; набор на тыловые работы и выводы.

Как видно из названий рассматриваемых вопросов, в указанных работах уже к началу 1930-х годов сформировалась тоталитарно-жесткая, догматическая идеология, которая усилилась к концу 30-х годов, когда К. Тыныстанов, Ю. Абдрахманов, Б. Исакеев и другие были репрессированы.

Здесь следует подчеркнуть, что перу Ю. Абдрахманова принадлежат и более обстоятельные работы, посвященные восстанию 1916 года. Именно он в своих статьях «О восстании 1916 года» и «По поводу статьи т. И. Меницкого» принял участие в дискуссиях, посвященных 10-летию восстания. Раскрывая ошибки Меницкого, ответственного редактора журнала «Коммунистическая мысль», Абдрахманов писал: «Ошибка И. Меницкого состоит в том, что он восстание 1916 года рассматривает под углом зрения революции 1905–1906 гг., упуская одну «мелочь» – руководящей силой в революции 1905–1906 гг. было не крестьянство, а рабочий класс, чего невозможно сказать о 1916 г. в Средней Азии... Дехкане и кочевники Туркестана великолепно понимали, что только «русский мужик», победив в назревающей революции, положит конец хищнической колонизаторской политике переселенческого управления». Таково категорическое утверждение И. Меницкого, но действительность не такова. Так может писать только тот, кто ничего не понял из роли «русского мужика» в стране колониальной зависимости. Известно, что колонизация Туркестана, главным образом, шла по линии аграрной, и это обстоятельство сделало из «русского мужика» вынужденного «практического колонизатора» – захватчика земель туземского населения. Поэтому «русский мужик» для дехкан и кочевников сам являлся хищником-колонизатором, а не тем, кто «положит конец» колониальной политике царизма. Поэтому не случайно, что от восстания 1916 года пострадал не столько существующий строй, сколько «русский мужик».

Поражает то, как современно звучат отдельные мысли Ю. Абдрахманова о туземном капитале, который был на службе отечественного капитала и поэтому «у них не было сепаратистских стремлений, они, разумеется, не помышляли о свержении царской власти, об отделении Туркестана от России». Далее Ю. Абдрахманов пишет: «Относительно силы отечественного капитала не будем спорить, что же касается отсутствия «сепаратистских стремлений», то напомним только о работе алашординцев в период 1917 года и «Шура-Исламия», которые были «партиями» туземных эксплуататорских верхушек и духовенства, которые проповедовали идею создания единого панисламистского государства, независимого от России. Разве это – не сепаратизм?»

Когда читаешь эти строки, невольно возникают перед глазами картины наших сегодняшних дней. Я имею в виду деятельность частного бизнеса в КР, кроме того, ни для кого не секрет финансовая основа распространения идей создания халифата. Можно было бы повторить вопрос, который задавал Ю. Абдрахманов: «Разве это – не сепаратизм?» Ведь не случайно, а скорее, закономерно возникла идея укрепления государственности в Кыргызской Республике еще в начале века.

Говоря о прозорливости Ю. Абдрахманова, нельзя не сказать и о том, что именно многие идеи, и прежде всего, идеи отчуждения киргизских земель по категориям «пригодные» и «непригодные»: на эти «непригодные» для сельского хозяйства земли впоследствии выдворялось кыргызское население. Сегодня, когда возникают чрезвычайные ситуации в связи с селевыми потоками, снежными лавинами, страдает, прежде всего, местное население – кыргызы. Посмотрите на новые поселки, в которых живут кыргызы. Ведь не секрет, что переселившиеся крестьяне из губерний Центральной России размещались в поселках, между которыми расстояние составляло 20 км. Тогда как заявления от кыргызов об оседании принимались с определенными условиями. Им сообщалось: «Правительство царя охотно идет навстречу вашим желаниям, но вы должны стать крестьянами, то есть давать своих детей в солдаты, а потом принимать веру царя»¹.

Неординарные мысли Ю. Абдрахманова, естественно, стали предметом обсуждения партийных органов; бюро Киробкома ВКП(б) 8 сентября 1931 года принимает решение «Об ошибках, допущенных Ю. Абдрахмановым в статье 1926 года «О характере восстания 1916 года», а также критикой, данной на эту статью в газете «Правда Востока». В своем заявлении в Бюро Киробкома ВКП(б) Ю. Абдрахманов признает, что в статье имеются «ошибочные утверждения». «Первая ошибка, – вынужден был писать он, – заключается в том, что по моей формулировке – «да о такой поддержке (поддержке восстания 1916 года) со стороны «русского мужика» не могло быть и речи, ибо интересы его в силу царской колонизаторской политики, были противоположны интересам коренного населения, – получается противопоставление нации против нации... Вторая ошибка заключается в том, что по моей формулировке получается, что рабочий класс может руководить только «чисто классовыми движениями», следовательно, получается отрицание руководящей роли рабочего класса в национально-освободительной борьбе угнетенных народов колоний в буржуазно-демократической революции в метрополиях, что абсолютно не верно. Третья ошибка заключается в том, что я, констатируя отдельные факты выбора ханами отдельных маналов, факты участия в восстании некоторых прослоек бай-маналов, не дал анализа этим фактам, не показал, что они пришли к этому под давлением трудящихся масс... Все эти ошибки являются результатом недостаточно внимательного отношения к теоретическим формули-

¹ Абдрахманов Ю. Избранные труды / Сост.: Дж. Джунушалиев и др. НАН КР. Институт истории. Общественный фонд «Иссык-Куль». Бишкек, 2001. С. 192.

ровкам, которые объективно могут сыграть на руку классовым врагам и поэтому-то их осуждение Обкомом РКП(б) является правильным и своевременным»¹.

Сегодня в условиях суверенного кыргызского государства многие мысли Ю. Абдрахманова и Б. Исакеева имеют принципиально важное значение. Ведь не секрет, что обязанностью каждого гражданина Кыргызской Республики является строгое выполнение законов КР, в том числе и служба в армии. Что же мы имеем на деле? Нарушаем принятые законы, выходим на митинги, перекрываем дороги, требуем освобождения нарушителей законов. Мало того, нарушение законов, принятых нами же, начиная от рядовых членов общества, до первых лиц государства, что явилось причиной двух революций, приведших к человеческим жертвам, а первые лица и их окружение оказались беглецами.

15-летний юбилей восстания 1916 года широко отмечался в Средней Азии. В тезисах Культпропа ЦК ВКП(б) и САНИИР, посвященных этому событию, отмечалось, что «восстание 1916 года не увенчалось успехом, но оно подготовило победоносный Октябрь в Средней Азии и переход народов Средней Азии на путь социалистического развития, минуя мучительную стадию капитализма»².

Здесь следует обратить внимание на две мысли – первое восстание 1916 года подготовило победоносный Октябрь, и второе – «переход народов Средней Азии на путь социалистического развития, минуя мучительную стадию капитализма». Эти тезисы стали основными при написании научных работ, диссертаций в том числе и докторских по истории и философии, посвященных истории Октябрьской революции, проблемам перехода к социализму, минуя капитализм, в частности диссертации К.К. Орозалиева, А.А. Алтмышбаева, М.С. Джунусова и др. Академик К.К. Каракеев отмечал: «Накопленный к середине 50-х годов материал позволил начать фронтальный анализ, с точки зрения выявления закономерностей перехода киргизского народа к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Работы М. Джунусова, А.А. Алтмышбаева не только утвердили эту проблему в историографии Киргизии, но и значительно продвинули ее изучение»³.

Указанный сборник документов имеет большое значение, поскольку, как надеялись составители исходя из него, можно развернуть публикацию документов по отдельным моментам восстания». Что же касается проблем истории восстания 1916 года, в Сборнике имеются документы – речи в Государственной Думе и доклады представителей администрации края, которые «разно оценивают причины и предпосылки восстания.

Так, если Керенский считает, что единственной причиной восстаний является центральная власть «объявившая и проводившая в жизнь незаконный указ незаконным порядком, с нарушением всех элементарных требований закона и права, то Самаркандский губернатор Лыкашин насчитывает 17 причин восстания»⁴. Внимательное изучение сборника позволяет найти конкретные факты, относящиеся к Киргизии. В выступлении Керенского сообщаются факты, имеющие отношение к событиям в Пржевальске, Токмаке (с. 121–122). Керенский говорил: «Почему произошли эти эксцессы именно в этом уезде по берегам Иссык-Куля, да потому, что когда производилось наделение землею русских крестьян, киргизское население, как раз было поголовно согнано с побережья этого озера и было лишено

¹ Абдрахманов Ю. Указ. соч. С. 202–204.

² Восстание 1916 года в Средней Азии / сб. документов. Подг. к печати Ф. Божко и С. Волин; под ред. П.Г. Галузо. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. С. 3.

³ Каракеев К. Великий Октябрь и наука Киргизстана. Фрунзе, 1977. С. 148.

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии / сб. документов ... С. 3.

возможности пользоваться водой и лугами, лежащими на берегах этого озера, было загнано в горные области, в области, так сказать, альпийских лугов»¹. В сборнике имеется копия «прошения кара-киргиз Пржевальского уезда» на имя российского консула в Кульдже, а также обзор архивных материалов по восстанию 1916 г. в Средней Азии.

Важная информация содержится в книге «Материалы к докладу о двадцатилетии киргизского восстания 1916 года» (на правах рукописи). Фрунзе: Киргосиздат, 1936. Ответственный за выпуск Н. Чекменов, изданный Отделом партпропаганды, агитации и печати Киргизского Обкома ВКП(б).

Юбилей восстания 1916 года в Киргизии позднее начали проводить по круглым датам. Отличаются сборники документов и книг, посвященные 95-летию² и 80-летию восстания³. В последнем издании содержится важная мысль, которая в условиях суверенного Кыргызстана должна стать ведущей главной идеей. Авторы предисловия Ч. Базарбаев и М. Чекиров пишут: «Мы, прочитав эти книги, издали их не для того, чтобы мстить русским, а для того, чтобы каждый знал, какие жесткие времена были в нашей истории. Это делается для того, чтобы укреплять наше государство».

Большой вклад в изучение восстания 1916 года в Центральной Азии и Казахстане внесли труды К. Усенбаева⁴, Х.Т. Турсунова⁵, Б.С. Сулейменова⁶, В.Я. Басина и др. Сегодня научные сотрудники Института истории НАН КР, историки, работающие в вузах страны, принимают активное участие по выявлению новых архивных материалов и документов, относящихся к истории восстания 1916 года в Кыргызстане.

Составители сборника, посвященного 100-летию со дня восстания 1916 года, при сборе и расположении материалов, документов стремились встать выше личностных интересов как начальников, администраторов, чиновников различного уровня, так и рядовых участников восстания, невзирая на национальность, будь то киргиз, русский, казах, узбек или дунганин. В него включены документы из ранее опубликованных сборников, а также новые материалы, которые еще не публиковались.

В частности, материалы о разгроме Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря (август 1916 г. – апрель 1917 г.); «История киргизского мятежа 1916 года в описании Семиреченского духовенства» (В. Королева. Русская народная линия); «Восстание 1916 года в Киргизстане» (Документы и материалы, собранные Л.В. Лесной; под редакцией и с предисловием Т.Р. Рыскулова. М., 1937); К.В. Харлампович «Восстание Тургайских казах-киргизов 1916–1917 гг. (по рассказам очевидцев). Кызыл-Орда, 1926 г. и др.

Все предшествующие публикации в сборниках документов, монографии, материалы конференций, особенно в журнальных статьях демонстрируют либо тенденциозный подход, либо одностороннее видение. Однако проблема имеет не только научное, но и политическое звучание, она властно требует нового современного осмысления и объективного исследования максимально полного круга первоисточников: анализа всех доступных документов.

В завершение историографического обзора хотелось бы особо акцентировать внимание на цифрах и конкретике.

¹ Восстание 1916 года в Киргизстане. С. 105–107.

² Указ. соч. 304 с.

³ Указ. соч. С. 121–122.

⁴ Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967.

⁵ Турсунов Х.Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

⁶ Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1977.

Так, по свидетельству Куропаткина, «от восстания пострадало во всех областях 3709 человек, русских из них около – 2325 и пропало без вести – 1384 человека, а местных киргизов – в два раза выше»¹. Член Государственной Думы России Керенский отмечал, что «события эти... не только внесли экономическое разрушение, не только нарушили спокойное течение жизни в огромных областях России, но и были соединены с жертвами как со стороны русского, так и туземного населения. Почти несколько тысяч русского населения и много десятков тысяч туземного»².

По данным члена-корреспондента НАН КР Дж. Джунушалиева, «только в Ташкенте и уездах из числа мирного населения было убито 2997, ранено – 804, пропало без вести и взято в плен 1364 человека. Потеря войск во всей Семиреченской области убитыми и ранеными – всего 177 человек.

По подсчетам Туркестанских чиновников, население после восстания 1916 года уменьшилось на 42 %: почти 150 тысяч человек бежало в Китай, было убито или пропало без вести»³.

Ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Российской Академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, канд. ист. наук Т.В. Котюкова отмечает, что «полувекое присутствие в крае обошлось России в более чем 150 млн рублей. Это без расходов на железнодорожное строительство, которое стоило метрополии в 164 млн рублей»⁴. Одновременно профессор Ш. Батырбаева (КРСУ) отмечает, что «если геноцида не было, почему в Киргизии регулярно заявляют о том, что Россия должна выплатить компенсации?»⁵.

Иными словами, когда мы говорим об уроках, извлеченных из восстания 1916 года, мы никогда не должны забывать о существовании суверенного Кыргызского государства. Глубоко был прав академик С. Табышалиев, который писал: «Зная правду истории, не предъявлять друг другу счет за своих предков»⁶.

¹ Восстание киргизов и казахов в 1916 году... «Асаба». С. 40.

² Восстание 1916 года в Средней Азии // Сб. док. Ташкент, 1932. С. 105–106.

³ *Плоских В.М., Джунушалиев Дж. Дж.* История киргизов и Кыргызстана: учебник для вузов; изд. 2-е. Бишкек, 2009. С. 179.

⁴ *Котюкова Т.* Восстание 1916 года в Туркестане: ошибки власти или историческая закономерность? Обозреватель Observer. 8/2011

⁵ StanRadar.com: Что произошло на самом деле в 1916 году?

⁶ *Табышалиев С.* Зная правду истории, не предъявлять друг другу счет за своих предков // Слово Кыргызстана, 1991, 6 апреля.

ПРИЧИНЫ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1916 года НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Е.Н. Закирова

100 лет назад в Средней Азии произошли трагические события, которые требуют всестороннего и объективного анализа исследователей разных областей науки для того, чтобы мы могли правильно воспринимать и интерпретировать произошедшие события.

17 мая 2015 г. президентом Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаевым был подписан указ «О столетии трагических событий 1916 года» – Уркуна¹ и образована общественная комиссия в составе ученых историков и представителей других гуманитарных наук для выработки объективной исторической и политической оценки этих событий [1]. Это сделало проблему не только объектом научных исследований, но и объектом обсуждения общественности.

До недавнего времени вопросы, касающиеся событий 1916 г. в Туркестане, оставались в категории закрытых и являлись объектом изучения узкого круга исследователей. Всесторонний анализ событий 1916 г., с привлечением широкого круга источников и исследователей, начался лишь в последние два десятилетия. Объективной и правдивой оценке событий препятствует груз политических и идеологических установок, доставшийся исследователям от прошлого. Выводы и суждения зачастую строятся ими не на анализе значительного массива архивных материалов, а лишь их части, подтверждающей уже сложившиеся представления и предположения относительно событий прошлого.

Для объективной оценки роли той или другой стороны в событиях необходимо, в первую очередь, выявить причины процесса.

Любое массовое проявление народного недовольства, к которому можно отнести и события 1916 г. в Туркестане, имеет не одну, а ряд причин, которые в совокупности привели к трагическим последствиям. Основной, на наш взгляд, причиной стал комплекс непродуманных действий со стороны российских властей, среди которых ключевым стал царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве коренного населения Туркестана на тыловые работы (в связи с началом Первой мировой войны), что усугубило и без того сложную экономическую и политическую ситуацию в регионе.

Еще одним фактором стало переселение крестьян из центральных районов Российской империи на территорию Средней Азии, что изменило в регионе этническую, языковую и религиозно-культурную среду, которая далеко не всегда вписывалась в уклад жизни коренного населения, в результате чего часть переселенцев предпочла вернуться обратно на родину. Те же, кто остались, стали ядром быстро формирующейся русской диаспоры, так называемых «русских туркестанцев», которые были сосредоточены на территории Семиречья. Они устраивались самовольно, договариваясь с коренным населением или в организованном порядке на землях, орошаемых за счет государственных средств [2, с. 101].

Вторая половина XIX в. в русской имперской политике характеризуется доминированием принципа государственного единства России, который был связан с идеей националь-

¹ Уркун – «массовое бегство» – термин, используемый кыргызами для обозначения трагических событий 1916 г.

ного государства, что предполагало приобщение инородцев к русской государственности и русской культуре.

В это же время появляется доктрина ограниченной веротерпимости, допускавшей вероисповедание ислама, но препятствовавшей его распространению и укреплению.

В связи с этим в начале XX в. отмечается изменение традиционного общественного сознания национальных элит Туркестана. Одним из направлений национальной политики стала борьба с панисламизмом и пантюркизмом, под которыми в России понималось всякое проявление культурно-политического самосознания мусульман.

Нельзя не отметить и тот факт, что после младотурецкой революции в политическом сознании российских (в том числе туркестанских) мусульман наметилась сильная протурецкая ориентация, которая серьезно беспокоила правительство потому, что в целом комплексе вопросов Османская империя воспринималась мусульманами России как ориентир, к которому нужно стремиться [2, с. 100–101].

Несмотря на первостепенную роль ислама, немаловажное значение имеет и менталитет, так как чужие традиции, обычаи, приоритеты нередко вызывают, пусть и не открытую, но негативную реакцию. Это стало еще одной причиной нарастания недовольства государственной национальной политикой России среди коренного населения Туркестана.

После присоединения Туркестана Российская империя давала коренным народам привилегии, например, освобождение от воинской повинности, и достаточно долго свое обещание сдерживала. Это была, скорее, не привилегия, а вполне оправданная политическая мера, поскольку мусульманское население недавно присоединенной огромной территории не могло считаться вполне благонадежным. Да и мобилизационных ресурсов европейской части страны было на тот момент еще достаточно.

Население Туркестана не платило военного налога. Вопрос о взимании последнего правительство рассматривало на протяжении нескольких десятилетий, решившись на его введение только 1 января 1915 г.

Рассматривая имеющиеся факты, тезис о том, что «царизм настойчиво проводил нещадную эксплуатацию природных богатств края, превращая Туркестан в сырьевой придаток империи» [3, с. 204–210], выглядит неуместным. Кроме того, Российская империя вкладывала значительные средства в создание и развитие местной промышленности и инфраструктуры.

С началом Первой мировой войны, Российская империя была вынуждена увеличить поземельный налог, который за период с 1914 по 1916 г. в Туркестане вырос более чем в 2 раза, был установлен дополнительный военный налог на хлопок, таможенные сборы и др. [2, с. 105–108].

Резкое повышение налогов, ухудшение социально-экономического положения в крае, сопровождавшиеся снижением уровня жизни населения, активная деятельность многочисленных уполномоченных по заготовке сырья, продовольствия, фуража и топлива для промышленности и армии, изъятие для военных нужд у населения рабочего и вьючного скота, повозок, юрт, кошмы и земель у коренных жителей края для создания русских поселений не могли не вызвать недовольство.

С началом Первой мировой войны в Туркестан начинают отправлять военнопленных. Сосредоточение в Туркестане пленных, а затем прибытие беженцев (с июля 1915 г.), которых к 1916 г. насчитывалось до 70 тыс., привело к продовольственному и жилищному кризису, что крайне обеспокоило краевую администрацию, которая считала, что в случае каких-либо беспорядков это усугубит ситуацию [2, с. 108].

К концу 1915 г. в центральных регионах Российской империи стала ощущаться нехватка людских ресурсов и 15 января 1916 г. постановлением Совета министров было образовано межуведомственное совещание по вопросу о применении труда корейцев и китайцев, проживающих на территории Российской империи [6].

В его решении были утверждены нормативы и принципы, на основании которых иностранцы могли привлекаться для работы на российских предприятиях. Но эта мера не решала проблемы дефицита неквалифицированной рабочей силы. Поэтому правительство приступило к мобилизации на восточных окраинах.

25 июня 1916 г. Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» в возрасте от 19 до 43 лет включительно [5, с. 32–35].

Целью указа стало обеспечение рабочей силой, прежде всего, оборонных объектов и военных предприятий, тем самым царское правительство пыталось расширить возможности призыва на фронт русских рабочих за счет замены их коренным населением, освобожденным от несения воинской повинности.

Стоит отметить, что еще до объявления мобилизации коренное население Туркестана добровольно вербовалось на работу. Например, в Аулие-Атинском и Черняевском уездах Сырдарьинской области военно-инженерной организацией на тыловые работы было набрано около 10 тыс. чел. [6, с. 258–260].

За свою работу в рамках Указа от 25 июня 1916 г. рабочим предполагалась выплата денежного вознаграждения и полное обеспечение государства. В первую очередь мобилизации подлежало мужское население в возрасте от 19 до 31 года включительно.

Мобилизация в Туркестане была начата 29 июня 1916 г., и по наряду край должен был направить на тыловые работы порядка 250 тыс. человек. Для сельского населения это означало потерю основной части работников в разгар полевых работ на хлопковых полях.

Кроме того, организация мобилизации рабочих была возложена на местную администрацию, которая, выгораживая от призыва имущие категории населения, всю тяжесть призыва переложила на бедняков. Эти обстоятельства также стали причиной массовых возмущений.

Сельскими и аульными старостами, которым было поручено составление списков мобилизованных, императорский указ был интерпретирован по-своему. Именно они распространяли слухи о том, что это не набор на тыловые работы, а скрытая мобилизация на фронт, необходимая для уничтожения коренного населения для заселения освободившихся земель русскими. Поэтому население Туркестана истолковало мобилизацию на тыловые работы как нежелание властей исполнять данные ранее обязательства и нарушение своих прав [4, с. 306–307].

Первым проявлением недовольства, вылившимся в расправы с чинами местной и русской администрации, стали события 3–4 июля 1916 г. в Ходженте, где городская беднота и дехкане (крестьяне) собрались на демонстрацию против набора на тыловые работы.

В г. Ташкенте, столице Туркестанского края, волнения начались сразу же после обнародования указа.

Наиболее крупное восстание произошло 13–21 июля 1916 г. в Джизаке. В нем участвовало несколько тысяч человек.

Восстание охватило весь Туркестан: в 100 местностях Ферганской области, 28 – Самаркандской области, 20 – Сырдарьинской области. Наиболее массовый и в какой-то степени организованный характер под предводительством религиозных лидеров¹ восстание носило в Ходженте, Джизаке и других городах [7, с. 156–160].

¹ По мнению большинства исследователей, если бы из мусульманского духовенства сделали государственных чиновников, а именно так правительство поступило в Поволжье и Крыму, ситуация в Туркестане выглядела бы иначе. Духовные лидеры в Туркестане всегда имели большое количество последователей – достаточно было их письменного или словесного распоряжения «о послушании русским властям» и беспрекословном исполнении указа от 25 июня о поставке рабочих в тыл действующей армии, то, по мнению сотрудников ТРОО, «все было бы тихо и выступлений не происходило».

Местные власти стали принимать экстренные меры по подавлению очагов восстания. Для наведения порядка были брошены карательные отряды.

18 июля 1916 г. Туркестан был объявлен на военном положении.

Учитывая возникшие проблемы, 30 июля 1916 г. был объявлен новый царский указ об отсрочке мобилизации до 15 сентября. В правящих кругах подумывали о полной отмене мобилизации для Туркестана, как это было сделано в отношении Кавказа, но отказались от этой идеи, так как посчитали, что местным населением это будет воспринято как слабость правительства. В связи со сложившимися обстоятельствами, было принято решение усилить местную администрацию и назначить ее главой А.Н. Куропаткина, в прошлом военного министра России.

Вновь назначенный генерал-губернатор ввел особый порядок, согласно которому количество мобилизуемых рабочих утверждали специально избранные представители от населения. Его приказом были освобождены от набора следующие категории коренного населения:

- должностные лица;
- полицейские чины;
- имамы, муллы и мударисы;
- служащие учреждений мелкого кредита;
- учащиеся высших и средних учебных заведений;
- лица, занимающие классные должности в правительственных учреждениях;
- лица, пользующиеся правами дворян, потомственных почетных граждан и личных почетных граждан.

При общении с русским населением А.Н. Куропаткин пытался всеми доступными ему средствами успокоить его и вернуть в край спокойствие, так как правительство не смогло обеспечить безопасность людей, поселив их на далекой окраине. Недовольству «туземцев» было решено противопоставить непоколебимую мощь Российского государства в Русском Туркестане [8].

Согласно официальным данным, представленным Туркестанским генерал-губернаторам А.Н. Куропаткиным в 1916 г., общее число пострадавших русских семей достигло 8 тыс., из которых 6 тыс. потеряли все свое имущество, при этом особенно сильно пострадало население Семиреченской области [9].

К концу ноября 1916 г. численность бежавших из России в Илийский край – казахов, киргизов, дунган и уйгур – составила, по данным российского консульства в Кульдже, около 100 тыс. чел. По пути своего бегства мятежники сжигали все русские деревни, вытапывали поля, угоняли скот. Всего в Китай ушло более 300 тыс. чел.

Судебные процессы продолжались в крае до конца февраля 1917 г. По одним данным, суду было предано 3 тыс. чел., 1588 из них были казнены или осуждены на разные сроки, по другим – было арестовано более 3 тыс. чел., из них около 350 были приговорены к смертной казни (приговор был утвержден и приведен в исполнение для 51 чел.), другие отправлены в ссылку [10].

В результате восстания арестованы и осуждены судом были и представители русского населения края. [4, с. 111–112].

После восстания на тыловые работы из Туркестана было мобилизовано около 123 тыс. чел. При этом мобилизованные рабочие, отправленные из Туркестана еще до начала Февральской революции, не успев доехать до места, застревали на железнодорожных переездах в Пензе, Сызрани, Самаре и других городах. Новые власти не знали, что с ними делать, но и вернуть их обратно домой не решались.

На вопрос о причинах и характере восстания пытались и пытаются ответить исследователи Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана и России. Споры о том, чем являлось вос-

стание 1916 г. в Туркестане, не угасают до сегодняшнего дня, а с приближением очередной годовщины трагических событий, разгораются с новой силой. Некоторые считают события ответной реакцией на ошибку царских властей, принявших неверное решение и проведение ими непопулярных мер, другие считают «исторической закономерностью», кто-то пытается спекулировать и преподносит события с выгодной ему позиции, кто-то замалчивает факты.

На наш взгляд, только научная дискуссия позволяет дать объективную оценку событиям вековой давности.

Литература

1. Указ «О 100-летию трагических событий 1916 года». URL: <http://www.president.kg/ru/news/ukazy/5931>
2. Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // http://www.observer.materik.ru/observer/N8_2011/098_126.pdf
3. Литвинов П. П. Государство и ислам в Русском Туркестане. Елец, 1998.
4. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 305–306.
5. Ковалев П.А. Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957.
6. Лукьянов С.А. Роль департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий МВД Российской империи в реализации государственной вероисповедной политики (1800–1917 гг.). М., 2008.
7. Ганин А.В. Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2008. Т. V. С. 152–214.
8. Папазов А.В. Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в его подавлении // Вестник московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. М., 2015. С. 109–112.
9. Шейшекеева Г.М. Восстание 1916 года и миграционная ситуация в Кыргызстане // Наука и новые технологии. Бишкек, 2013. № 5. С. 200–202.
10. Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М., 2006. С. 254–258.

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ (БУНТА) 1916 года

*З.К. Курманов, М.Н. Суюнбаев,
И.М. Суюнбаев, Д.С. Узбеков*

Я выступаю в защиту коллективной истории. Если мы поднимемся до всеобщего сознания, то нам придётся осудить американцев за индейцев, китайцев – за тибетцев, тех же французов – за алжирцев и руандцев и так далее, и так далее. Вся история – это преступление против человечности.

Пьер Нора [1]

В 1916 г. во всей Российской империи сотни тысяч мужчин отправляли на фронты Первой мировой войны, которая стала великой бойней. Именно в ту войну возникло понятие «геноцид», то есть «действия, направленные на уничтожение целых групп населения по этническим или религиозным признакам» [2]. Явные признаки взаимного геноцида можно увидеть и в кровавых событиях на севере Кыргызстана в 1916 г.

В чем же причины расширения владений Российской империи в Туркестане во второй половине XIX века?

Среди главных причин называлось занятие «естественных границ» России. Другой основной причиной, и более реальной, была захватившая российские правительственные и военные круги идея необходимости противостояния Британской империи [3].

Дипломатический нажим Англии на государства Туркестана усилился во время Крымской войны (1853–1856). Англия использовала своего союзника – султанскую Турцию с целью создания военной коалиции государств региона и Турции, призывающей к газавату против России. Предлагаемая англичанами военная помощь была отклонена народами региона, которые уже имели представления об установленном в Индии колониальном режиме.

С 1855 г. кыргызские и казахские племена, подчинённые Кокандскому ханству, в поисках безопасности стали переходить в российское подданство, не в силах терпеть произвол и беззаконие кокандских наместников.

Поражение в Крымской войне (1853–1856) потребовало самообеспечения России хлопком,купаемым до этого в Америке. Туркестан стал в Российской империи единственным поставщиком хлопка. На первом месте – Ферганская область – исходная точка бунта 1916 г. Хлопок становился в то время стратегическим сырьем – из него начали производить оружейный порох. Кроме того, без хлопка нет обмундирования, а без него армия превращается в толпу. Потребность в хлопке и территории для размещения избыточного российского населения привела к дальнейшей экспансии в регион.

Проблему многократной перегрузки хлопка решила построенная в 1906 г. Оренбург-Ташкентская железная дорога, которая сократила время доставки груза из Ферганы в Москву с полутора месяцев до 18–20 дней. К 1915 г. были построены ветки, охватывающие Ферганскую долину с севера и Бухарский эмират с юга.

В 90-х гг. XIX в. в связи с постройкой Сибирской магистрали и после голода в царской России поток переселенцев резко увеличился. Царизм поощрял переселенческое движение и в широкой степени стал применять закон о земельных излишках. Вся земля кочевников, по закону, считалась государственной, находящейся в пользовании у казахов. Государство имело право в случае надобности изымать излишки у казахского населения. После революции 1905 г. в целях притупления аграрного вопроса во внутренних губерниях царское правительство всячески поощряло переселенческое движение, организовывало массовое изъятие земель.

Российская империя после поражения в русско-японской войне и революции 1905–1907 гг. была совершенно не в состоянии продолжить свой бросок на юг. Она остановилась, сосредоточившись в Туркестане.

Острая нехватка земли в Европейской России, с одной стороны, и информация о возможности получить бесплатную землю – с другой, поднимала русских крестьян с мест и гнала их в Приуралье, Сибирь, Туркестан. В Туркестанском крае наибольшее число переселенцев были выходцами из Воронежской, Самарской и Саратовской губерний, черноземных районов с самой высокой стоимостью земли в России.

Инспирировав массовый приток русских переселенцев в Среднюю Азию, царское правительство пыталось решить две стратегические задачи:

- 1) способствовать решению аграрного кризиса в самой России, направив значительную часть безземельного крестьянства на новые территории;
- 2) создать в колониальных владениях «ядро русских людей», что позволило бы сформировать там своего рода «лоялистскую» базу имперской власти и усилить контроль над этим важнейшим стратегическим регионом.

Первый шаг в этом направлении был сделан еще 21 ноября 1868 г., когда было принято «Временное уложение», согласно которому все земли казахов перешли в государственную собственность. Собственно с этой поры и начинается приток в Казахстан русских переселенцев. Так называемое Степное Уложение 1891 г. разрешало коренному населению владеть лишь 40 акрами земли (в эквиваленте) на душу, что значительно меньше того, что требовалось для сохранения кочевого образа жизни. Оно, по существу, открыло путь к прямому изъятию собственности кочевников. Дальнейшим шагом стал закон от 14 февраля 1905 г. об образовании переселенческих участков на «излишних» для кочевников землях.

Туркестанский генерал-губернатор А. Куропаткин писал в своем дневнике: «Чиновники произвольно рассчитали нормы земельного обеспечения киргизов и начали нарезать участки, включая в них пашни, зимовые стойбища, насаждения, оросительные системы. ... Отбирали землю не только годную для устройства селений, но и для развития скотоводства. Именно несправедливое изъятие земель привело к восстанию» [4].

Помимо русских чиновников, активнейшее участие во всех этих неблагоприятных делах принимал и «туземный» административный аппарат.

Перераспределение угодий приводило к ломке традиционных форм землепользования и порядка кочевания, не обеспечивая в то же время полноценного перехода к оседлому образу жизни. Итогом стала деградация животноводческого хозяйства коренного населения с последующим обнищанием.

К 1914 г. 40 % населения Казахской степи и 6 % населения Туркестана уже составляли русские, в большинстве своем земледельцы. Степень конфликтности в отношениях коренного населения с «новоселами», как называли переселенцев первого десятилетия XX в.,

была значительно выше. Правда, и среди «старожилов» была значительная группа переселенцев, чьи отношения с «туземцами» складывались особенно остро. Это – казаки, которым отводилось более половины экспроприированных площадей.

Русские в Туркестане значительно меньше, чем на других окраинах, вступали с местным населением в непосредственный контакт; во-вторых, они были поставлены в положение господ, впервые в истории Российской империи. Кроме того, в регионе русские словно бы начисто утратили свою способность к ассимиляции с местным населением.

Изъятие земель вызвало стихийное сопротивление. По Ферганской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Семиреченской областям в 1904 г. было зарегистрировано 130 нападений, в 1905 – 235, в 1914 – 295, в 1915 году – 372 нападения – более 1-го в день!

Центральная администрация, несмотря на сопротивление большинства представителей туркестанской администрации, стояла за продолжение крестьянской колонизации. Эту позицию разделял и Николай II. На отчете военного губернатора Семиреченской области за 1904 г., где были написаны соображения по поводу устройства прибывших переселенцев, царь надписал: «надо настойчиво двигать колонизацию этого края».

Еще 3 июля 1907 г. царь Николай II издал Указ о лишении избирательных прав коренных народов Сибири и Средней Азии.

Т.И. Хидыралиев в «Правде» от 30 июля 1924 г. красочно описывает нарастание событий – мобилизацию лошадей, всякого рода поборы под видом «добровольных пожертвований», сопровождаемые арестами избиениями. Били и арестовывали по подозрению в сочувствии Турции.

«К 1916 году цены на хлопок были «нормированы», цены на предметы первой необходимости выросли неимоверно; мобилизации лошадей следовали одна за другой; в горах находили трупы дехкан, умерших от голода; по ночам на кишлаки налетали банды кулацких сыновей, грабежи и насилия творились открыто и безнаказанно... Число дехкан, разорившихся от поборов, мобилизаций, кабальной зависимости, достигает нескольких сот тысяч. По краю бродят, выпрашивая милостыню, погибая от голода и эпидемий, толпы нищих. Над хлопковым регионом стал носиться призрак кровавых восстаний...».

Накопившееся возмущение, вызванное нараставшим отбором земель под хутора казаков и переселенцев, резко возросшее обнищание, вызванное закупкой лошадей, скота для нужд фронта при катастрофически нараставшей инфляцией, создали чрезвычайно взрывную обстановку. Особо ретивыми местными правителями практиковались и реквизиции под видом «добровольных пожертвований» фронту.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война лишь обострила ситуацию. Да и вряд ли могло быть по-другому – коренному населению пришлось нести новые тяготы: обязательные поставки мяса, массовая реквизиция скота, был введен новый военный налог с кибиток, увеличены земские сборы и байский волостной алым – сбор для содержания волостных управителей, а также дорожные и другие сборы. Налоги на местное население с началом войны возросли в 3–4, а в отдельных случаях – в 15 раз. Неизмеримо увеличились произвол и насилие царских чиновников. Особенно сильное возмущение вызывало поведение низовых административных органов и казаков. Так, киргизы Иркештамского аульного общества жаловались, что *«им жить положительно невозможно в своем ауле: так как начальник иркештамского гарнизона вместе со своими казаками разъезжает по аулу, отнимает у киргиз масло, сено и баранов...»*. Начальник Ошского уезда Мельников в рапорте военному губернатору Ферганской области Иванову, сообщая об этих жалобах, добавлял, что *«казаки распущены и расправляются с киргизами по своему усмотрению»*.

Но главное – продолжалось массовое изъятие земель. К середине 1916 г. общая площадь изъятых у казахского населения земель составила 45 млн десятин. Российские власти не понимали или не хотели понимать особенности землепользования у кочевых народов. У оседлых народов тот, кто «сидит» постоянно на земле, – тот и хозяин. Кочевники, возвращаясь с перекочевов к своим зимним пастбищам, начали обнаруживать, что их земли обрели нового хозяина.

Непосредственным поводом для начала восстания стал указ от 25 июня 1916 г. о принудительном привлечении на тыловые работы в прифронтовых районах мужского инородческого населения в возрасте от 19 до 43 лет включительно, что явилось компромиссным решением. Но для кочевника-воина погнать его на войну в качестве тылового работника – это было оскорбительно. Невыполнение обязательств привело к недовольству.

Указ словно намеренно пришелся на время Рамазана и, разумеется, был воспринят мусульманами как святотатство.

Дилетантское, резкое по содержанию и оскорбительное по форме решение стало своего рода «спусковым крючком» для широкомасштабного восстания коренного населения на большинстве территорий Средней Азии и Казахстана.

Литература

1. *Мичигишиев Азиз*. Франция за геноцид армян. http://www.islam.ru/content/analitics/francia_zh_genocid_armenian. 30.12.2011
2. Орфографический словарь-справочник. М.: Русский язык: Б.З. Букчина, Л.П. Какалуцкая, 1998.
3. 1841 г. мая 6. – Письмо оренбургского военного губернатора В. Перовского управляющему МИД графу К. Нессельроде о происках английских агентов в Средней Азии.
4. *Аманжолова Д.* Из истории межэтнических конфликтов в России (1905–1916 гг.) / Д. Аманжолова // Международный исторический журнал. 2002. № 20.

ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ КЫРГЫЗОВ В 1916 г.

Т.А. Абдырахманов

Трагедия восстания 1916 года до сих пор вызывает неоднозначную реакцию общества, чему способствует отсутствие до сегодняшнего дня четко обозначенных и обоснованных точек зрения на причины восстания, его ход и последствия. Прежде всего, мы должны отметить, что как любое массовое проявление народного недовольства, восстание 1916 года было вызвано множеством причин. Первая мировая война и царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве коренного населения Туркестана на тыловые работы сыграли лишь роль катализатора, усугубив и обострив политическую ситуацию в регионе.

По своему характеру движение было антиколониальным и антифеодальным, народно-освободительным. Восстание в Кыргызстане началось неожиданно как для царской администрации, так и для части местной родоплеменной верхушки.

Несомненно, основными причинами восстания были усиление колониального гнета, изъятие земель, увеличение налогов и поборов, рост эксплуатации трудящихся феодально-байской верхушкой. Не случайно свою главную задачу в Кыргызстане российские власти видели в упрочении «русской государственности на началах самодержавной власти».

Будучи неоднородным, движение в Кыргызстане в большинстве районов носило народно-освободительный характер и своим острием было направлено против российского административного аппарата и кое-где против представителей туземной администрации. В большинстве районов края руководство восстанием захватили феодальные и клерикальные элементы. В отдельных местах выступления были направлены не только против властей, но «и русского населения вообще». Такого рода выступления наблюдались в Семиреченской, Акмолинской и других областях. Есть основание полагать, что известную роль в разжигании антирусских настроений сыграли воззвания «из Кульджи, по-видимому, германского происхождения» [1, с. 42]. Как сообщал и.д. окружного генерал-квартирмейстера подполковник Маккавеев: «По имеющимся сведениям причины выступления киргиз Семиреченской области кроются в посылке из Китая агитаторов из числа русских подданных киргиз, обещавших поддержку Китая, где немецкое влияние тоже сильно. Имелось предположение, что киргизы Семиреченской области должны овладеть Оренбургской железнодорожной линией, Сибирские киргизы прервать сообщение на Сибирской железной дороге, афганцы и турки действовать в Закаспийской области, прервать сообщение с Каспийским морем. Таким образом русские в Туркестане были бы предоставлены сами себе в конечном результате достались бы в добычу сартам и киргизам» [2. Л. 461].

В целом же восстание в Кыргызстане в 1916 г. носило антиколониальный и антифеодальный характер, основной его движущей силой были трудящиеся массы аила. В «Журнале военных действий карательной экспедиции генерала Лаврентьева» зафиксировано, что «огромное число мятежников состоит из беднейшего класса киргизов», что «преданными правительству остались лишь привилегированные классы — богачи» [3, с. 168]. О том же

писал в своем рапорте Пржевальский уездный начальник: «Брожение в уезде среди киргизского населения не прекращается, в особенности настроение у молодежи призывного возраста сильно приподнятое. В настоящее время творят самоуправные деяния большею частью по отношению к своим одно-аульцам – влиятельным и богатым лицам, выражающиеся в самовольном отобрании у них всякого скота...» [3, с. 226]. Родовая верхушка неоднократно обращалась к царским властям с просьбой о направлении войск для подавления восстания. Ее представители разъезжали по аулам с целью воздействовать на людей и угрожать им, чтобы они «не собирались в скопища, беспрекословно подчинялись высочайшему указу о привлечении к военным работам...» [3, с. 227].

В восстании принимали участие и местные рабочие, батраки, ремесленники. Из-за своей малочисленности и недостаточной организованности киргизские рабочие не смогли возглавить национально-освободительную борьбу народа, не смогли внести организованность в стихийные выступления кочевых масс.

В процессе развертывания восстания ясно обозначилась расстановка классовых сил в киргизском аиле. Феодально-патриархальная верхушка выступила заодно с властями, используя для этого трибуну Государственной думы (через мусульманскую фракцию), а также печатные материалы.

Военный губернатор Семиреченской области в отчете указывал, что «Причины недовольства кочевников остаются в точности еще не выясненными, но, несомненно, одной из главных явилась широкая колонизация Семиречья русским элементом, повлекшая за собою стеснения прежнего обилия земли и воды. Особенно остро складывалось недовольство киргиз новоселами там, где сами кочевники исподволь приобрели некоторые признаки оседлости, но где, тем не менее, “самовольцы” старались устроиться, привлекаемые качествами почвы и относительным обилием полива... 1915 год, принесший русскому оружию известные неудачи на западном фронте, повидимому возымел некоторое влияние и в Семиречье.

Повторные наборы ратников и новобранцев, вывод войск из области и тому подобные явления, как можно полагать, породили среди киргиз мысль, что враги России очень сильны. К тому прибавилось известное “тыловое” утомление, несомненно ощутительное у киргиз, лично не принимавших участие в войне и не заинтересованных кровью и жизнью в её исходе.

Были и другие причины, вызвавшие брожение среди туземцев и в числе их на первом месте стоит агитация, во первых, некоторые элементы из соседнего Кульджинского района, а, во вторых, и агентов Германии, но положительные данные по этому вопросу не могут быть приведены с достаточной полнотой. Фактически установлено, однако, что наиболее организованный мятеж вспыхнул там, где кульджинские и кашгарские выходцы имели более тесные отношения с русскими туземцами, а именно на Каркаринской ярмарке, в гор. Пржевальске и в торговом местечке Токмак. Здесь же наиболее крепка связь семиреченских туземцев с мусульманами коренных областей Туркестана, влияние которых на первых сыграло, без сомнения, также не малую роль, особенно после беспорядков в Ташкенте, Джизаке и иных очагах июльских возстаний... Ближайшим же поводом к возникновению беспорядков послужило неправильно понятое распоряжение и призыве туземцев на работы в тылу армии.

Распоряжение это, объявленное в Семиречье 1 июля отчетного года, застало всю область врасплох. Неподготовленные к новости туземцы сильно растерялись и приуныли. Разъяснения администрации сознательно или безсознательно, но плохо понимались. Ложное убеждение, что рабочие будут направлены на самый фронт, на линию окопов, при-

вилось в степи настолько быстро и настолько крепко, что о решительном воздействии на умы кочевников некоторое время не могло быть и речи. Необъяснимая паника охватила все уезды. Одни волости пытались с места броситься в Китай, другие ... со стадами и всем своим добром забирались в трудно доступные ущелья гор... Этим моментом воспользовались некоторые влиятельные туземцы, которых вынесла на верх волна общего разстройства. Решивши, быть может, что Россия ослаблена войною, что Семиречье обездолено охраной и настало время использовать наступившую разруху для уничтожения русской власти в крае и на руинах последней создать новое киргизское ханство, – они очертя голову, подняли возстание.

Молва указывает, что решимость главарей созрела и окрепла неожиданно быстро потому, что в их заблуждениях их поддерживали чьи-то прокламации, гласившие о слабости России, о непобедимости Германии и о близком вторжении в Русский Туркестан китайцев. Официально молва эта не подтверждается, но что германские агенты питали некоторые надежды на туркестанских инородцев, то об этом имеются достоверные указания в сообщениях наших Консулов из Кашгара и Кульджи. Имеются также указания на причастность к беспорядкам в Семиречье китайских анархистов, проникших сюда в числе других выходцев из Кульджинского района, привлеченных опиумным делом» [4. Л. 2–5].

Основной вывод, который красной нитью проходит через всю историю восстания, – киргизский народ, как и народы Средней Азии, боролся не против русского народа. Он поднялся на борьбу во имя свободы против царизма, империалистической буржуазии и их прислужников – феодально-патриархальной верхушки.

Восстание в Кыргызстане, как и в Средней Азии, началось вскоре после опубликования царского указа от 25 июня 1916 года, который послужил поводом к выступлению против национально-колониального режима [3, с. 121].

Помимо трудностей военного времени, самостоятельным потоком являлось национально-освободительное движение на национальных окраинах. Назревал кризис и в Киргизии, являвшийся частью общероссийского кризиса и национально-освободительного движения против мировой колониальной системы.

Первая мировая война обострила все противоречия, накопившиеся в экономической и политической жизни края. Продолжение переселенческой политики, конфискация скота, имущества кочевников на военные нужды послужили причиной мощного восстания летом 1916 г. Ситуация на фронтах требовала новых ресурсов, человеческих и материальных. Нехватка рабочей силы породила кризис во многих отраслях хозяйства.

Тяжело пострадала за годы войны и экономика Кыргызстана. Был введен специальный военный налог. Продолжались злоупотребления во всех звеньях колониального аппарата. Кроме прямых и косвенных налогов собирались различные «пожертвования», в счет которых у кочевников отбирали скот и юрты. За три года войны из Туркестанского края было вывезено 70 тыс. лошадей, 12,7 тыс. верблюдов, более 13 тыс. юрт.

Все это обусловило широкий масштаб восстания по всему среднеазиатскому региону: выступления против мобилизации прошли в Ташкенте, Коканде, Андижане, Намангане и других городах Ферганской долины. В Ташкенте вожаками движения выступили рабочие Ю. Ибрагимов и Р. Икрамов. По агентурным данным, в Кокандском уезде «в доме Канибаданского народного судьи Мулла-Тюря-Хан-Ходжа-Ишан-Дамулла-Саид-Усман-Ходжа-Ишанова происходили собрания по поводу осуществления набора туземцев в рабочие команды. При этом народный судья и местный Имам объяснили собравшимся, что по шариату мусульманам никоим образом нельзя исполнить этого требования правительства, так

как в шариате сказано, что кто пойдет в названные рабочие команды тот делается кафиром (неверным) и его потомки до седьмого колена будут мучиться в аду. В заключении было решено распространить среди населения слухи об оказании сопротивления при призыве рабочих» [5. Л. 318]. Наибольший размах восстание получило в Казахстане, особенно в Тургайской области. Его вождями стали А. Иманов и А. Джангильдин. По официальным данным, в июле в Самаркандской области произошло 25 выступлений, в Сырдарьинской – 20 и в Ферганской – 86 [3, с. 48].

Помимо перечисленных социально-экономических предпосылок главными причинами восстания с современных позиций видятся следующие: немногочисленная часть туркестанского общества из числа коренного населения была задействована в политической жизни края и принятии управленческих решений. Ее можно обозначить термином «интеллектуальная элита». Она испытала на себе наибольшее влияние русской (европейской) культуры и социально-правовой мысли, а также передовых реформаторских течений исламского мира. При этом она чувствовала себя ущемленной, что позволяло конфликтным ситуациям сохранять свою устойчивость в реалиях туркестанской действительности.

Накануне восстания 1916 г. в Туркестане не было ни одной политической партии, созданной представителями коренного населения и отражавшей его интересы, а значит, способной возглавить восстание.

В начале XX в. край был далек от окончательной интеграции в общеимперское здание России. Очевидно, что острота этноконфессиональных вопросов на национальных окраинах России существовала в той мере, в какой наблюдалась интеграция с империей в целом. Туркестан являлся примером последнего «имперского приобретения», наименее интегрированного с метрополией.

Говоря о степени интеграции Туркестана, следует различать интеграцию края в государственную систему Российской империи и интеграцию переселенцев в местную среду. И тот, и другой вид интеграции требует значительного времени.

Подход к внедрению в крае русского элемента со стороны правительства был однобоким и очень кратким по времени. Он не мог оказаться прочным в политическом плане, а в экономическом – не принес значительных дивидендов и поскольку проводился планомерно всего десятилетие, кампания по переселению явилась мощнейшим раздражителем для местного населения, в первую очередь, для региональной элиты.

Правительственная линия на поддержание переселенцев и создание для них условий наибольшего благоприятствования (предоставление различных льгот, выдача ссуд, освобождение от несения воинской повинности и уплаты налогов и податей и т. д.) имела свою негативную сторону.

Определенные ограничения (особая система управления и административной подчиненности, «особые правила» вместо общеимперских законов) не позволяли развиваться процессу интеграции, а низкая степень интеграции породила тезис о том, что коренное население Туркестана «не прониклось до конца идеей имперского общежития, а потому его права и даже обязанности, например, несение воинской повинности, стоит ограничивать и регулировать способами отличными, к примеру, от Архангельской, Московской или Курской губерний, механизмами» [3, с. 368].

В целом же надо отметить, что власть пыталась найти ответы на вопросы нового времени, прибегая к старым способам решения проблем, но устаревшие механизмы руководства многонациональной империей все чаще давали сбой или работали не вполне эффективно.

Литература

1. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1929. Т. 34.
2. Донесение и. д. окружного генерал-квартирмейстера подполковника Маккавеева военному губернатору Семиреченской области Фольбауму. 9 октября 1916 г. № 3333/1791. Г. Ташкент // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2422.
3. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. М., 1960.
4. Всеподданейший отчет военного губернатора Семиреченской области военному министру. Гор. Верный. 4 марта 1917 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4526.
5. Представление военному губернатору Ферганской области от начальника Туркестанского военного охранного отделения полковника Волкова. 27 июля 1916 г. // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2422.

СЕМИРЕЧЬЕ НАКАНУНЕ ИСПЫТАНИЙ

Павел Кошаров. Альма, старшая жена манапа Бурамбая, и дочь его Джузюм. 1857 г.

Участник экспедиции П.П. Семенова-Тян-Шанского Павел Кошаров одним из первых русских художников передал в своих полотнах яркий мир кыргызов

Павел Кошаров. Долина озера Иссык-Куль

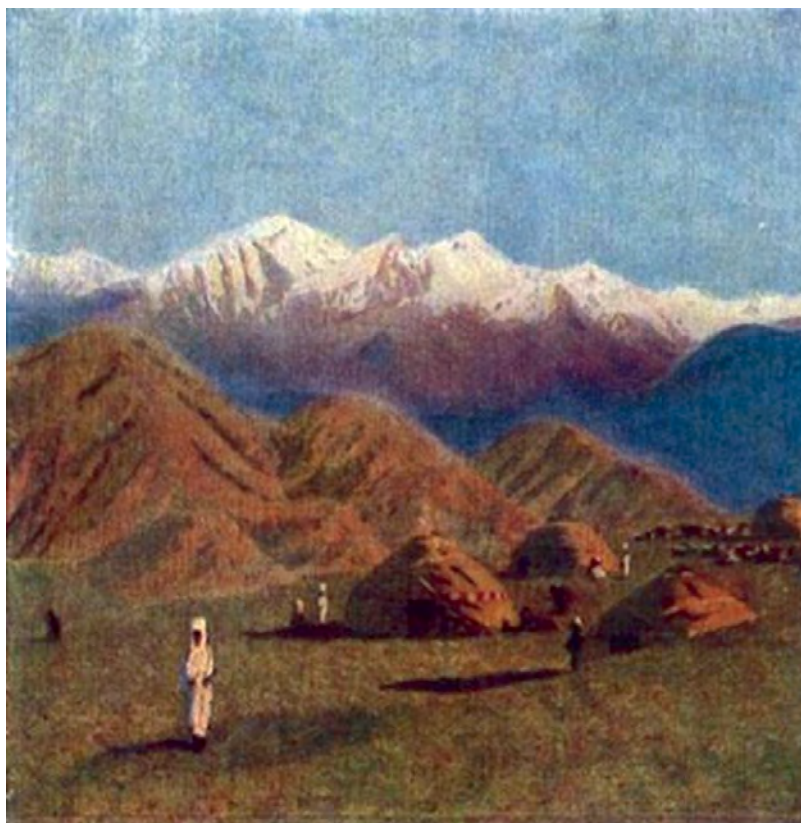
Василий Верещагин – первый из русских художников представил образ и быт кыргызов миру на выставке в Лондоне в 1873 г.

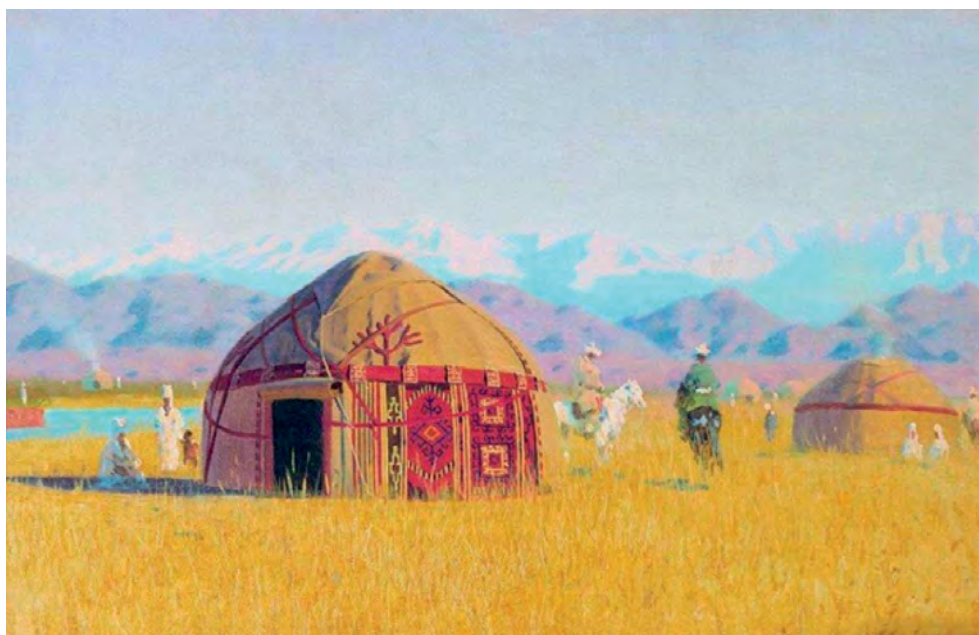
Василий Верещагин. Киргизский охотник с соколом. 1871 г.

Василий Верещагин. Киргизская девушка

Василий Верещагин. Киргизские кочевья

Василий Верещагин. Юрты на берегу реки. 1875 г.

Юрты в горах

За приготовлением пищи

Представитель русских властей на кыргызском кочевье

Переселенцы на пути в Семиречье

Семья русских переселенцев в Туркестане. 1911 г.
(фотография Прокудина-Горского)

Переселенцы из Уфимской губернии

Администрация Семиреченской области.
1910-е гг.

Народный праздник. Пока все вместе...

Выборы туземной администрации в Семиречье.
Пржевальск. 1905 г.

Казачьи атаманы

Выбор туземной администрации.
Пржевальск. 1905 г.

Обсуждение с киргизским населением проекта
переселенческого участка. 1910 г.

Епископ с верующими Семиречья.
Пржевальск

Старожилы города Пржевальска.
1914 г.

Интеллигенция города Пржевальска. 1910 г.

Сестра милосердия

Семья русского крестьянина. 1910 г.

Участники драматического кружка.
Пржевальск. 1899 г.

Первый мотоциклист в Пишпеке. 1912 г.

Пржевальская местная команда 20-го Туркестанского стрелкового полка.
Полк принял участие в Первой мировой войне

8-я рота 21-го Туркестанского стрелкового полка приняла участие в Первой мировой войне. Пржевальск. 28 мая 1911 г.

Наружный вид поставной мельницы с соломенной крышей. Пржевальск. 1904 г.

Наружный вид поставной мельницы с земляной крышей.
Пржевальск. 1904 г.

Рассевной отдел вальцево-механической мельницы купца Каримова.
Пржевальск. 1914 г.

Вальцевые станки вальцево-механической мельницы купца Каримова.
Пржевальск. 1914 г.

Наружный вид одного из помещений маслобойного завода.
Пржевальск. 1914 г.

Внутренний вид маслобойного завода Воротникова.
Пржевальск. 1914 г.

Отделочная мастерская кож на кожевенном заводе Гимбицких
Пржевальск. 1914 г.

Внутренний вид маслобойного завода.
Пржевальск. 1914 г.

Сушильня кож и мездрение кож на кожевном заводе Гимбицких.
Пржевальск. 1914 г.

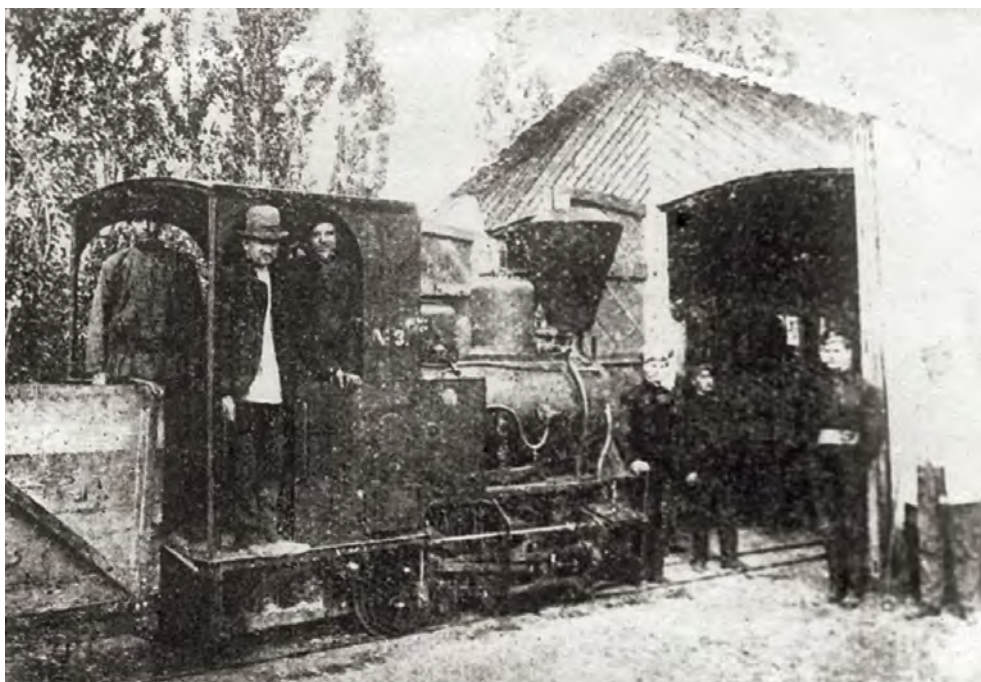
Плакат-диаграмма кустарно-промышленных предприятий в 1913 г.
по Пишпекскому и Пржевальскому уездам. 1913 г.

Прокладка телеграфной линии

Плакаты-диаграммы кустарно-промышленных предприятий
Ошского уезда в 1882 г., 1900 г. и Пишпекского и Пржевальского уездов в 1913 г.

Паровозное депо узкоколейной железной дороги
Кызылкийских угольных копий. 1910-е гг.

Железнодорожники Восточной железной дороги. 1910 г.

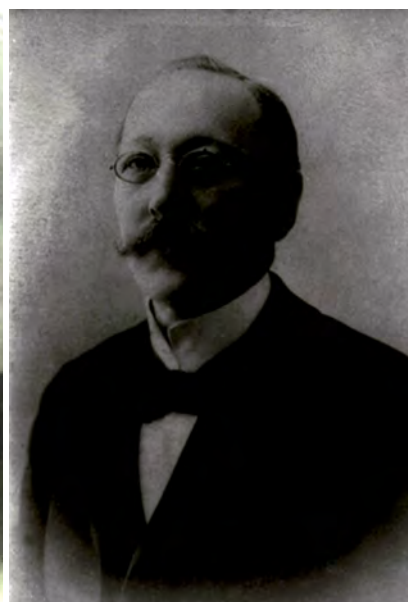
Изыскательская партия на Курдайском перевале

Инженер Васильев В.А. —
начальник управления работ
по строительству
оросительной системы
в долине реки Чу

Одинцов Г.Ф. — заведующий
Пишпекского мужского
приходского училища

Статс-секретарь Кривошеин

Дом Пишпекского городского головы И.Ф. Терентьева

Первый избранный городской голова
(староста) Пишпека И.Ф. Терентьев.
1890-е гг.

Командир Пишпекского гарнизона
Зобнин. 1910 г.

П.М. Фетисов – создатель бульвара Эркиндик, парка Панфилова, Карагачевой рощи. 1886 г.

Пишпекский базар 1899 г. (на его месте ныне располагается здание цирка)

Чайхана на базаре. 1900 г.

Приготовление шашлыка на базаре. 1900 г.

Торговые ряды. 1906 г. (ныне ул. Ю. Абдрахманова)

Лазарет, в котором умер Николай Михайлович Пржевальский. 1890 г.

Город Пржевальск. 1913 г.

Внешний вид Свято Троицкого храма в городе Пржевальск. 1908 г.

Дунганская мечеть в Пржевальске

Группа учащихся русско-туземной школы с учителем Колчиным.
Семиреченская область. Пржевальск. 1911.

Занятия в 1 классе русско-туземной школы. 1899 г.

Группа учащихся русско-туземной школы Пржевальска Семиреченской области с заведующим – учителем И.Т. Пономаревым. 1910 г.

Первый выпуск Пржевальского реального училища

Учителя и учащиеся интерната для кыргызских детей, созданного при содействии Н.М. Барсова. Попечителем интерната являлся Я.И. Корольков

Ученицы министерской школы с. Беловодское

Группа преподавателей и учеников Пишпека: сидят (слева направо) преподаватели С.Н. Лазовых, отец Александр Никольский, П.Д. Масленников, инспектор городского училища В.Е. Засухин

Учителя и духовенство Пржевальска. 1908 г.

Открытие памятника Н.М. Пржевальскому в Пржевальске

Первая археологическая находка – китайская ваза. 1911 г.

ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР ВОССТАНИЯ 1916 г. В КЫРГЫЗСТАНЕ

Б.К. Абытов

Прямой поводом к восстанию явился указ от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений». В нем императором было «повелено» мобилизовать на военно-тыловые работы мужчин в возрасте от 19 до 43 лет включительно, в том числе «инородческое население областей Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской».

Однако в оценках вспыхнувшего восстания современники тех событий значительно расходились: одни утверждали, что события 1916 г. являлись ничем иным, как «бунтом темных, забитых масс» национальных окраин, в том числе казахов и кыргызов; другие считали, что это не восстание, а религиозно-националистический бунт, возникший в результате происков враждебных Российской империи государств, в первую очередь – Турции; третьи предполагали, что это не восстание, а «недоразумение» туземцев, возникшее на почве религиозного фанатизма, насажденного извне – панисламизмом; социалисты же полагали, что восстание стало результатом провокации царского правительства с целью вытеснения коренного населения с плодородных земель.

Государственные деятели первых лет Советской власти высказывали свое мнение о характере восстания, утверждая, что истинные причины кроются в глубоких социально-экономических и политических противоречиях, которые явились результатом «безудержной и беспощадной колониальной политики царского режима». Ю. Абдрахманов писал: «Ни в одной из остальных областей Туркестанского края захват земель не сопровождался таким всевозрастающим обнищанием туземных масс, как в Киргизии». Турар Рыскулов считал, что «царизм спроектировал, воспользовавшись этим восстанием, отнять у кыргызов всю Чуйскую долину, а также бассейн озера Иссык-Куль и земли Нарына и выселить кыргызов на более пустынные горные плато» [1].

Основными социально-экономическими и политическими причинами восстания, по мнению Баялы Исакеева были следующие: «1) безграничная эксплуатация и невыносимый колониальный гнет и грабеж со стороны царского правительства; 2) беспощадная эксплуатация трудящихся со стороны байско-манапских феодально-патриархальных элементов самой киргизской народности; 3) империалистическая война, т.е. тяжесть налогов, поборов на военные цели целиком ложились на плечи трудящихся Киргизии и отражалась на их материальном благосостоянии» [2].

В связи с 10-летием восстания кыргызов 1916 г. 13 мая 1926 года была создана специальная Комиссия по подготовке проведения десятилетия кыргызского восстания под председательством Телегина и членов комиссии Тыныстанова, Камбарова, Темирбекова, Рождественского, Матрохина. Комиссия отметила, что «...восстание киргиз в 1916 году носило характер национального освобождения киргизского народа, частично с классовым оттенком. Только благодаря жестокому подавлению киргиз русскими войсками и дружинами

из русских крестьян, а также искусственному разжиганию национального антагонизма царским правительством, восстание потеряло классовый оттенок... 10-летие этих событий для Киргизстана должно иметь большое значение и может послужить моментом внедрения в сознание широких трудящихся масс Киргизстана понятия о национальной политике империалистов и Советской власти, как контраст между ними. Теперь мы можем наглядно продемонстрировать эту разницу» [3, с. 201].

В результате дискуссии конца 20-х годов прошлого века по выявлению характера восстания, в которой приняли участие И. Меницкий, Ю. Абдрахманов, В. Шестаков, П. Галузо, Е. Федоров, Н. Кузьмин, И. Чеканинский, В. Некрасов-Клиодт и др., историки пришли к выводу, что восстание носило характер национально-освободительного движения, как классовая борьба эксплуатируемых масс с гнетом царизма и эксплуататорских классов. В целом характер восстания кыргызов и казахов был оценен как национально-освободительный, прогрессивный, революционный. Правда, последнее утверждение было подвергнуто критике со стороны Ю. Абдрахманова. Он отмечал, что, рассматривая восстание под углом зрения революции 1905–1907 гг., И. Меницкий упустил тот момент, что в первой российской революции руководящей силой выступал рабочий класс, чего нельзя сказать о восстании кыргызов 1916 г.

Ряд государственных деятелей и ученые-историки, такие как Т. Рыскулов, Б. Исакеев, Б. Солтоноев, считали, что по характеру восстание являлось национально-освободительным движением против колониализма и царского гнета [1, 2].

В 1950 г. появилась статья Д. Багирова, первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, в которой отрицалось национально-освободительное движение не только кыргызов, но и всех народов Средней Азии и Северного Кавказа [4]. Более того, навязывалась идея о реакционности и антинародности всех восстаний в Средней Азии, Северном Кавказе, в том числе и в Кыргызстане. Относительно восстания кыргызов 1916 г., это означало отказ от первоначальных оценок и характеристик восстания 1916 г., разработанных в 1920–1940 гг. Местных ученых, выходцев из коренных национальностей, которые не соглашались с мнением сверху и которые пытались отстаивать научную истину, обвиняли в национализме, навешивали на них всяческие ярлыки и даже подвергали репрессиям. Такова была историческая реальность, общественно-политическая ситуация, да и сама система. В те времена наши высшие органы власти и ответственные за идеологию госчиновники зорко следили за тенденциями в науке, особенно в исторической отрасли. Разумеется, противостоять этому было очень трудно, фактически невозможно.

Однако все же были некоторые работы, посвященные этой проблеме. Следует отметить, что для выработки общей оценки национально-освободительного движения, восстания 1916 г. в Центральной Азии были организованы ряд научных конференций, прошедших в 1953–1954 гг. во Фрунзе, Ашхабаде и Ташкенте. Особое место занимает Объединенная научная сессия, проходившая в Ташкенте в 1954 г., по результатам которой были опубликованы «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Тогда же большинство выступавших пришли к единому выводу, что «восстание носило прогрессивный, революционный, народно-освободительный характер и было направлено своим острием против царского самодержавия, отчасти против феодально-байских элементов. Оно возникло в обстановке начавшегося в России революционного кризиса и смыкалось с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против империалистической войны и царизма» [5].

В 1960–1970-е гг. вышел ряд трудов отдельных ученых, которые вели неустанные, кропотливые научные исследования, собирали всевозможные материалы, документы. Это, прежде всего, фундаментальное исследование известного ученого К. Усенбаева «Восстание 1916 г. в Киргизии».

Автор охарактеризировал восстание кыргызов 1916 года, как национально-освободительное движение кыргызов, направленное против царизма, имперской колониальной политики, а также как антивоенное и антифеодальное движение [6]. Кроме того, отметим, что во многом благодаря трудам К. Усенбаева сегодняшняя историческая наука имеет значительное количество объективных, фактических материалов о восстании кыргызов, многие из которых могли исчезнуть из истории. Не меньший вклад в изучение истории восстания народов Средней Азии внес и другой ученый – Х. Турсунов, опубликовавший свой труд «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане», в котором восстание характеризовалось как национально-освободительное движение, как борьба против царского самодержавия за его имперскую колониальную, переселенческую, аграрную, несправедливую социально-экономическую политику, а также как борьба против двойного гнета против собственных феодальных верхушек [7].

Новый импульс изучения документов восстания и новый виток споров начался с конца 80-х годов прошлого столетия. Новые взгляды, точки зрения, результаты новых исследований были изложены на различных научно-теоретических и практических конференциях, симпозиумах. В результате на конференциях в Москве, Бишкеке, Алма-Ате, Ташкенте, проведенных в 1988–1991 гг., еще раз признали восстание кыргызов, казахов и других народов Центральной Азии в 1916 г. национально-освободительным движением против колониального гнета, имперской аграрной и переселенческой, несправедливой социальной политики, подчеркивая антивоенный и антифеодальный характер восстания.

Именно в этот период были предприняты попытки освобождения исторической науки от прежних догм и стереотипов, от господствующего ранее классового принципа в оценках событий прошлого. Тогда же выдвигались новые подходы в отношении всех народных восстаний прошлого, особенно колониального периода, в определении их характера, движущих сил, в том числе и национально-освободительного движения 1916 г.

Последний этап споров о характере начался в первые годы суверенитета и независимости Кыргызстана и продолжается по сей день. На сегодняшний день очень многие вопросы истории кыргызов и Кыргызстана фактически пересмотрены. Проблемы восстания кыргызов 1916 г. также не стали исключением. Появились новые документы, опубликованы многие новые источники, изданы ряд трудов и сборников. Более того, появились совершенно новые факты и новые взгляды, точки зрения, позиции, часто противоположные. В результате к 100-летию восстания значительная часть исследователей признает национально-освободительный, антиколониальный, антиимпериалистический и антивоенный характер.

Литература

1. Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году / Т. Рыскулов // Очерки революционного движения в Средней Азии: сборник статей. М., 1926.
2. Исакеев Б. Кыргызское восстание 1916 г. / Б. Исакеев. Фрунзе, 1932.
3. Какеев А.Ч. Восстание 1916 года: к проблеме источниковедения и историографии / А.Ч. Какеев // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 5.
4. Багиров Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля / Д. Багиров // Большевик. 1950. № 13.

5. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
6. *Усенбаев К.* Восстание 1916 г. в Киргизии / К. Усенбаев. Фрунзе, 1967.
7. *Турсунов Х.* Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане / Х. Турсунов. Ташкент, 1962.

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ФАКТОРА В ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ 1916 г.

Д.С. Маджун

Во время Первой мировой войны, несмотря на ряд территориальных потерь, русские войска в 1914–1916 гг. одержали несколько крупных побед в Европе и Турции, а Россия как никогда была близка к победе над Германией. В начале 1916 г. русские войска разгромили турецкую армию, овладев городами Эрзрум, Трапезунд, Эрзинджан и Муш. Пока русские сражались на Восточном фронте, немцы не могли перебросить все свои войска на Запад. Несмотря на существенные военные победы Германии к концу 1915 г., ее генеральная цель – полное поражение одного из противников и вывод его из войны – не была достигнута.

Усиление экономической и военной мощи Российской империи было крайне невыгодно европейским государствам, стремившимся распространить свое влияние на евроазиатском континенте. Турция, и особенно Германия, тратили огромные деньги на дестабилизацию внутривосточной обстановки в России и на ее окраинах, не жалея средств на пораженческую и социалистическую пропаганду, с целью разрушить царскую империю изнутри.

Турция, потерпевшая ряд крупных поражений от России, хотела бы отвлечь русские силы от Кавказского фронта, лелея надежду в случае успеха повстанцев, осуществить свой план по созданию в Средней Азии мусульманского государства под своим протекторатом. В донесениях в департамент полиции отмечалось, что пропаганда, инициированная Стамбулом, велась довольно-таки интенсивно: говорилось о бабьих бунтах с участием мусульманок, тайных сборах денег в пользу Турции, распространении слухов о ее победах и возможном изгнании русских из Туркестана. Повсеместно распространялись слухи о поражениях русских войск, а самые малые успехи немцев, и особенно турок, безудержно восхвалялись.

Несмотря на то, что Англия была союзницей России в Первой мировой войне, вопрос противоборства с Россией за подступы к Индии оставался актуальным, поэтому Англия имела свой интерес в этом конфликте.

Китай также был заинтересован в ослаблении России, мечтая взять реванш за Петербургский договор 1881 г., а китайские анархисты и контрабандисты, при поддержке германо-турецкой агентуры, хотели использовать этот конфликт, чтобы вывезти опиум из Семи-речья.

России этот конфликт был не только не выгоден, но и опасен, вследствие возможной потери контроля над этой огромной стратегически важной территорией, на освоение которой были затрачены десятки лет и огромные средства.

К. Усенбаев указывает, что в начале XX в. участилось паломничество состоятельных лиц в Мекку, число паломников составляло до нескольких тысяч человек в год. В это же время оживилась деятельность турецких агентов, призывавших к священной войне против неверных. В период Первой мировой войны Турция, Германия, США и другие страны засылали в Среднюю Азию своих агентов. По инициативе германских империалистов в Берлине

был созван съезд мусульман, на котором рассматривался вопрос об объединении народов, исповедующих ислам, и выступлении последних против неверующих, в частности, русских. Император Вильгельм II «провозглашал себя покровителем ислама и даже более – божьим посланником» [1]. Германия издавала множество газет и журналов на восточных языках и в огромном количестве распространяла их в мусульманском мире [2, с. 78–79, 235].

Англичане создали в Индии особые школы по подготовке из мусульман военных разведчиков. Эти курсанты в большом количестве направлялись в Среднюю Азию, где под видом торговцев, ишанов и дервишей (религиозных проповедников) вели разведку. После Первой русской революции британская разведка, при сборе сведений о важных в стратегическом отношении районах, стала обращать повышенное внимание не только на военные объекты и состояние экономики, но и на политическую жизнь и межнациональные отношения в конкретных регионах [3].

Некоторые факты биографии руководителей повстанцев – Мокаша Шабданова и Каната Абукина, которые совершили паломничество в Мекку, – свидетельствуют о возможной связи их с турецкой агентурой. Русские власти рассматривали хадж как один из каналов распространения в России панисламизма, пантюркизма и русофобии [4].

Россия в это время переживала глубокий политический и социально-экономический кризис старого общественного строя, сопровождавшийся падением авторитета царя и его окружения, ростом инфляции, при том, что правительство было неэффективным и коррумпированным. Еще более коррумпированной была система управления Туркестанским краем и Семиреченской областью, контроль над которыми из столицы был затруднен в силу ряда объективных и субъективных причин. Наступление русских переселенцев на земельную собственность и права коренного населения края вынуждало его искать поддержки у мусульманских стран (той же Турции), обещавших избавление из-под власти неверных.

Подрывную деятельность в толще мусульманских народов Семиречья легче всего было вести с территории соседнего Китая. По донесениям русских консулов из Кульджи и Кашгара, в конце 1914 г. резко усилилась деятельность в Восточном Туркестане германо-турецкой агентуры.

Китайское правительство ограничило выезд мусульман в Россию, выпуская их на месячный срок небольшими группами и снабжая их деньгами и одеждой. Все это делалось втайне от русского консула в Кульдже. В начале 1915 г. вышло циркулярное распоряжение Пекина губернаторам всех провинций иметь в полной готовности в каждой провинции десятитысячное войско. А в апреле 1915 г. из Кульджи наблюдался массовый проезд торгующих китайцев через станцию Баши, которые затем растворялись на просторах Семиречья, никем не контролируемые. Тысячи китайских рабочих были привлечены к строительству железной дороги, рытью канала и выращиванию опиумного мака в Пржевальском уезде [5].

Центральные власти Китая оказывали всемерную поддержку германо-турецкой агентуре, свободно чувствовавшим себя на территории Срединной империи. Так, проживающие в Яркенде германские офицеры заявили уездному начальнику, что если в их ставку будут допускать русских или английских подданных, они их будут убивать, а китайские подданные могут беспрепятственно посещать немцев. Немцы также потребовали доставки фуража и еды, заявив, что в случае неисполнения будут жаловаться императорскому посланнику в Пекине [6].

Поражение России в войне с Японией и неудачи русского оружия в Первой мировой войне породили в правящих кругах Китая надежду ослабить позиции России в Синьцзяне. Тысячи военнопленных враждебных армий высылались в Туркестан с началом войны,

а в начале 1915 г. сюда стали активно и массово проникать агенты иностранных государств, проводивших свою подрывную деятельность. К июню 1915 г. численность военнопленных в Туркестанском крае превысила 148 тыс. человек [7, с. 525, 556], а к марту 1916 г. их общее число достигло 200 тыс. человек. Это превышало численность населения городов, в которых они размещались [8, с. 98–124]. Контроль над ними, в силу разных причин, не мог осуществляться в полном объеме.

Китайские власти не только принимали бежавших из России военнопленных вражеских армий, но и оказывали им поддержку и покровительство. Так, Синьцзянский губернатор распорядился отправить в Урумчи бежавших из России в Кашгар военнопленного германца и австрийца и прибывших в Яркенд из Афганистана немецких офицеров со всеми сопровождавшими их лицами [9].

В.А. Моисеев отмечает, что в организации восстания в Семиречье принимали участие известные в Синьцзяне участники Синьхайской революции Ли Сяо-фын и Юй Дэ-хай, которые состояли членами секретного общества «братьев» («Гэ-Лао-Хуэ») [10].

В Кульджинском районе члены общества «Гэ-Лао-Хуэ» подвергались преследованию и многие его члены были казнены. В 1915 г. трое его членов были командированы в Семиреченскую область для пропаганды идеи свержения монархического строя. В Пржевальск прибыл Ян-Фань-Ма, в Пишпек – Ли-Синь-Фин (который перед поездкой принял магометанство) и в Верный – Дзин-Дзин-Юан, который позднее выехал в г. Токмак и поселился в дунганском с. Николаевском. Все они занялись вербовкой в свои ряды дунган – русско-подданных и китайско-подданных и частью киргизов, и только в Пржевальске им удалось образовать банду в 1000 человек [11].

Из дознания, произведенного начальником Верненского сыскного отделения от 2 сентября 1916 г., видно, что члены тайного общества «Гэ-Лао-Хуэ» в числе четырех человек пропагандировали среди дунган селения Каракунуз к восстанию против русских властей. Они планировали после изгнания русских властей из пределов Туркестанского края образовать там отдельные ханства под управлением мусульман [12].

Подрывная деятельность китайских монархистов в с. Николаевском (Каракунуз) проводилась среди молодых дунган, подлежащих призыву, которых подбивали восстать против русских. Но идеи монархистов не нашли поддержки среди местных дунган, которые на собрании в мечети даже приняли присягу в том, чтобы не изменять русскому правительству [13].

Если в Китае за принадлежность к партии «Гэ-Лао-Хуэ» власти сразу приговаривали к казни, в Семиречье обходились с ними более гуманно, поэтому численность приверженцев этой партии накануне восстания возросла в сотни, если не тысячи раз. Осенью 1916 г. китайско-подданные Ма-Сян-Ян Малифу, Ян-Зу-Ян, Ян-Фу-Чуй, Гу-Сю-Ву, Гу-Юн-Тай и Ли-Син-Фин за подстрекательство дунган Пишпекского уезда к беспорядкам были заключены в Пишпекскую тюрьму на три месяца каждый [14].

Дунганское население Кашгара находилось в тесной связи с дунганами Пржевальского уезда, многих из них связывала преступная деятельность по контрабанде опия в пределы Китая. Русский консул в Кашгаре допускал возможность возникновения между ними преступных сношений и другого рода [15]. Во многих документах говорится о том, что все члены общества «Гэ-Лао-Хуэ» попадали в Семиречье под видом рабочих, но на самом же деле они занимались подготовкой населения к восстанию и образованию отдельного ханства [16].

Так, по свидетельству крестьянина с. Николаевского Гу-Ган-Фу Гушинтая, постоянно проживающего в г. Сендуне, в начале июня, после объявления указа о реквизиции, к нему

пришел китайско-подданный дунганин Джин-Эр-Шанью и сообщил о письме из Пржевальска от одного из руководителей китайского общества «Гэ-Лао-Хуэ» Южи-Хая. Тот писал о том, что, проживая в Пржевальском уезде среди киргизов и дунган, он успел подготовить почву к восстанию мусульман против русских в Семиречье, и просил его, Джин-Эр-Шанью, немедленно выехать в Токмак, чтобы подготовить местное население к восстанию. Южи-Хай также писал, что если восстание позволит сделаться ему ханом, то он назначит Джин-Эр-Шанью своим помощником.

В Мариинской волости именно подданные Китая стали зачинщиками и главными организаторами мятежа в Пржевальском уезде. Об этом свидетельствуют многие архивные документы. Так, в одном из них говорится, что агитация шла из Кульджи и Кашгара, где масса немцев занимается темными делами. В горах над Пржевальском в начале августа происходят собрания киргизов, на которых ораторствуют агитаторы из Китая [17]. В Семиречье и Кашгарии ходили упорные слухи, что в подготовке восстания участвовал даже бывший губернатор Кашгара Ю Нома, а из Синьцзяна в Семиречье якобы тайно поставлялось оружие [18].

Накануне восстания, под предлогом покупки опиума, из Китая в Семиречье прибыло значительное число (до нескольких тысяч) казахов и киргизов, дунган, уйгуров, китайцев, сартов и калмыков. Многие из них были вооружены и вели активную антирусскую пропаганду среди казахского и киргизского населения, убеждая его в том, что мусульман посылают на фронт с «целью перебить, а земли отдать русским поселенцам». Современник отмечал, что китайские анархисты могли проникнуть свободно только на Каркару, в Пржевальский и Пишпекские уезды в числе рабочих, привлеченных опиумным делом. Идея анархистов поднять восстание пришлась по душе некоторой части дунган с. Мариинского, промышлявших контрабандой опиума.

Русские консулы из Китая сообщали о том, что анархисты имели сношения с немецкими агентами, шнырявшими в Кульдже и Кашгаре, а мятеж разгорелся в тех районах, где было большое скопление китайских сезонных рабочих, и охватил, главным образом, район Каркары, бассейн озера Иссык-Куля и верховья долины реки Чу [19]. Именно в этих районах Семиречья наблюдались признаки организованности повстанцев с использованием совершенно новых для того времени и той местности элементов техники и военных методов осуществления «народного недовольства».

Военные отмечали, что восставшие организовывали отряды на манер воинских подразделений, имели свои опознавательные знаки, работала разведка, при подготовке к наступлению повстанцы окапывались, наладили оптическую сигнализацию между отрядами. Другими словами, восставшими руководили опытные военные, владевшие тактикой современного боя, с которой скотоводы, не служившие в армии, не могли быть знакомы.

Мусульманскому населению прививалось чувство острого недовольства складывающейся в стране ситуацией и поддерживалось стремление группы активной молодежи взяться за оружие и выступить против русской власти.

Целью китайских контрабандистов и скупщиков, активно участвовавших в беспорядках в Пржевальском уезде, был вывоз урожая собранного опиума, исчислявшегося сотнями тысяч и даже миллионами рублей, в Китай. Преступная деятельность ряда представителей китайских властей принесла существенный ущерб русским интересам и громадные убытки русским подданным – киргизам, казахам, дунганам и другим народам, которых обобрали на границе. Только возможные убытки киргизов от потери скота исчислялись суммой в 12–15 млн рублей [20].

В то время когда Россия с перенапряжением сил вела войну в Европе, провоцирование кровавого конфликта в Семиречье грозило гибелью русского дела на этой восточной окраине. Для подавления восстания Россия вынуждена была снять часть войск с фронта, что не только ослабило, но и поставило под удар ее восточные рубежи. Пришлось снять несколько пограничных частей из без того малочисленных гарнизонов Кочкорки и Кушки, охраняющих государственную границу с Китаем. Более тревожной оставалась слабость охраны границы с Афганистаном, который, как и Персия, в случае ослабления России, мог встать в ряды ее врагов [21].

Средняя Азия являлась стратегически важным районом для целого ряда государств, не только соседних – Китая, Афганистана, Персии, но и европейских – Англии, Германии и Турции. Абсолютно все народы Туркестанского края – кыргызы, казахи, узбеки, русские, уйгуры, дунгане и др. – стали инструментом борьбы в руках иностранных государств против российского влияния в этом регионе. Все народы Семиречья стали жертвами иностранной подрывной деятельности. Все, вне зависимости от национальности и вероисповедания, потеряли своих близких и детей, лишились жилья и имущества, своими руками разрушили селения, телеграфное сообщение, оросительные каналы и пр. – всё, что строили и создавали многолетним совместным трудом. Российское государство, затратившее огромные материальные и людские ресурсы на освоение этих территорий, хоть и смогло подавить восстание, но уже не в состоянии было остановить усиливающийся процесс разрушения монархических устоев государственности.

Литература

1. ЦГИА СПб. Ф. 821. Оп. 133. 1913–1917 гг. Д. 471. Л. 21.
2. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии / К. Усенбаев. Фрунзе, 1967.
3. Мухлынин Б.Ф. История села Беловодское: в 3 т. / Б.Ф. Мухлынин. СПб., 2015. URL: <http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/index/0-2>
4. Нуров Г. О характере восстания 1916 г. в Киргизии / Г. Нуров. РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв.1520.
5. ЦГА Респ. Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 17655. Л. 158, 165, 172.
6. ЦГА Респ. Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38239. Л. 9–11, 17.
7. История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968.
8. Котюкова Т. Восстание 1916 г. в Туркестане – ошибка власти или историческая закономерность? / Т. Котюкова // Обозреватель – Observer. 2011.
9. ЦГА Респ. Каз. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38239. Л. 14.
10. АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1914–1917 гг. Д. 448. Л. 140–140 об. См.: Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии: вторая половина XIX в. – 1917 г. / В.А. Моисеев. Барнаул, 2003. С. 302.
11. ЦГИА Каз. ССР. Ф. 77. Д. 40. Л. 4–5. В кн.: Восстание 1916 года. Бишкек, 2015. С. 205.
12. ЦГИА Каз. ССР. Ф. 44. Оп. 2. Д. 16900. Л. 1. Там же. С. 215.
13. ЦГИА Каз. ССР. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 12 об. Там же. С. 208–209.
14. Семиреченские областные ведомости. № 83. 14 октября. 1916.
15. ЦГИА Каз. ССР. Ф. 77. Д. 40. Л. 94–95. В кн.: Восстание 1916 года. Бишкек, 2015. С. 217.
16. ЦГИА Каз. ССР. Судеб. след. Вернен. окружного суда. Ф. 77. Д. 40. Л. 102–103. Там же. С. 224–226.

17. ЦГА Кырг. Респ. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 46. Л. 99.
18. ЦГА Респ. Каз. Ф. Верненский окружной суд. Оп. 1. Д. 2123. Л. 105–106.
19. ФРРК НБРК. Инв. 66. Л. 129.
20. ЦГИА УзССР. Ф. 284. Д. 21. Л. 17–47. В кн.: Восстание 1916 года. Бишкек, 2015. С. 180–184.
21. Куропаткин, ген. Рапорт Николаю II от 22.02.1917 г. о восстании 1916 г. Ташкент, 1917. Фонд редких книг и рукописей Нац. библиотеки Респ. Каз. Инв. 69. Л. 19.

ВОССТАНИЕ 1916 г. В КЫРГЫЗСТАНЕ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Ш.Д. Батырбаева

Приближается 100-летняя годовщина восстания 1916 г. 17 мая 2015 г. вышел указ президента Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаева “О столетии трагических событий 1916 года” – Уркуна (Үркүн – Великий исход). Была образована рабочая комиссия в составе ученых-историков и представителей других гуманитарных наук для выработки объективной исторической оценки событий 1916 г. [1]. Параллельно с указом президента некоторые политики, общественные деятели создали общественную комиссию, призванную дать историческую и политическую оценку событиям тех лет и исследованию истории восстания 1916 г. Таким образом, трагические события восстания 1916 г. стали не только объектом научного исследования, но и активно обсуждаемой широкой общественностью проблемой. Один из вопросов, вызывающих дискуссии, – величина людской убыли среди коренного населения, а также тема потерь – зачастую поднимаются в скандальном ключе [2]. До сих пор в отечественной исторической науке отсутствует единое мнение по этому вопросу. По данным исследований отдельных ученых, количество жертв от 60 тыс. до 150 тыс. чел., т. е. прямые и косвенные потери среди коренного населения северного Кыргызстана колеблются от 15 до 40 % [3, с. 194–195]. В связи с этим для объективной исторической оценки событий 1916 г. одним из актуальных вопросов является установление масштаба демографических потерь среди кыргызов. При этом следует отметить, что демографические потери в ходе восстания 1916 г. были среди всего населения, проживавшего в данном регионе, вне зависимости от их национальной принадлежности и вероисповедания.

Историографический обзор научной литературы по данной проблеме показал, что на первый план выступают вопросы введения в научный оборот материалов демографического учета и методы их изучения, так как отсутствие тщательного анализа данных о численности населения в конце XIX – начале XX в. на предмет достоверности, точности и полноты, а также погрешности методов исчисления прогнозируемого роста численности населения республики стали причиной противоречивых показателей в кыргызстанской историографии масштаба демографического последствия восстания 1916 г.

Для установления научно объективной оценки людской убыли вследствие восстания 1916 г. необходимо проведение комплексного исследования массовых источников по истории населения с конца XIX – до первой четверти XX в., так как содержащаяся в них информация о численности населения зачастую противоречивая и неполная. За рассматриваемый период, помимо переписей, проводились разного рода статистические наблюдения, изначально имеющие разные цели и задачи, применялись разнородные программы учета населения, методы организации, разработки и публикации их результатов. Введение их в научный оборот усложняется еще и тем, что современная территория Кыргызстана входила до революции в состав разных уездов – Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестанского генерал-губернаторства. На сегодня отсутствует единая база населен-

ных пунктов, в том числе зимовок кыргызов на начало XX в., которая могла бы позволить привести сопоставимые данные в пределах современной территории. Кроме того, в дореволюционных учетах казахов и кыргызов Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях зачастую учитывали “кыргызов”, а в Ферганской и Самаркандской областях часть кыргызов были зафиксированы как сарты, “курама”, “кипчаки”, т. е. исследователи, исходя из территориальной принадлежности, причисляли их к узбекам, казахам и кыргызам. Вследствие этого на начало 1916 г. перед восстанием численность кыргызов, проживающих в пределах современной территории республики, определяется как 730–750, иногда – 880 тыс. чел. [3, с. 186]. Введение в научный оборот делопроизводственной документации, особенно отчетов и записок чиновников царской администрации, временного правительства и большевиков, без должного критического анализа господствующей идеологии и политической конъюнктуры также приводят к искажению реальной действительности. Среди исследователей истории Кыргызстана применяются различные методы предполагаемого роста численности кыргызов до и после восстания 1916 г., исчисляя перспективный альтернативный прирост до 1917, 1920, а в некоторых случаях до 1926 г.

В связи с этим, опираясь на опубликованные материалы и применяя междисциплинарные методы, хотелось бы в настоящей статье высказать свою позицию о величине людских потерь в годы восстания 1916 г. среди коренного населения. Для того, чтобы избежать субъективного подхода при оценке информативной содержательности тех или иных источников о людских потерях восстания 1916 г., проведено исследование на основе междисциплинарного метода изучения демографических явлений, вычислен перспективный альтернативный прирост населения на основе установленного среднегодового темпа роста до очередной переписи 1917 г.

Достоверность численности кыргызов, зафиксированной переписью 1897 г., среди исследователей не вызывает вопросов, а итоги переписи 1917 г. оцениваются противоречиво. Согласно опубликованным данным итогов переписи в “Статистическом ежегоднике 1917–1924 гг.” в Ташкенте в 1924 г., численность кыргызов Семиреченской области за 1917 г. составляла 224 944 чел. [4, с. 40–41]. Н.Е. Бекмаханова, автор монографии “Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма”, используя итоги переписи 1917 г., указала, что в данной области проживало 324 тыс. кыргызов [5, с. 40–41]. Имеющиеся расхождения в 99 056 чел. для того времени огромны, и естественно возникает вопрос, сколько же кыргызов было на момент проведения переписи в 1917 г.? Что брать за основу при исчислении предполагаемого роста кыргызского населения между двумя переписями 1897 и 1917 гг., на какие данные мы должны опираться?

Остановимся на исследовательском опыте Н.Е. Бекмахановой, которая в течение 6 лет работала в архивах Алматы, Омска, Санкт-Петербурга и Москвы и изучала статистические данные о численности населения в рамках докторской диссертации, а также сводные первичные данные переписей 1897 и 1917 гг. для того, чтобы выявить реальную динамику численности населения региона по этносам, сверяла эти данные с итогами трехлетних переписей учета населения края и материалами текущего учета местной администрации. Для того чтобы различать казахов и кыргызов, учтенных как “кара-кыргыз, казах-кайсаки, сарт, кыргызы, курама”, Н.Е. Бекмаханова комплексно изучала источники, различала принадлежность людей к той или иной нации, учитывая особенности имен у вышеуказанных народов.

При личной встрече Н.Е. Бекмаханова отмечала, что свои выводы она сверяла путем сопоставления разнородных источников и постоянно консультировалась с видными демографами. В этом плане хотелось бы отметить, что до сего дня никто из профессиональных

историков такую кропотливую работу не проводил. Данные Бекмахановой, на наш взгляд, в целом достоверно отражают действительность, поэтому для проведения экстраполяционного способа перспективного исчисления населения использовались ее данные за 1917 г.

Экстраполяционный способ перспективного исчисления населения – один из классических методов демографического исчисления, который широко применяется во всем мире. Он достаточно прост. Для получения конечного результата нужно знать стартовые данные – устойчивый показатель роста населения на определенный отрезок времени. То есть быть уверенным, что за исчисляемый период не было катаклизмов и катастроф, которые могли сократить численность населения, а также значительных миграционных потоков, которые также могли бы повлиять на вычисления. Зная эти цифры, можно вычислить, насколько выросла численность населения за определенный отрезок времени. В частности, чтобы вычислить количество людей через значительный промежуток времени, используется экспоненциальная функция:

$$P_t = P_0 \times e^{rt},$$

где r – среднегодовые темпы прироста; t – время, годы; e – основание натуральных логарифмов (e – число Эйлера – равно 2.71828182845905). Если эти показатели известны, то можно рассчитать численность населения на любой период вперед, просто предположив неизменность среднегодовых темпов роста или прироста на протяжении всего рассматриваемого периода [6, с. 30].

Чтобы установить величину людских потерь в годы восстания 1916 г., за исходные взяты данные переписи 1897 г., исчислен перспективный альтернативный прирост населения на основе установленного среднегодового темпа роста до очередной переписи 1917 г. Основой расчета среднегодового темпа прироста численности кыргызов этих уездов за межпереписный период послужила их зафиксированная численность в ходе переписей 1897 и 1917 гг. и среднегодовой темп роста в пределах 1,3 %, исчисленный статистиками за 1913 г. Величина среднегодового темпа прироста была взята из архивного источника, хранящегося в ЦГА КР. В документе “Статистически-экономическая характеристика Киргизской АССР” от 7 июля 1928 г. в разделе “население” для обоснования прогноза предполагаемых темпов развития на ближайшие 5 лет и на десятилетие были приведены разные результаты обследования населения республики, в том числе среднегодовой темп роста в пределах 1,3 %, исчисленный статистиками за 1913 г. [7, л. 16]. При этом на основе изучения особенностей демографического развития было исключено влияние миграционных процессов на прирост численности, ибо кыргызы – народ малоподвижный, менее подвержен миграции, особенно межреспубликанской. Источником их количественного увеличения могли быть практически только результаты естественного движения постоянно проживающего населения. Такой подход предполагает, что результаты нашего исчисления должны показать реальную величину демографических потерь кыргызского населения в годы восстания, отображать максимальную величину роста численности населения, так как за основу взят самый высокий темп среднегодового прироста за весь межпереписной период.

Согласно исследованию Н.Е. Бекмахановой (вышеуказанная монография), численность кыргызов Пишпекского и Пржевальского уездов по данным переписи за 1897 г. составляла 278,9 тыс. чел., а в 1917 г. их численность достигла 324 тыс. человек [5, с. 182]. В этом плане хотелось бы отметить, что на сегодня ее работа среди специалистов признается классикой и никто из специалистов не подвергал сомнению ее выводы, основанные на изучении материалов, опубликованных и архивных источниках по статистике населения.

Если в Пржевальском и Пишпекском уездах численность кыргызов составляла в 1897 г. 278,9 тыс. чел., то для того чтобы узнать, сколько кыргызов будет жить в 1898 г. на территории двух вышеуказанных уездов, надо взять цифру за предыдущий год (278,9 тыс.), а затем вычислить следующим образом величину прироста и сложить эти данные.

1. Используя экспоненциальную функцию, вычисляем величину прироста. Узнаем, чему равно 1,3 % от базового уровня населения:

$$(278900/100) * 1,3 = 3626 \text{ чел.}$$

2. Прибавляем к данным за предыдущий год (278900) величину прироста (3626):

$$278900 + 3626 = 282\,526 \text{ чел.}$$

Следовательно, в 1898 г. население Пржевальского и Пишпекского уездов составляло 282 526 человек. Далее, по данным наших расчетов, численность этнических кыргызов Пржевальского и Пишпекского уездов в 1917 г. должна была составить 361,1 тыс. человек. Данные переписи 1917 г. при этом указывают на цифру в 324 тыс. человек. Полученный расчет альтернативного варианта численности кыргызского населения с 1897 по 1917 г. сравнили с реальными зафиксированными данными переписей, проведенных в эти же годы. Разница между реальными зафиксированными и исчисленными данными составила 37,1 тыс. чел. Установленная величина в 37,6 чел. не только показывает прямые людские потери, но еще и убыль населения, а также количество несостоявшихся рождений. Но без специального источниковедческого анализа вряд ли возможно выявить соотношение прямых и косвенных потерь, величину людской убыли.

Погрешность данного метода составляет $\pm 10\%$. Как видно, даже если допустить, что погрешность составила максимальное значение, величина демографических потерь могла составить не более 41,3 тыс. чел. ($37,6 * 10\% = 41,3$). Таким образом, вследствие нарушения эволюционного характера изменения динамики численности кыргызского населения в ходе восстания, общие демографические потери по двум уездам составили 37,1 тыс. чел.

В изучении демографических потерь кыргызского населения в годы восстания 1916 г. аналогичный метод был использован Г.К. Кронгардтом. Цифра, полученная им на основе перспективного исчисления людской убыли в результате подавления восстания и вынужденной миграции в Китай, составляет 96,1 тыс. чел. [8, с. 52]. На наш взгляд, эти данные завышены и не имеют под собой реальной основы. Это объясняется тем, что он не выделял влияние прямых и косвенных последствий восстания на изменение динамики численности и исчисления проводил до 1926 г., потери населения в результате голода, имевшего место в 1917–1918 гг., посчитал прямым следствием подавления восстания 1916 г. Но после восстания происходили природные, социальные и политические катаклизмы, которые также имели тяжелые демографические последствия, не связанные с этим трагическим событием. “Осенью 1916 г. не было дождей, зима 1916–1917 гг. была малоснежной. В 1917 г. в Туркестане не было дождей, скот стал падать летом 1917 г., начался голод и тиф, а в 1918 г. в Семиреченской области – холера. В результате голода 1917–1919 гг. во всем Туркестане погибло 1 млн 114 тыс. чел.” [3, с. 187–194]. Эти данные, с одной стороны, требуют тщательного исследования последствий восстания 1916 г., с другой стороны, при прогнозировании роста численности кыргызов следует верхнюю границу ограничить 1917 годом.

Для дальнейшего исследования демографических последствий восстания необходимо основываться на теоретико-методологических достижениях гуманитарных наук по исследованию закономерности изменения динамики численности населения и шире применять

междисциплинарные методы, основанные на новых информационных технологиях, которые исключают субъективный подход. В дальнейшем требуется проведение исследований на микроуровне, ибо только на этой основе можно восстановить истинную картину количественной и качественной сторон демографического развития кыргызского населения.

При этом в изучении исторических источников необходимо соблюдать основные принципы научного гуманитарного познания; следовать принципу объективности, воспринимать источник и его автора как часть объективной реальности; исходить из принципа историзма, из обстоятельств и цели, которые преследует автор источника. И наконец, необходимо осознать принцип партийности, неоднородность общества, так как ни один человек не может рассмотреть ситуацию с разных сторон и подать объективную и взвешенную информацию, так как у каждого приверженца той или иной стороны есть своя цель.

Литература

1. URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/5931_prezident_almazbek_atambaev_podpisal_ukaz_o_100-letii_tragicheskikh_sobyitiy_1916_goda_
2. URL: <http://rus.azattyk.org/content/news/27183090.html>
3. *Плоских В.* Этносоциальная ситуация в Кыргызстане в конце XIX – начале XX вв.: исторический аспект / В. Плоских. Бишкек, 2015.
4. Статистический ежегодник: 1917–1924 гг. Т. 1. Ташкент, 1924.
5. *Бекмаханова Н.Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма / Н.Е. Бекмаханова. М., 1986.
6. *Смирнова И.В.* Демография / И.В. Смирнова. Калуга, 2004.
7. ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 336. Подсчитано по: Сельскохозяйственный обзор Семиречинской области за 1916 г. Верный, 1917.
8. *Кронгардт Г.К.* Демографические аспекты истории восстания 1916 года в Кыргызстане / Г.К. Кронгардт // Восстание 1916 года в Кыргызстане. Бишкек, 1993.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1916 года (МЕЖДУ ДВУХ ПЕРЕПИСЕЙ: ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ 1897 г. И ПЕРВОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ 1926 г.)

В.В. Плоских

Численность населения – это одна из наиболее важных социальных характеристик общества. Изменение численности населения имеет большое социально-экономическое значение в жизнедеятельности любого общества. Она связана со всей экономической, социальной и культурной деятельностью человека, и особенно кризисны в этом плане социальные взрывы – войны, восстания, революции.

Для получения данных о населении в демографии используется система различных источников информации, дополняющих друг друга: текущий статистический учет социально-демографических событий (рождаемость, смертность, брачность, разводимость), текущие регистры (списки, картотеки) населения, а также выборочные и специальные этносоциальные обследования. Самым крупномасштабным, многоцелевым и документированным источником информации о численности населения является его перепись.

Обратимся к переписям, проводимым в России, в которых нашло отражение и население Кыргызстана, не имевшего еще твердо определенных государственных границ.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи (состоялась 28 января 1897 г.) ставила своей целью учесть в первую очередь три категории населения: наличное, оседлое (постоянное) и приписное. Учет проводился на территории всей страны в одну и ту же дату – 28 января 1897 г.

Было повсеместно объявлено, что цель переписи – изучение населения и условий его жизни. Но простой обыватель, особенно неграмотное население новых присоединенных к России территорий (в частности, Туркестана), недоумевало и строило всевозможные догадки (особенно это скажется в период прерванной частичной сельскохозяйственной переписи 1916 г.).

Сложность определения численности населения Кыргызстана определялась его раздробленностью в административно-территориальном отношении. В конце XIX – начале XX вв. Кыргызстан находился на территории трех различных областей: Семиреченской – на севере, Сырдарьинской – на западе и Ферганской – на юге. Коренные жители составляли 93 % населения всех девяти областей Средней Азии (7,7 млн человек), 4 % относились к числу крестьян-поселенцев и 3 % были казаками. В Семиречье доля коренных жителей составляла 88 %, в Ферганской области она достигала 99 %.

Проведенные нами подсчеты по Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. и анализ других статистических данных позволяют вывести следующую картину на 1897 г. [1].

Таблица 1 – Население Северной Киргизии по переписи 1897 г.

Уезд	Всего	Русск., укр., белор.	Киргизы	Узбеки	Уйгуры	Дунгане	Татары	Другие
Пишпекский	176577	12280	151907	4227	151	7672	602	138
Пржевальский	147517	11223	128307	3151	34	2033	844	1925
Итого:	324094	23503	279814	7378	185	9705	1446	2063

Численность киргизов в 1897 г. в Ферганской области

Уезды: Маргеланский – 43717, Андижанский – 123382, Кокандский – 12039, Наманганский – 20700, Ошский – 1741.

Население Ошского уезда в 1897 г.

Всего населения – 161640.

Русские, украинцы, белорусы – 1373, таджики – 107, киргизы – 1741, узбеки – 588, турки и татары – 156447, прочие народности – 1384.

Следующая – частичная сельскохозяйственная перепись населения была проведена в 1916 г., которая не учитывала горожан и временно отсутствующее население. Предварительные итоги подводились местными учреждениями, на них и было возложено ее проведение. Сведения о населении Кыргызстана (в современных рамках) входили в третий том статистических материалов.

Программа была общей, однако в связи с хозяйственными и бытовыми особенностями региона в ней были сделаны некоторые изменения и дополнения. Выделялись: 1) крестьяне, старожилов, переселенцы, крестьяне из казаков, крестьяне из ссыльнопоселенцев; 2) казаки оседлые, казаки кочевые; 3) инородцы оседлые, инородцы кочевые; 4) мещане; 5) дворяне.

Группировка на старожилов и переселенцев не распространялась на кыргызское население, ссыльнопоселенцев и временно прибывавших. Не проводилось этнического разделения для русского, украинского и белорусского населения.

Хозяйства крестьянского типа были переписаны полностью, хозяйства же кочевников – выборочно. Было переписано 10 % от общего числа кочевых хозяйств.

Необходимо принять во внимание трудные условия переписи – громадные пространства, плохие дороги, малочисленность интеллигенции, короткие сроки и, главное, – начавшееся восстание коренного населения против царизма.

Сведения о непереписном населении были извлечены местными переписными учреждениями из предыдущих официальных источников, частью собраны дополнительно.

Содержание таблиц по Кыргызстану немного отличалось от таблиц по Европейской России. Различия были в перечне сельскохозяйственных культур и видов скота.

К хозяйствам крестьянского типа были отнесены казахские, киргизские, казачьи хозяйства, а также общественный скот и запашки сельских обществ. Итоги для кыргызских хозяйств были получены путем распространения данных выборочной переписи на всю массу хозяйств. Процент хозяйств, попавших под выборку, колебался по отдельным уездам от 7,9 до 13,4 % всего числа казахских и киргизских хозяйств в уезде.

В мае 1917 г. Временное правительство приняло закон «О переписи населения». 9 мая 1917 г. публикуется постановление министра земледелия «О порядке, ходе и цели проведения новой переписи в 61 губернии и области, кроме Финляндии и земель, оккупированных неприятелем». Для Кыргызстана были использованы материалы переписи по четырем областям, по двум областям привлекались результаты переписи 1916 г.

Частично результаты переписи 1917 г. по Средней Азии были опубликованы уже в 1920-е гг.

Таблица 2 – Суммированные данные о населении по Семиреченским волостям до 1916 и на 1 января 1917 г. (по И.А. Чеканинскому)

Уезды и волости	Кибиток				
	Состояло до восстания в 1916 г.	Убыло		Осталось на 1 января 1917 г.	
		Абс. ч.	В %%	Абс. ч.	В %%
Пишпекский уезд					
1. Абаилдинская волость	940}				
2. Темирбулатовская	502}	172	11,93	1270	88,07
3. Атекинская	973	100,00	-	00,00	
4. Байсеитовская	405}				
5. Шамсинская	1443	633	34,25	1215	65,75
6. Бакинская	661	48	87,91	613	92,59
7. Буранинская	342				
8. Нурманходжинская	996				
9. Курмабетовская	1043	1326	55,65 1055	44,35	
10. Джумгальская	902				
11. Кочкарская	1221	1417	70,91	606	29,09
12. Джанышевская	688	126	18,31	562	81,69
13. Джамансартовская	742	118	15,91	624	84,09
14. Иссыгактинская	1016	359	35,34	657	64,66
15. Качкинская	595	15 2,35	580	97,65	
16. Каракечинская	1026	500	48,74	526	51,26
17. Карабалтинская	666	272	40,84	394	5916
18. Мамохановская	386	14	3,63	372	96,37
19. Сарыбагишевская	1546	1546	100,00	-	00,00
20. Сусамырская	746	246	33,98	500	67,02
21. Тлеубердинская	304	21,02	1142	78,98	
22. Тынаевская	1756	1102	62,76	654	37,24
23. Черекчинская	415	40	9,64	375	90,36
24. Чумичевская	776	80	11,08	690	88,92
25. Шалурзинская	699	16	2,29	683	97,71
Итого по уезду	21813	9313	42,66	12518	57,34
Пржевальский уезд					
1. Аджинская волость	720				
2. Нарынская	831	701	17,13	850	39,87
3. Аулсарткалхакская	488	267	53,28	216	44,72
4. Ваначинская	1078	1078	100,00	-	00,00
5. Барскаунская	705	705	100,00	-	00,00
6. Восточно-Джетыгузовская	1014	1014	100,00	-	00,00
7. Джамбаевская	993	993	100,00	-	00,00
8. Джаныбековская	1080				
9. Он-Арчинская	1831				
10. Улахильская	1033	2541	6445	1403	35,55
11. Джуван-Арыкская	1224				
12. Саяковская	1126				
13. Семизбельская	1178	1975	55,98	1553	44,02
14. Западно-Джетыюгузовская	1347	1347	100,00	—	00,00
15. Заукинская	1128	1128	100,00	—	00,00

16. Иссенгуловская	856				
17. Чоринская	1139				
18. Шатоновская	801	1186	42,03	1610	67,07
19. Кенсуйская	1850	1850	100,00	-	00,00
20. Кунгей-Аксуйская	1225	1225	100,00	-	00,00
21. Курментинская	1493	1493	100,00	-	00,00
22. Курт-Коморченская	488	488	100,00	-	00,00
23. Ниязбековская	534				
24. Вирукчинская	739				
25. Манакельдская	648	608	34,48	1251	65,06
26. Мариинская (дунгайская)	0	СВ	ДЛ	АЛ	
27. Торгаевская	1164	1164	100,00	-	00,00
28. Тургенская	2338	1952	83,53	286	16,47
29. Тюпская	1476	1476	100,00	-	00,00
30. Чаштюбинская	1083	1083	100,00	-	00,00
31. Чериковская	1077	677	62,86	400	37,14
32. Шаркратминская	1314				
33. Бугененская	607	744	98,73	1177	61,27
Итого по уезду	34594	24252	70,21	10342	2979

Далее, как нам представляется, будет небезынтересно обратиться к статистическим материалам, приводимым в забытой книге полузабытого автора «Среднеазиатское восстание 1916 г.» И.А. Чеканинского (Кызыл-Орда, 1926 г.). [2, с. 48–60].

В указанной книге И.А. Чеканинским приведены суммированные в таблице данные о населении по Семиреченским волостям (в том числе по двум кыргызским волостям) – «по кибиткам», до восстания, в 1916 г. и после восстания на 1 января 1917 г. (таблица 2) [3, с. 116–117].

При этом следует учесть, предупреждает автор, переучет кибиток не мог проходить в нормальной обстановке, а велся в период острого недоверия, вызванного жестоким подавлением восстания, тем не менее, цифры убыли кибиток «безусловно значительны».

Тут же И.А. Чеканинский комментирует потери: «По людским жертвам киргизское население понесло потери почти равные ущербу, понесенному небольшим государством во время минувшей европейской войны».

После революции 1917 г. В.И. Ленин провозгласил свой знаменитый лозунг: «Социализм – это учет». Практический интерес к статистическим материалам о народонаселении, в особенности о движении рабочей силы, повысился.

Правительство приняло решение провести в 1920 г. одновременно три переписи, охватывающие все народные хозяйства в комплексе: сельскохозяйственную перепись, краткую перепись промышленных предприятий и перепись населения.

Но революционные события, гражданская война, интервенция и басмачество не позволили реализовать намеченные планы.

17 декабря 1926 г. все население страны охватила новая – Всесоюзная перепись населения. Основными переписными формулярами были личный листок и семейная карта (последняя только в городах).

Всеобщая перепись населения была тщательно подготовлена и проведена на строго научной основе с привлечением специалистов-статистиков старой школы, вероятно, поэтому и отличалась высокой точностью.

Картина национального состава по СССР, согласно переписи 1926 г., представлена в таблице 3 [4].

Таблица 3 – Национальный состав по СССР (материалы переписи 1926 г.)

Национальность	Численность		
	Все население	Городские поселения	Сельское население
Русские	77791124	16582231	61208893
Украинцы	31194976	3286945	27908031
Белорусы	4738923	489115	4249808
Туркмены	763940	11293	752647
Киргизы	762736	10844	751892
Каракалпаки	146317	4178	142139
Кипчаки	33502	503	32999
Кашгарцы	13010	5804	7206

Надо отметить, что еще в 1925–1926 гг., то есть до Всесоюзной переписи в Киргизской Автономной области, образованной в 1924 г., была предпринята попытка провести перепись собственными силами. Этот опыт оказался несостоятельным, хотя в некоторых научных работах данные этой переписи используются со ссылками на «статистический» источник.

Всесоюзная перепись населения в 1926 г. имела важное значение не только для того времени, но и для более верной оценки демографических изменений, произошедших с лета 1916 г., т. е. за 10 лет.

При этом, с учетом больших потерь в ходе восстания 1916 г. и гражданской войны, в Пишпекском уезде население сократилось на 39 тыс. чел., в Пржевальском – увеличилось на 24 тыс. чел., в южных уездах сократилось примерно на 140 тыс. чел.

Опираясь на статистические данные Всесоюзной переписи населения 1926 г., представим сведения об общей численности и этнических группах населения Кыргызстана (таблица 4).

Таблица 4 – Этнические группы Кыргызстана (1926 г.) [5, с. 200, 202]

Этнические группы	Население		
	Всего	Муж.	Жен.
Русские	116436	59391	58045
Украинцы	64128	32252	31876
Немцы	4291	2153	2138
Татары	4902	2606	2296
Кыргызы	661171	344933	316238
Кашгарцы	7467	4343	3124
Казаки	1766	811	955
Узбеки	109776	57812	51964
Дунгане	6004	3211	2793
Таджики	2667	1467	1200
Уйгуры	73	51	22
Итого	978681	508030	470651

Сегодня, в год столетия восстания, события 1916 г. стали предметом дискуссионных баталий. И не случайно президент Кыргызстана А.Ш. Атамбаев издал специальный указ

«О 100-летию трагических событий 1916 года», стимулирующий переосмысление и объективную историческую оценку событий. Появились реальные основы поднять новые архивные документы в России и Кыргызстане и почти неизвестные материалы, хранящиеся в Китае, чтобы окончательно решить вопрос о демографических потерях кыргызов и других этносов Кыргызстана в ходе восстания 1916 г. Лишь официальная статистика беспристрастна.

Сопоставление разных источников и сравнение данных о населении Первой Всероссийской и Первой Всесоюзной переписей населения показывает, что за два десятилетия между ними все же происходил серьезный естественный – внутренний и иммиграционный рост населения, несмотря на серьезные потери и в ходе восстания, и в годы революции, гражданской войны и басмачества.

Таким образом, имея отрывочные статистические данные переписей и разноречивые показания статобзоров, невозможно составить абсолютно точную картину жертв восстания, как со стороны коренных жителей, так и переселенцев. Приходится оперировать доступными отрывочными свидетельствами, которые тем не менее позволяют представить приблизительную картину жертв этих трагических событий.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть: исторически складывается так, что во всем мире, во все времена происходили войны, восстания, междоусобицы с человеческими жертвами, но сегодня политизировать эти события и предъявлять счет друг другу за прошлое нельзя. Вспомним художественный афоризм: «Кто выстрелит в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в того из пушки» (Расул Гамзатов). Сегодня мы живем в другом мире, и прав академик А.Ч. Какеев, говоря: помня об уроках прошлого, мы не должны забывать о существовании Суверенного Кыргызстана [6, с. 206].

Литература

1. ЦГИА СССР. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 444. Л. 4–6.
2. *Дятленко П.И.* И. Чеканинский – исследователь Центральной Азии и Сибири / П.И. Дятленко // В кн.: Н.М. Пржевальский и российские подвижники в изучении истории и культуры Центральной Азии // Материалы научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского. 26–27 июня 2009 г. Бишкек: КРСУ, Илим, 2009. С. 48–60.
3. *Чеканинский И.А.* Среднеазиатское восстание 1916 г. / И.А. Чеканинский. Кызыл-Орда, 1926. С. 116–117.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928–1929. Т. 9. С. 34–51; Т. 10. С. 9–13; Т. 11. С. 8–17; Т. 14. С. 6–16; Т. 15. С. 8–13. Т. 16. С. 8–12; Т. 17. С. 8–25. Таблица VI.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года: Киргизская АССР. Отдел 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность.
6. *Какеев А.Ч.* Восстание 1916 года: к проблеме историографии и источниковедения / А.Ч. Какеев // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 5.

В ЭПИЦЕНТРЕ ВОССТАНИЯ

Д. Джунушалиев

Во имя исторической правды и справедливости, выполняя свой гражданский долг перед памятью героев и безвинных жертв в восстании 1916 г., общественность Среднеазиатского и Казахстанского регионов в полный голос смогла заговорить лишь в последнее время. К сожалению, и здесь запаздывают профессиональные историки со всесторонними, аргументированными и правдивыми ответами на многочисленные вопросы, выдвинутые гласностью. В публикациях, высказываниях допускаются неточности, недоговоренности или перехлесты и однобокость, которые далеки от исторической истины. В чем причина? Можно ли все это объяснить плюрализмом мнений, который закономерен в условиях широкой демократии и гласности? Частично – да!

На наш взгляд, основная причина заключается в следующем: во-первых, долгие годы отнесенная к категории деликатных, тема 1916 г. являлась монополией лишь ограниченного круга исследователей, всесторонний же анализ событий 1916 г. с вовлечением широкого круга исследователей начался только в последнее время. Во-вторых, единогласно выступая за объективность и правдивость на словах, следует признать, что мы еще полностью не освободились от политических, идеологических и других конъюнктурных соображений на деле. Наши суждения подчас строятся не на анализе значительного массива архивных материалов, а лишь их части, подтверждающей наши предположения. В-третьих, ратуя за новое мышление в исследовании исторического прошлого, мы пока еще крепко стоим на позициях вульгаризованного исторического материализма, что является главным препятствием для правильной оценки событий прошлого. Чтобы быть более объективным в подходе к историческим событиям, необходимо учесть следующее:

1. Следует отказаться от рассмотрения в качестве классического эталона развития человеческого общества (согласно вульгаризованному историческому материализму) пятичленной общественно-экономической формации, каждый этап из которой считается более высокой ступенью цивилизованности по отношению к предыдущей.

Необходимо признать очевидную истину, что народы каждого региона шли своим путем исторического развития. Кроме европейской, были и есть азиатская, африканская и другие цивилизации. Уровень их измеряется не только степенью развития материального производства, но и уровнем соответствия традиций, обычаев, образа жизни народа общечеловеческим гуманистическим ценностям. Поэтому, на наш взгляд, абсолютно несостоятельно утверждение о реакционном характере восстания как о борьбе «отсталости» против порядков, несущих цивилизованность.

2. Необходимо отойти от пресловутого классового подхода, согласно которому, в конечном счете, прогрессивно лишь то, что приближает нас к конечной цели борьбы пролетариата. Согласитесь, вряд ли классовый подход применим для общества, в котором не было четкого классового расслоения.

3. Нельзя излагать и изучать историю нашего региона по аналогии с теми регионами, где классовое противостояние и классовая борьба проявились более отчетливо. Только

так будут прекращены попытки выискивания реакционных очагов, объясняемых участием в руководстве восстания представителей манапства.

После такой вступительной части, не претендуя на бесспорность своих суждений, перейдем к освещению вопросов восстания в его эпицентре, т. е. в северной части Кыргызстана. Для того чтобы называть Север Кыргызстана эпицентром, думается, есть все основания. Семиречье, особенно Север Кыргызстана, было эпицентром колониальной политики царизма (из 540 тыс. переселенцев в Туркестан 110 тыс., т. е. 20 %, были в Пишпекском и Пржевальском уездах). Именно здесь наиболее активно проявилась реакция на колониальную жестокость, произошли самые кровопролитные столкновения. В течение года около 120 тыс., или 35–36 %, кыргызов этих двух уездов погибли от голода, холода, эпидемических болезней. Почти 98 % из 2325 погибших в ходе столкновений переселенцев-европейцев и 66 % офицеров и нижних чинов царских карателей тоже приходятся на долю этих уездов.

При изучении любого общественно значимого события, тем более народного восстания, объективность начинается с правильного выявления главных причин процесса. Так что же послужило причиной восстания? За прошедшие 100 лет их выявлено немало.

Одна из них была сформулирована царской администрацией. Она считала восстание религиозно-националистическим движением, возникшим в результате происков враждебных России государств, в первую очередь – Турции.

Действительно, этнические и религиозные различия между коренным и переселенческим населением накладывали определенный отпечаток на отношения между ними. Нельзя сбрасывать со счета и подрывную пропаганду со стороны Турции. Однако версия официальной России касается не главной, а второстепенной причины. В противном случае эпицентр был бы не в Семиречье, а на территории Узбекистана, Таджикистана или Туркмении, где была сильна позиция исламского фундаментализма и соперников России по колониальной политике.

Другая версия была выдвинута еще в сентябре 1916 года политическим авантюристом Г.И. Бройдо [1], оказавшимся свидетелем начального периода восстания в Пишпекском уезде. По его мнению, восстание было спровоцировано непосредственно царизмом «для уничтожения человеческого материала Киргизии и для расчистки земли для новой колонизации...».

Данная концепция не имеет ничего общего не только с научностью, но и со здравым смыслом. Зачем провоцировать народное восстание по всему Туркестану и Кыргызстану, чтобы освободить от коренных жителей лишь часть нынешнего Северного Кыргызстана? Было ли в интересах царизма, терпящего одно поражение за другим на фронтах империалистической войны, иметь в тылу восстание миллионного населения Туркестана?

Несмотря на научную несостоятельность, версия Бройдо ныне активно муссируется. Сторонники её обнаружили вещественное доказательство – план генерал-губернатора Туркестанского края по выселению кыргызов из района озера Иссык-Куль, восточной части Чуйской долины в Нарынскую зону.

Такое решение действительно имело место. Но принято оно было 16 октября 1916 г., т. е. после подавления восстания, в наказание повстанцев, а не до него.

Главной и определяющей причиной восстания, как совершенно правильно подчеркивали еще Т. Рыскулов и Ю. Абдрахманов [2], была все расширяющаяся колонизация, жестокая эксплуатация местного населения, подведшие его к опасной черте – вымиранию.

Как известно, доведенный до отчаяния всей предшествующей колониальной политикой народ (на царский указ о привлечении коренного населения на тыловые работы народ

ответил массовым протестом), который перешел в вооруженное восстание в Джизакском уезде Самаркандской области, Красноводском уезде Закаспийской и в Семиреченской областях.

Была ли альтернатива этому крайнему шагу, оказавшемуся трагическим для сотен тысяч людей, особенно в Семиречье? Анализ архивных документов при освобождении от политических стереотипов абсолютизации классовой борьбы, особенно восстания, в решении общественных проблем показывает, что альтернатива была и не одна.

Большинство иссык-кульских кыргызов сначала решили кочевать в Китай, чтобы не отправлять людей на тыловые работы. В начале августа в письме Шабданова почетные лица Пржевальского уезда Баатыркан ажы и Кыдыр аке предлагали сарыбагышцам последовать их примеру. К середине августа, т. е. в самом начальном периоде восстания, первые кыргызы-беженцы уже были на китайской границе.

Другая альтернатива предполагала подчиниться царскому указу. Так поступили коренные жители большей части Туркестана, за исключением Джизакского, Красноводского уездов и Семиреченской области. Из архивных документов видно, что к началу августа волнения начали утихать и среди коренного населения Пржевальского уезда. Более того, кыргызы предлагали на лошадях отправить к месту назначения через перевал Кугарт, в Джалал-Абад, 9 тыс. рабочих, которые требовались от Пржевальского уезда, и 9 тыс. лошадей, из которых должны были отобрать 6 тыс. в счет военно-конской повинности.

Колебались и жители Кемина (Атекинская и Сарбагышевская волости). Но 9 августа группа джигитов привезла захваченный ими в Боомском ущелье обоз с оружием – 1178 берданок и около 40 тыс. патронов), что и определило решение о восстании. Это известие, изложенное в письме Шабданова к иссык-кульским манапам, дополненное далеким от истины сообщением об успешном начале их восстания, в известной степени повлияло на ход дальнейших событий в Пржевальском уезде.

Таким образом, при всей объективной обусловленности народного выступления в его превращении в вооруженное восстание свою роль сыграли и психология толпы, и элемент случайности. Именно эти моменты, несмотря на уговоры таких, хорошо знающих силу царского самодержавия влиятельных людей, как Баатыркан Ногоев, Кемал Шабданов, Кыдыр Байсарин и др., массовый протест перерос в массовые беспорядки (угон скота, поджоги хозяйств переселенцев, а затем – массовое кровопролитие). Пострадали в первую очередь женщины, дети, старики, поскольку мужчины призывного возраста в основном были на фронтах империалистической войны. Из числа гражданского населения Пишпекского уезда было убито 98 и без вести пропало 65 человек, а в Пржевальском уезде, соответственно, – 2179 и 1299 человек.

Ответная реакция была еще страшнее. По приблизительным данным, в ходе столкновений переселенцами и царскими войсками было убито не менее 4 тыс. кыргызов. Во время бегства в Китай от рук карателей погибли около 12 тыс. кыргызов. Многие кыргызы погибли под перекрестным огнем карателей и китайских пограничников, утонули при переправе через пограничные реки.

Общее число беженцев из Семиречья, прибывших в Китай, составило, по неполным данным, 164 тыс. чел., из них около 130 тыс. кыргызов. Они перешли границу, сохранив лишь 10 % лошадей и 25 % мелкого скота. Число кыргызов и казахов, умерших от голода, эпидемии тифа, цынги и других болезней в Китае, к маю 1917 г. достигло не менее 70 тыс.

Потери кыргызов продолжались и при Временном правительстве. Погибших от голода, рук колонизаторов в 1917 г. было не менее 20 тыс. Народ оказался под угрозой по-

головного истребления и вымирания. Так против кого же было направлено восстание? По мнению К.У. Усенбаева, оно имело антицарский, антиколониальный, антиимпериалистический, антивоенный, антифеодальный..., но только не антирусский характер. Но сомнение вызывает правомерность последних двух позиций, а именно: наличие антифеодального и, наоборот, отсутствие антирусского характера восстания. Эта точка зрения, на наш взгляд, объяснялась не столько научной объективностью, сколько стремлением к защите справедливого выступления народа от причисления восстания к разряду реакционных.

Соотношение же жертв гражданского населения, чинов колониальной администрации, царских войск не оставляет никакого сомнения, какой характер носило восстание. Погибших переселенцев только в Пишпекском и Пржевальском уездах было более 3 тыс., погибших чиновников администрации, офицеров и солдат по всей Семиреченской области несравнимо меньше – 2 чиновника, 3 офицера и 52 нижних чина, без вести пропало 75 солдат. Так обстоит дело с позиций неопровержимых фактов, которыми оперирует историческая наука.

Попробуем подойти к вопросу с позиции несколько отвлеченного философского рассуждения. В глазах неграмотных кыргызов начала века, кто был притеснителем, кто отбирал землю и скот? Конкретные лица или колониальная политика, о существовании которой, не говоря уже о предках, грамотные потомки узнали только в стенах учебных заведений? Уместно ли задним числом, в угоду далеким от научности соображениям, приписывать доведенным до отчаяния людям качества интернационалистов? Не будет ли честнее признать то, что заранее незапланированное и неорганизованное восстание и ответная реакция переселенцев определялись законами психологии толпы, в значительной степени носили характер самого жестокого, самого несправедливого человеческого столкновения, а именно: межнациональной резни, которую не должны допускать люди во все времена, за какое бы правое дело не боролись?

Не очень убедительно и утверждение об антифеодальном характере восстания. В ходе столкновений в Туркестане было убито 22 должностных лица колониальной администрации из числа коренных жителей, еще 31 получили ранение. Во всей Семиреченской области не было ни одного убитого повстанцами волостного управителя или манапа. Правда, некоторым из них угрожали, но не за то, что они баи или манапы, а за то, что в них видели выдумщиков бесконечных поборов, а главное – авторов несправедливо составленных мобилизационных списков, т. е. верных слуг царской администрации.

Далее. В начале 1917 г. в ответ на просьбу беженцев-кыргызов о возвращении на Родину царская администрация поставила ряд условий, в числе которых была выдача властям манапов – предводителей восстания. Если бы восстание имело антифеодальный характер, то беженцы, безусловно, выдали бы вчерашних «противников». Но таких случаев не было.

Даже в конце 1920-х гг. после долгой и целенаправленной работы по классовому расстройству кыргызов, они выступали против выселения своих манапов. Беря во внимание изложенное, можно сказать, что утверждение об острой классовой борьбе среди кыргызов – несостоятельный вульгарно-классовый подход.

Восстание было общенародным. Доведенный до отчаяния народ восстал, чтобы защитить свою честь, достоинство, свободу, землю. В восстании участвовали и простые труженики, и баи, и манапы. В поведении большинства манапов проявилось недовольство колониальными порядками. Вопреки утверждениям обществоведов, что манапы – классовые враги народа, эксплуататоры, манапы несли ответственность и заботились о благополучии, достоинстве, численном росте населения, отчего в определяющей степени зависели влияние, власть и благополучие их самих. Утверждение иного мнения, на наш взгляд, является

ся результатом механического перенесения характерных черт классовых отношений более развитых обществ на кыргызскую почву начала века, где были сильны устои родоплеменных отношений.

Абсолютно несостоятельна попытка приписать восстанию реакционный характер из-за участия в нем бай-манапских элементов и наличия антирусской направленности. Да, в ходе восстания пострадали многие простые труженики-переселенцы, оказавшиеся помимо своей воли «вынужденными колонизаторами» кыргызских земель. Но требовать от народа, выступающего за свои естественные, законно-справедливые права, действий всесторонне согласованных да еще с учетом коренных задач пролетариата и беднейшего крестьянства, по меньшей мере, несправедливо.

Вызывает сомнение и правомерность оценки восстания 1916 г. в Северном Кыргызстане как явления с прогрессивными последствиями. Если подойти с позиций, согласно которым все, что способствует достижению конечной цели пролетариата, прогрессивно, а мешающее – реакционно, то, конечно, восстание имеет прогрессивные последствия. В основе перехлестов в определении характера восстания и замалчивании некоторых его явно заметных моментов лежит именно этот подход.

Но теперь мы поняли, что классовая вооруженная борьба является далеко не единственным и лучшим способом решения общественных проблем. И если мы проанализируем, к чему привело восстание, то увидим, что в экономическом плане – к значительному ущербу переселенческих, полному разорению кыргызских хозяйств; в демографическом плане – к существенному уменьшению коренного населения Северного Кыргызстана, от вторичных последствий которого избавились лишь к началу 1960-х гг.; в политическом плане – как показывает мировая история, поражение восстаний всегда сопровождается разгулом реакции, политической апатией, разочарованием масс. Кыргызцы не были исключением из мировой практики; в плане межнациональных отношений – смена отношений взаимопонимания, терпимости между коренным населением и переселенцами на откровенную вражду и взаимоуничтожение.

Прогрессивными такими события не назовешь. Не будет ли честнее и правильнее определить восстание, исходя из его главных причин и движущих сил, как справедливое, освободительное движение?

В жизни, к сожалению, очень часто бывает, что не всегда справедливое дело одерживает верх. Так было и в 1916 г. Общепародная борьба за справедливость обернулась трагедией для живших бок о бок представителей всех национальностей, глубоким регрессом для кыргызского общества в целом.

Историю надо помнить, необходимо восстанавливать историческую правду, однако главное состоит в том, чтобы делать правильные выводы даже из трагических уроков истории. Это, в первую очередь, дело историков, особенно молодых, необремененных грузом различных идеологических постулатов. Очевидно и то, что если мы хотим жить в мире и выйти из кризисного состояния, нельзя доводить людей, независимо от их национальных и других различий, до отчаянного состояния; во-вторых, ни общественное мнение, ни властные, ни политические и другие структуры ни в коем случае не должны мириться с любыми националистическими и шовинистическими проявлениями.

Литература

1. Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 г. / Г.И. Бройдо. М.: [б.и.], 1925. 28 с.
2. Абдрахманов Ю. Избранные труды / сост. Дж. Джунушалиев и др.; НАН КР, Институт истории, Общественный фонд «Иссык-Куль». Бишкек, 2001.

ВОССТАНИЕ 1916 года В ОЦЕНКЕ ПЕРВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА 1920–1930-х годов

Б.С. Сарсенбаев

Для представителей казахской и кыргызской интеллигенции раннесоветского периода тема восстания 1916 г. имела особое значение. Восстание 1916 г. и его подавление стали отправной точкой национально-освободительного движения, началом разработки перспектив национального и государственного строительства и одной из ключевых причин роста национального самосознания казахов и кыргызов, которое в итоге воплотилось в создание национальной государственности.

Тема национально-освободительного восстания 1916 г., в котором принимало активное участие коренное население Семиречья – казахи и кыргызы, находилась в центре общественного внимания, учитывалась большевиками в их политике по отношению к Средней Азии и активно изучалась в течение 1920–1930-х гг.

Много внимания теме восстания уделили видные представители национальной интеллигенции – Т.Р. Рыскулов, Ю. Абдрахманов, Б. Исакеев, которые прямо или косвенно участвовали в самом восстании и поэтому в его интерпретации опирались на свои личные воспоминания и свидетельства других участников.

Отметим, что оценки партийно-советских лидеров первого поколения относительно причин и итогов восстания не были свободны от определенной доли субъективности и политизированности. Они были коммунистами, занимали руководящие посты в Коммунистической партии и не могли вступать в прямое противоречие с партийной линией; им приходилось еще учитывать и частые изменения партийной идеологии и политики.

На вектор и границы оценок восстания в 1920-х гг. оказывал серьезное влияние марксистский «классовый подход», требовавший объяснения восстания через анализ социальных и экономических процессов, акцента на роли «широких народных масс» и выдвижении лидеров из них (что на самом деле было редкостью для традиционных казахского и кыргызского обществ), связи всех общественных выступлений с революционным движением (включая леворадикальные революционные партии, одной из которых были большевики) в царской России и с Октябрьской революцией. Также существенно на пределы дозволенного в изучении, освещении и оценивании восстания влияли советская идеология и политика.

Пионерами в изучении восстания 1916 г. в Средней Азии, в том числе в Казахстане и Кыргызстане, были участники и очевидцы, которые опубликовали ряд статей, где пытались объяснить предпосылки возникновения, развития восстания, его социальные мотивы и причины поражения. В 1924 г. на страницах журнала «Новый Восток» Т.Р. Рыскулов и Г.И. Бройдо опубликовали первые статьи по данной проблеме. Т.Р. Рыскулов в своей статье выдвинул положение, впоследствии получившее название «теории плацдарма», соглас-

но которой восстание 1916 г. было якобы заранее задумано царизмом в качестве предлога для ввода большого количества русских войск в пределы Средней Азии в целях подготовки к дальнейшим завоеваниям в Западном Китае [1].

Участник восстания, советский государственный деятель Г.И. Бройдо сформулировал «теорию провокации», согласно которой восстание было результатом провокационной работы царской администрации, направленной на то, чтобы очистить земли для дальнейшей колониальной деятельности.

Такие «теории» вызвали критику. В частности, советский историк Е. Федоров, подвергая критике «теорию провокации», оценивал восстание 1916 г. как массовое движение, в котором приняли участие обездоленные трудящиеся – туркмены, кыргызы, не только против русского правительства..., но и против баев, манапов, без активного руководящего участия со стороны туземной интеллигенции. Он одним из первых обратил внимание на антиколониальный и антифеодальный характер восстания 1916 г. [1].

В 20-е гг. XX в. делались первые шаги по определению характера восстания 1916 г., но единого мнения по данному вопросу не было, что потребовало проведения дискуссии. Организацию научно-теоретической дискуссии взял на себя Отдел по изучению истории партии при Средазбюро ЦК ВКП(б). Обсуждение началось с публикации статьи советского историка И. Меницкого «О характеристике событий 1916 г. в Туркестане» на страницах газеты «Правда Востока» от 29 июля 1926 г. в связи с десятилетием восстания. Впоследствии все материалы дискуссии были перенесены в журнал-книгу «Коммунистическая мысль» (№ 2, 1926).

В это же время были опубликованы работы советских историков К.В. Харламповича, В.Г. Некрасова-Клиодта, А.В. Шестаковича, А.Н. Зорина и других, посвященные восстанию 1916 г.

В ходе дискуссии определились различные точки зрения в оценке восстания. В целом они сводились к следующему:

а) восстание 1916 г. произошло потому, что оно было спровоцировано (Т.Р. Рыскулов, Г.И. Бройдо);

б) восстание носило стихийный характер и происходило без революционного содержания (К.В. Харлампович, В.Г. Некрасов-Клиодт);

в) необходим дифференцированный подход к изучению восстания 1916 г. в Средней Азии (А.В. Шестакович);

г) восстание возникло в результате отчуждения лучших земель у местного населения и образования на этих землях переселенческих поселков.

Одновременно в результате колонизации начался процесс деградации животноводческого хозяйства кыргызского населения, поголовье скота сократилось не менее чем в 2 раза. Восстанием оказались охвачены почти все области Туркестана, но наиболее широкого размаха оно достигло в пределах Семиреченской области, которая стала районом наиболее интенсивной аграрной колонизации, сопровождавшейся обнищанием туземных масс. Эта область представляла основной очаг всего восстания туземцев в Туркестане в 1916 г. (Т.Р. Рыскулов, Ю. Абдрахманов, Б. Исаев) [1].

В оценке движущих сил восстания мнения были едиными: это были дехканские массы в лице бедноты, батрачества и середняков. Однако в определении характера восстания выявились разногласия. В частности, открывший дискуссию И. Меницкий считал, что в событиях 1916 г. мы имеем выступление угнетенных классов... против как своей туземной буржуазии, так равно и всех других эксплуататоров без различия национальностей, и русской

администрации как защитника этих эксплуататоров. Отсюда он приходил к логическому выводу о том, что подчеркивание национального момента по существу неверно и политически вредно.

Подвергая критике данную мысль И. Меницкого, Т.Р. Рыскулов, также руководствуясь учением марксизма-ленинизма, акцентировал внимание на национальных моментах восстания. Он утверждал, что национальный гнет царизма в Туркестане не отличался от гнета любого европейского государства. Исходя из этой посылки, Т.Р. Рыскулов писал: «...противоречия, вытекающие из колониального гнета царизма, и послужили причиной, заставившей туземные трудовые массы поднять восстание, в первую очередь, против русской власти. Причем повстанцы в своих нападениях не разбирали ни русских царских чиновников, ни русских крестьян, ни русских рабочих, а во-вторых, на туземный имущий элемент повстанцы нападали постольку, поскольку они были соучастниками или пособниками русских. Все это показывает, что восстание было направлено вообще против русских» [2, с. 175–176].

С этими идеями Т.Р. Рыскулова была созвучна и публикация Ю. Абдрахманова, считавшего, что восстание, направленное против царизма, приняло характер восстания против всех русских [3, с. 220–284].

Ю. Абдрахманов, дискутируя с И. Меницким, писал: «Мы все согласны с тем, что в восстании 1916 г. есть некоторые, притом очень значительные, элементы классовой борьбы. Согласны также и с тем, что оно началось под давлением “низов” при пассивном сочувствии некоторой и при сопротивлении другой части местных эксплуататорских верхушек. Однако это не говорит за то, что восстание носило полностью и целиком характер классовой борьбы, и притом, исключая национальные моменты, как об этом думает И. Меницкий... Да и, кроме того, в ходе самого восстания руководящая роль принадлежала именно “эксплуататорам”, которых и возводили в саны “ханов”» [3, с. 217–218].

По мнению Ю. Абдрахманова, это было закономерностью, так как отражало уровень общественного развития «туземного населения Туркестана». Кыргызы и туркмены шли от родо-патриархальных отношений к феодализму, а узбеки – от феодальных отношений к торговому капитализму.

Также он отмечал наличие сепаратистских стремлений, приводя в качестве доказательства деятельность алашординцев и «Шура-Исламия» в период 1917 г., которые, по его мнению, проповедовали идею создания единого панисламистского государства, независимого от России [3, с. 219].

Противоположную этой точке зрения оценку дает Б.И. Исакеев, считавший, что «баи и манапы... занимались предательством и играли агентурную роль для царского правительства» [4, с. 33].

Советский исследователь И.А. Чеканинский, специализировавшийся на изучении археологии, истории и культурного наследия Средней Азии, занимал по данной проблеме более объективную позицию. Опираясь на материалы Семиреченского областного статистического комитета, он считал выступление 1916 г. организованным восстанием, подготовленным в течение целого ряда лет той «инородческой» политикой, которую вели не только органы местной власти, но и центральное правительство. Развивая свою мысль в этом направлении, он смело утверждает, что конечной целью выступления были не апелляции, а желание угнетенной национальности путем самостоятельной борьбы сбросить с себя и цепи рабства, и расчистить путь к политической свободе нации, самоопределению и экономической независимости [5, с. 4].

Касааясь вопроса тактики расчленения покоренных степных народов Средней Азии со стороны Российской империи, И.А. Чеканинский писал: «Русское правительство, опасаясь

сплоченности степняков и их способностей организовывать неожиданные массовые набеги, ... пользуясь темнотой киргизского населения, стремилось прибегать, с одной стороны, к сеянию вражды между отдельными киргизскими родами и партиями, чтобы тем самым ослабить сопротивляемость киргиз, и с другой стороны, ... доказать массам, что всякое сопротивление «русскому оружию» есть лишь выражение ничтожности перед силами великой России и могуществом белого царя» [5, с. 26–27]. Автор здесь зримо показал провокационную роль царского правительства, его уродливую «инородческую» политику по отношению к среднеазиатским народам.

Таким образом, во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. дискуссия шла вокруг вопросов социально-экономических предпосылок, движущих сил, роли различных социальных групп и характере восстания 1916 г. Ход восстания рассматривался в основном по Семиреченской области Туркестана, без указания на другие его очаги.

Предварительные итоги дискуссии были подведены в журнале «Коммунистическая мысль», но Отдел по изучению истории партии при Средазбюро ЦК ВКП(б) окончательных выводов из опубликованных материалов не сделал, считая их преждевременными [1].

К началу 1930-х гг. в советской историографии начинает прослеживаться и набирать силу иная тенденция, которая соответствовала новой партийной установке и официальной трактовке восстания 1916 г. в Туркестане. Она была высказана в работе Т.Р. Рыскулова «Киргизстан», изданной в 1929 г. в Москве. Опираясь на материалы обследования бывшего Переселенческого управления 1916 г., он оценивает восстание 1916 г. как восстание широких трудящихся слоев туркестанского населения, которые не раз поднимались против царской администрации и имущих классов. «...Восстание это было ответом на полустолетний гнет и экономическую эксплуатацию царским строем киргизов... Основную массу повстанцев составляли бедняцкая и середняцкая масса населения. Восстание 1916 г. было восстанием не только против царизма, но и против имущих эксплуататорских верхушек самого киргизского населения», – пишет Т.Р. Рыскулов [6, с. 262–263].

Это уже другой акцент в оценке характера восстания. Данная оценка отражает коренное изменение взглядов автора. Подобные суждения Т.Р. Рыскулова о характере восстания 1916 г. объяснялись тем, что в эти годы в советской исторической науке формировалась и утверждалась марксистско-ленинская методология. Любое историческое событие рассматривалось с позиции классового подхода. Отсутствие классового подхода в интерпретации исторического события считалось ненаучным, методологически неверным и т. д. Поэтому Т.Р. Рыскулов в своей работе «Киргизстан», отстаивая классовый принцип в интерпретации революционных событий 1916 г., подчеркивал, что восстание, в первую очередь, было направлено против местных эксплуататорских классов [1].

В 1931 г. второй секретарь Киробкома ВКП(б) Б. Исакеев выступил с докладом «Киргизское восстание 1916 г.» на собрании рабочих кооперативов «Интергельпо» и железнодорожников в связи с пятнадцатилетием восстания. Данный доклад был опубликован Киргосиздатом в 1932 г.

Б. Исакеев писал: «Исторически сложившимися социально-экономическими и политическими условиями и, вместе с тем, основными причинами восстания 1916 г. были: первое – безграничная эксплуатация и невыносимый колониальный гнет и грабеж со стороны царского правительства, которые существовали в Средней Азии к моменту восстания. Как раз в 1916 г. исполнилось больше 50 лет завоевания Туркестана царизмом. 50-летний колониальный гнет и политическое бесправие трудящихся масс Киргизии вывели их из терпения и они должны были выступить против этого невыносимого гнета.

Второй основной причиной восстания являлась беспощадная и зверская эксплуатация трудящихся со стороны байско-манапских феодально-патриархальных элементов самой киргизской народности.

Третьей причиной являлась империалистическая война. Восстание началось на третий год империалистической войны. Тяжесть империалистической войны, тяжесть налогов, поборов и т. д. на военные цели целиком ложились на плечи трудящихся Киргизии и отражались на их материальном благосостоянии.

Четвертой причиной, послужившей непосредственным политическим поводом к восстанию, являлся набор рабочих на тыловые работы» [7, с. 2–3].

Характер восстания 1916 г. Б. Исакеев описал следующим образом: «Характер восстания в основном был национально-освободительным. Восстание свой удар направило к разгрому царской администрации, нападению на учреждения участкового начальника, нападению на уполномоченных этих участковых начальников, на управления переселенческой политики, нападению на почтово-телеграфные конторы и почтово-телеграфных чиновников и т. д. Основной огонь был сосредоточен на этих участках. По имеющимся данным, только по Пржевальскому (Иссык-Кульская котловина) и по Пишпекскому уезду повстанцами было убито из войсковых частей около полудесятка офицеров, 60 нижних чинов, около 50 были ранены и несколько десятков нижних чинов были повстанцами захвачены в плен. Кроме того были нападения на переселенческие поселки, на русских кулаков и зажиточных. ...Основной движущей силой восстания являлись дехканские и скотоводческие массы Средней Азии и пролетарские и полупролетарские элементы коренного населения городов, находившиеся под двойным гнетом российского империализма и местных эксплуататорских классов. ...Они выступили прежде всего против царских администраторов, гнавших их на мировую бойню, на тыловые работы.

...В стремлении ликвидировать колонизаторскую политику правительства и ее губительные последствия, повстанцы в районах наиболее широкого развития колонизации (Киргизия) обрушили свои удары на кулацко-зажиточные слои населения русских поселков (из тезисов САБ ЦК ВКП(б). Вот основная характеристика самого восстания. Инициатором восстания являлось само батрачество, беднота и середняцкая масса коренного населения...» [7, с. 11–12].

Надо сказать, что в тексте доклада Б. Исакеева упоминаются тезисы отдела культуры и пропаганды Средазбюро ЦК ВКП(б), опубликованные к пятнадцатилетию восстания в «Правде Востока» от 8 августа 1931 г. [8].

Данный документ отражал официальную позицию Советской власти по восстанию 1916 г., которая считала восстание в Средней Азии прелюдией к Октябрьской революции, и по этой причине он в то время активно использовался в политическом и информационном пространстве: «Восстание 1916 г. было проявлением революционного кризиса, который назревал в России не только по линии роста рабочего и крестьянского движения в метрополии, но и по линии роста революционного национально-освободительного движения угнетённых царизмом народов. Удар восстания в Средней Азии в 1916 г. по российскому империализму облегчил победу революции в России, ниспровергнувшей соединёнными усилиями рабочих, крестьян и трудящихся классов угнетённых национальностей самодержавие (господство крепостников-помещиков), а вслед затем (в октябре 1917) и российский империализм.

...Восстание 1916 г. подготовило победу Октября в Средней Азии, победу, закреплённую упорной борьбой против британского империализма, российской белогвардейщины и национальной контрреволюции (Коканд. автоном. и т. д.)» [8].

Необходимо отметить, что и позиция Т.Р. Рыскулова по восстанию 1916 г. к концу 1930-х гг. заметно эволюционировала: «...Восстание 1916 г. – самое грандиозное восстание в истории народов Туркестана и Казахстана – имело огромное значение и для революционного движения России в целом. В тылу царского империализма национально-освободительное движение этих народов пробило огромную брешь. Поднимался мощный резерв пролетарской революции в колониях.

Восстание носило явно выраженный антиимпериалистический характер: восставшие отказывались дать рабочую силу для фронта империалистической войны.

Набор туземных рабочих на тыловые работы для империалистической войны, как указывалось, послужил лишь поводом к восстанию трудящихся местных национальностей Туркестана (включая Киргизию) и Казахстана в 1916 г.

Главнейшие же причины, толкнувшие трудящихся Туркестана и Казахстана на это восстание против царской колониальной деспотии, конечно, имели гораздо более серьезные основания. Они заключались в тех глубоких экономических и политических противоречиях, которые явились результатом безудержной колониальной эксплуатации царизмом Туркестана и Казахстана.

Восстание трудящихся Средней Азии произошло на третий год мировой империалистической войны, когда внутри царской России уже назревала революция. В народных массах “инородцев” в связи с обстановкой мировой войны зарождалась надежда сбросить гнет царской колониальной власти. Увод из Туркестана и Казахстана большей части царских войск на театр военных действий облегчал такую возможность.

...Невыносимый гнет царской администрации, притеснения в результате колонизации, гнет ростовщического капитала и своей имущей верхушки создали глубокое недовольство широких масс киргизского населения, которое и послужило основанием к восстанию киргизских трудящихся в 1916 г.» [9, с. 3–4, 8].

Эволюцию позиции Т.Р. Рыскулова можно объяснить тем, что процитированная выше работа была издана в 1937 г., когда СССР переживал усиление роли союзного центра и одновременно пик политических репрессий (в том же году Т.Р. Рыскулов был арестован).

Приведенные выше высказывания национальных лидеров о характере и значении восстания свидетельствуют о том, что в течение 1920-х – первой половине 1930-х гг. в советской историографии по политическим причинам существовала тенденция к одностороннему, несбалансированному описанию восстания. Причем в течение 1920-х гг. еще существовало разнообразие мнений, оценок и дискуссий, а в 1930-х гг. из-за укрепления сталинского режима и нарастания репрессий ничего подобного уже не было.

Односторонний подход к теме восстания объяснялся стремлением очернить царский режим через демонстрацию его непродуманной и ошибочной политики в Средней Азии; желанием показать наличие в Средней Азии самостоятельного народного революционного движения социально-политической направленности, которое можно было бы считать прологом к революциям 1917 г. (особенно к Октябрьской революции) и не было бы связано с ролью родоплеменной элиты и мусульманским духовенством; был частью национальной политики для построения сбалансированных отношений между разными национальностями в регионе и подчеркивания больших успехов в этом деле Советской власти.

По понятным причинам тема национально-освободительного восстания 1916 г. до сих пор продолжает привлекать серьезное внимание общества и академического сообщества Казахстана и Кыргызстана. Это проявляется и в принятии официальных документов (в Кыргызстане в преддверии приближения 100-летия восстания 1916 г. был подписан Указ

Президента по этому вопросу) [10], в дискуссиях в информационном и научном пространстве [11, с. 107–109; 12, с. 196–202; 13, с. 200–206; 14; 15].

Литература

1. *Жакыпбеков Ж.Ж.* Проблемы советской историографии восстания 1916 года в 20–30 гг. XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ia-centr.ru/expert/12681>.
2. *Рыскулов Т.Р.* По поводу выступления тов. Меницкого / Т.Р. Рыскулов // Коммунистическая мысль. Кн. 2. Ташкент, 1926.
3. *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину / авт. вступ. ст. Дж. Джунушалиев, И. Е. Семенов. Фрунзе, 1991.
4. *Исакеев Б.* 20-летие восстания в Киргизии / Б. Исакеев // Революция и национальности. 1936. № 9.
5. *Чеканинский И.* Восстание киргиз-казаков и каракиргиз в Джетисуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года / И. Чеканинский. Кызыл-Орда, 1926.
6. *Рыскулов Т.Р.* Киргизстан / Т.Р. Рыскулов // Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Алматы, 2007.
7. *Исакеев Б.* Киргизское восстание 1916 года / Б. Исакеев. Фрунзе, 1932.
8. Восстание 1916 года в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.art-initiatives.org/?p=17284>
9. Восстание 1916 года в Киргизстане: сборник документов / сост. Л.В. Лесная; под ред. и с предисл. Т.Р. Рыскулова. М., 1937.
10. Указ Президента КР А. Атамбаева «О 100-летию трагических событий 1916 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.president.kg/ru/podpisannye_dokumenty/5931
11. *Батырбаева Ш.Д.* Демографические потери кыргызов во время восстания 1916 г.: мифы и реальность / Ш.Д. Батырбаева // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского: материалы Международной науч.-практ. конф. Бишкек, 2014.
12. *Малабаев С.К.* Характер и специфика восстания 1916 г. в Пишпекском и Пржевальском уездах / С.К. Малабаев // Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении природы, общества и человека», посвященная 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С.М. Абрамзона. Бишкек, 2015.
13. *Какеев А.Ч.* Восстание 1916 года: к проблеме историографии и источниковедения / А.Ч. Какеев // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 5.
14. *Мамаишулы А.* События 1916 года – общая трагедия казахов и кыргызов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/content/sobytia-1916-goda-kyrgyzy-kazakhi/27042542>
15. *Михайлов Г., Алиева К.* Восстание 1916 года. Впервые внятно о числе погибших [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stanradar.com/news/full/16733>

МИРОВОЙ ПОЖАР

Русский плакат периода Первой мировой войны

Кайзер Германии Вильгельм II на смотре германских войск

Немецкие пехотинцы ведут бой с русскими войсками на реке Висла. 1916 г.

Призыв резервистов в Санкт-Петербурге. 1914 г.

Женщины занимаются рытьем окопов

Дети-беженцы в очереди за хлебом и сахаром у врачебно-питательного пункта.
Бобруйск. Сентябрь 1915 г.

Атака 1-го батальона 14-го гренадерского Грузинского полка
во время шрапнельного огня. 1915 г.

Великий Князь Михаил – командир Кавказской конной
Туземной (Дикой) дивизии

Армяне в Первой мировой войне

Русские войска перед отправкой на фронт. Предположительно 1915 г.

Позиции русской армии под Сарыкамышем. 1914 г.

В окопах Первой мировой. Сенегалец. 1916 г.

Турецкая армия на марше

Солдата американской армии приветствуют во Франции

Русские солдаты в окопах на Западном фронте
готовятся к химической атаке

Взятие русскими войсками Эрзерума. 1916 г.

В окопах Первой мировой войны. Позиции 266-го пехотного Пореченского полка 67-й пехотной дивизии 35-го армейского корпуса 2-й армии Западного фронта. 1916 г.

В окопах Первой мировой

Это война...

Это война...

Эвакуация раненых

Похоронная команда собирает убитых

Отпевание погибших в боях

Австрийские солдаты совершают наказание русских военнопленных

Русские солдаты в немецком плену

Австрийские военнопленные под конвоем
на Невском проспекте Санкт-Петербурга

Немецкие и австрийские военнопленные в России

На Кавказском фронте. Позиции пулеметчиков 5-й роты 489-го пехотного
Рыбинского полка Хазар-Наби-Тапа в Турции

На Кавказском фронте

Брусиловский прорыв. 1916 г.

Корабль с российскими солдатами прибывает в Марсель. Франция

Русскую армию приветствует Париж

Бойцы российского женского батальона

Сестра милосердия – кавалер Георгиевской медали
«За храбрость» четырех степеней

Сулейман Кучуков – уроженец Ошского уезда, штабс-капитан Русской армии,
ордена Святого Георгия

СЫДЫКОВ: ГЕРОИЧЕСКАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПЕРЕВОДЧИКА ПЕРИОДА ВОССТАНИЯ 1916 г.

В.М. Плоских

Памятник ему установлен среди первых отцов-основателей кыргызской национальной государственности в центре Бишкека, но еще мало кто знает его историю, засекреченного и заклеянного как врага народа в годы сталинских репрессий. До сих пор далеко еще не все документы о нем рассекречены и хранятся «за семью печатями» в закрытых архивах спецведомств. Речь идет об Абдыкериме Сыдыкове (1889–1938 гг.)

Абдыкерим Сыдыков (Сыдыков Абдул-Керим) родился в 1889 г. в семье потомственных манапов рода солто в местности Башкара-Су Чуйской долины. Его предками являлись такие видные деятели кыргызского народа, как Тулеберди-батыр, Канат-батыр, Узбек Бошкоев (дед). Отец – Узбеков Сыдык в прошлом был волостным управителем, а затем в 1912–1915 гг. – бием (судьей) в Пригородной волости вблизи Пишпека. После революции занимался частным скотоводством и хлебопашеством. В 1930 г. «за невыполнение твердого задания полностью» по уплате налогов был приговорен на год исправительно-трудовых лагерей, после отбытия которых жил с Абдыкеримом Сыдыковым во Фрунзе. Дед – Узбек Бошкоев (1826–1912 гг.) – известный в Чуйской долине манап, сторонник России. В бытность управителем Толкановской волости в 1872 г. получил от туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана за «отлично усердную и полезную службу» золотую медаль на анненской ленте. В 1901 г. «во внимание особых услуг» награждается большой серебряной медалью [1 с. 6]. Успешно занимался животноводством и торговыми операциями, благотворительной деятельностью. Последняя награда молдо Узбека Бошкоева – медаль Красного креста «в память участия в деятельности общества во время русско-японской войны 1904–1905 гг.». Умер Бошкоев 15 мая 1912 г., похоронен в Алаарчинском ущелье, где возведен доставленный из Ташкента гумбез из чугунных арматур. В надгробной надписи выведена вся генеалогия: Узбек ибн Бошкой, ибн Канай ибн Тулеберди ибн Жамансарт ибн Кошой ибн Талкан ибн Чаа ибн Солто.

В раннем возрасте Абдыкерим Сыдыков был отдан учиться в мусульманский мектеб, где усвоил азы арабского языка и познакомился с Кораном. В 1904 г. поступил в Верненскую мужскую гимназию – учебное заведение привилегированного типа. В 1911 г. А. Сыдыков успешно заканчивает гимназию и поступает на ветеринарный факультет Казанского университета. Абдыкерим вскоре заболел и вынужден был возвратиться в Пишпек, где одно время занимался пчеловодством, затем поступил на государственную службу. 16 ноября 1912 г. в прошении на имя государя императора он обращается к Пишпекскому уездному начальнику: «Имею желание поступить в военную Вашего Величества службу по военно-народному управлению. Прошу определить на службу словесного переводчика Пишпекского уездного управления» [1, с. 7]. После проверки на благонадежность и взятия подписки «о непринад-

лежности к тайным обществам» в прошлом и что не будет принадлежать к ним и впредь А. Сыдыков зачисляется переводчиком. В управе А. Сыдыков дослужился до гражданского чина коллежского регистратора, что соответствовало воинскому званию подпоручика 2, с. 14]. Вскоре он награждается медалью в связи с 300-летием дома Романовых, затем малой серебряной медалью «За труды, понесенные обстоятельствами войны». С начала восстания в сентябре 1916 г. «за толковую передачу приказаний подполковника Рымшевича во время боя при отражении атаки мятежников» А. Сыдыков был представлен к ордену святого Станислава III степени с мечом и бантом [1, с. 7]. Этот факт будет вызывать неоднократные обращения к биографии А. Сыдыкова в будущем, особенно при неоднократных исключениях его из партии, но участие Сыдыкова в репрессиях кыргызского населения так подтверждено и не будет, несмотря на все старания советских, партийных и карательных органов.

Говоря о роли переводчиков, отметим, что не будь их посредничества в конфликте 1916 г. количество жертв было бы гораздо больше. Как считает З.К. Курманов: «в это время А. Сыдыков спас от гибели многих кыргызов, тайно оповещая восставших о готовящихся карательных операциях. Неслучайно кыргызы Пишпекского уезда в 1917 г. выдвинули его кандидатом в депутаты Учредительного собрания... Служба в царской администрации открывала перед А. Сыдыковым более широкие возможности для политического роста и карьеры. Еще одна причина поступления на русскую службу – это сложившаяся семейная традиция, заложенная еще Байтиком Канаевым. Этой традиции Абдыкерим не изменил даже в 1916 г. Формально он оставался на стороне царской администрации, но делал все от него зависящее для спасения своего народа» [2, с. 16].

После победы февральской революции А. Сыдыков становится заместителем (помощником) пишпекского уездного военного комиссара Временного правительства. Он занимает также должности председателя торгово-хозяйственной и промышленной секции, заведующего подотделом по оказанию бесплатной юридической помощи бедноте в национальном отделе.

Летом 1917 г. А. Сыдыков создает в Пишпекке отделение казахско-кыргызской партии «Алаш», в котором активное участие принимали его единомышленники и друзья И. Арабаев, К. Тыныстанов, Н. Тулин и др.

Через год, с началом «красного террора» после покушения на Ленина, пишпекское отделение «Алаш» было распущено, А. Сыдыков вступает в партию левых эсеров, затем в партию большевиков.

«Вступление мое в ряды коммунистической партии 29 октября 1918 г. при слиянии последней и партии с.-р. левых, – напишет позже А. Сыдыков, – окончательно оформило мое политическое кредо» [1, с. 8]. До 1919 г. А. Сыдыков работал в Пишпекке.

В 1919 г. он был уполномоченным военно-политической комиссии по ликвидации Семиреченского Северного фронта, являлся членом тройки по ликвидации Верненского мятежа, а в 1920 г. – членом экспедиционной тройки по ликвидации Нарынского мятежа.

В конце 1919 г. А. Сыдыков утверждается заместителем председателя мусульманского бюро Джеты-Суйского обкома коммунистической партии Туркестана. После слияния Мусбюро с обкомом партии с марта по август 1920 г. был членом Исполбюро обкома партии, а затем переводится в аппарат облисполкома – работает заместителем председателя, а затем председателем Семиреченского облисполкома.

В 1920–1921 гг. А. Сыдыков, будучи членом облмусбюро, исполбюро Семиреченского обкома (Джеты-Суйского), облвоенревкома, облревкома, членом коллегии Наркомзема Туркестанской Республики, уполномоченным ЦК союза «Кошчи» Туркеспублики, был на-

делен высокими полномочиями и выполнял различные партийные и государственные поручения. В эти годы он избирался депутатом Всеобщего съезда Кыргызского края (Оренбург), делегатом первой областной конференции мусульман-коммунистов и других форумов, а на X съезде Советов Туркестана – членом ЦИК Советов Туркесреспублики.

В 1920 г. впервые официально был поднят вопрос о его партийности. При обсуждении кандидатур в президиум IX съезда Советов Туркестанской АССР была высказана мысль о том, что он недостойн быть в составе коммунистической фракции, как бывший бай и полицейский. Комфракция съезда рассмотрела его заявление, учла ходатайства делегатов от северных уездов Киргизии и постановила: «...принять к сведению и т. Сыдыкова признать членом Коммунистической партии».

К 1922 г. А. Сыдыков выступает инициатором создания Кыргызской Горной области, его поддерживают такие деятели, как Айдарбеков, Абдрахманов, Арабаев и др. Создание первого очага кыргызской государственности, каковым мыслилась самостоятельная Горная область (с вхождением ее в РСФСР), в полной мере отвечало вековым чаяниям, жизненным интересам кыргызского народа. Сыдыков утверждается председателем оргкомиссии по созыву Учредительного съезда Горной области. Однако по телеграмме И. Сталина, Учредительный съезд был распущен (из-за опасности возникновения буржуазно-национального образования), решение вопроса о самостоятельной Кыргызской области отложено, А. Сыдыков отозван в распоряжение ЦИК Туркестанской АССР. В марте 1922 г. он был избран делегатом от Семиреченской областной парторганизации как председатель облисполкома на краевую партконференцию. В Ташкенте он узнал, что комиссией по чистке исключен из партии как бывший полицейский чиновник (помощник уездного начальника). Комиссия по чистке, исключив А. Сыдыкова из партии, разрешила ему остаться на советской работе.

11 августа 1922 г. ЦКК РКП(б), заслушав личное объяснение А. Сыдыкова, восстанавливает его в партии и отзывает из Семиречья. Он переводится в г. Ташкент, работает начальником управления коневодства, членом коллегии Наркомзема, далее управляющим торгового отдела Госторга Туркестанской Республики.

В мае 1924 г. партколлегия ЦКК опять исключает Сыдыкова из партии. Мотивы исключения: сын манапа, служил переводчиком-письмоводителем, принимал участие в карательной операции против участников восстания 1916 г., стал помощником уездного начальника, был заместителем уездного комиссара Временного правительства, членом лево-эсеровской партии. Но 25 июня в соответствии с постановлением Президиума ЦИК КПТ от 12 июня ЦКК КПТ отменяет свое решение, а дело Сыдыкова направляется на доследование.

16 сентября 1924 г. Партколлегия ЦКК КПТ, опираясь на заключение дополнительного исследования, а также на решения Исполбюро Пишпекского Угоркома КПТ от 20 августа и Президиума Джеты-Суйского обл. КК КПТ от 2 сентября, исключает Сыдыкова из партии.

Рассмотрев апелляцию Сыдыкова, ЦКК РКП(б) своим решением от 11 декабря 1924 г. восстановил его в рядах партии «ввиду продолжительной и безупречной работы на ответственной советской и хозработе» [1, с. 10].

После национально-государственного размежевания Средней Азии и образования Кара-Киргизской автономной области в ноябре 1924 г. Сыдыков командирован в Москву для разрешения ряда важных для молодой области вопросов. После окончания служебной командировки работает на должности заведующего отделом местного хозяйства облревкома (облисполкома). Затем он назначается полномочным представителем Кара-Киргизской автономной области в Ташкенте.

В период формирования партийно-советского аппарата только что созданной автономной области Сыдыков активно участвует в групповой борьбе и выступает против усиления диктата партаппарата. Поэтому вопрос о партийности Сыдыкова поднимался (в виде вопросов к докладчикам) и на первой Кыргызской областной партийной конференции, которая состоялась в марте 1925 г. На конференции Сыдыков участвовал в качестве делегата с совещательным голосом.

Отвечая на вопрос конкретно о партийности Сыдыкова, представитель ЦКК РКП(б) по Средней Азии Манжара подчеркнул, что «по отношению к Сыдыкову в партии должна быть прекращена какая-либо травля... Такие товарищи, как Сыдыков, искренне отдаются работе в пользу Советской власти и рабочих, и дехкан, и такие товарищи могут быть в партии» [1, с. 10].

Первое организованное противостояние официальному курсу большевистской партии, идейной оппозиционной программой в Кыргызстане стало письмо так называемой «тридцатки».

В 1925 г. в заявлении «тридцатки» на имя ЦК РКП(б), национального Совета, Средазбюро ЦК РКП(б) и Киробкома партии так было сформулировано экономическое и политическое кредо инициаторов иного курса государственного переустройства: «Национальное размежевание Средней Азии и создание Автономной Киргизской области должно было внести единство среди кыргызского народа, постепенно ликвидировать родовую вражду и все те группировки, которые создавались как следствие долгих лет колониционной политики, проводимой царским правительством на далекой окраине» [1, с. 19]. Но этого, говорилось далее в документе, не произошло: «Партаппарат строился по групповому принципу близости и личной связи того или иного работника с руководящей верхушкой Обкома, еще больше разгоралась внутривластная групповая борьба и родовая борьба в массах, выявилась линия игнорирования целого ряда коренных работников, знающих прекрасно местные условия работы и могущих быть полезными партии и советской власти в проведении правильной линии на местах, особенно земельной политики» [1, с. 19].

Авторы заявления предлагали свое решение: «Мы всецело поддерживаем полное равенство коренного и европейского населения при проведении планового землеустройства, имея в виду устроить в первую очередь в порядке землеустройства безземельные группы населения» [1, с. 19].

Лидером и идейным вдохновителем «тридцатки», автором – или соавтором заявления-манифеста был А. Сыдыков. Его подписал и домолла И. Арабаев, а также председатель Кыргызского облисполкома Орозбеков, его друзья Айдарбеков, Чукин и многие другие.

В том же 1925 г. лидеры «тридцатки» были исключены из партии, освобождены от руководящей работы. А. Сыдыков был выпровожен из республики в Ташкент на рядовую работу. Однако идеи, заложенные в основу заявления «тридцатки», не умерли. Насильственные методы перевода индивидуального сельского хозяйства в коллективное, экспроприация и высылка под видом бай-манапов и кулаков наряду с зажиточными хозяйствами также и середняцких, да и просто неугодных местным партийным лидерам лиц, ужесточение общей карательной политики и безалаберности в хозяйствовании привели к разрухе и голоду. Отзвуки всеобщего мора с Украины, Поволжья и Казахстана докатились и до Кыргызстана. Присылка партийных лидеров в ключевые парторганизации, двадцатипяти тысячников в руководители хозяйств на селе усиливали, с одной стороны, шовинистические амбиции русскоязычного населения и, с другой, как противодействие им, – националистические течения коренных народов. На этой почве вызрели оппозиционные официальному курсу пар-

тии большевиков идеи – построить социализм в одной стране, минуя феодальную стадию развития. Рождались идеи симбиоза пантюркизма и социализма, идеи наивного или интуитивного нащупывания пути к созданию социалистической туранской организации.

Ровно через три месяца после облпартконференции (25 июня 1925 г.) комиссия, возглавляемая самим же Манжара, проверяя заявление «тридцатки», одним из инициаторов которого был Сыдыков, пришла к выводу о правомерности исключения его из партии.

Это был последний эпизод в партийной карьере А. Сыдыкова.

В Постановлении Исполкомиссии Средазбюро ЦК КП(б) от 29–30 июня 1925 г. было закреплено это решение:

«а) Сыдыкова, как трижды исключавшегося из партии и не прекратившего участия в группировках и выступлениях против партийного комитета, вносящего разложение как внутри парторганизации, так и в советские органы, признать заслуживающим исключения комиссией по проверке – вопрос о его партположении считать исчерпанным и одновременно признать его пребывание в Кыргызской автономной области невозможным; б) Арабаева, бывшего муллу, активного организатора группировки, не знающего и не желающего знать политику и тактику партии, исключить, считая возможным использование его на советской работе...» [1, с. 11].

Так бесславно закончилась партийная карьера А. Сыдыкова и его старшего друга И. Арабаева. Наступил этап оформления новой нелегальной организации оппозиционеров – Социал-Туранской партии (СТП).

Четверть века спустя их коллега А. Керимбеков вспоминал: «Весной 1932 г. в доме Тулина Найзабека, где жили Шабданов Аджиман и Сопиев, было собрание по вопросу обсуждения и принятия программы Социал-Туранской партии. На этом собрании был я, Шабданов Аджиман, Сопиев, Курманов Султан, Хашибеков Хайратдин. Программа была написана на русском языке рукописью Шабданова, Сопиева и Курманова, я ее читал. В программе говорилось о задачах «Социал-Туранской партии» [1, с. 12]. Программа была одобрена всеми присутствующими лицами».

Правда, А. Сыдыков и И. Арабаев на совещании не присутствовали, как объяснил А. Керимбеков, «из-за конспиративных целей». Председателем организации заочно был избран А. Сыдыков (партийный псевдоним «Манас»). А. Керимбеков разъяснил и суть названия партии, как оно понималось организаторами: «Туранская, потому что в перспективе все племена Туранской низменности войдут в состав нового государства. Социал – создание социалистического государства, но не такое, как советское» [1, с. 12].

Вскоре единственные экземпляры рукописей Программы и Воззвания исчезли. Оригиналы документов не фигурировали и в следственном деле, а позже копии были воспроизведены авторами Программы по памяти в ходе допросов. Сообщники, однако, догадывались, что их подозревают. Один из ответственных работников Южной Киргизии, коммунист Хасанбек Алымбеков предупреждал С. Курманова – одного из авторов Программы СТП, что «ГПУ известно о наличии их контрреволюционной организации». Об этом же позже на допросе поведал А. Шабданов: «Со слов Сопиева, ему об осведомленности ГПУ о наличии нашей к.-р. группы сказал некий Хасанбек Алымбеков» [1, с. 12]. А раз знали, значит, по всей видимости, предприняли и определенные меры предосторожности. Этим и объясняется отсутствие в следственном деле конкретных вещественных или документальных доказательств их «виновности». Но избежать ареста они не могли, да и не чувствовали за собой уголовной или государственной вины, ибо их помыслы были направлены не на изменение общественного строя, а на поиски более совершенного пути строительства социализ-

ма с учетом среднеазиатской специфики. Да и название будущей партии они мыслили как Социалистическая Туранская партия.

А. Сыдыкова арестовали не первым, хотя он числился в лидерах оппозиции. Арестовали 9 мая 1933 г., согласно постановлению оперуполномоченного Особого Отдела Среднеазиатского военного округа Левшина, которое утвердил заместитель начальника ГПУ Кыргызской АССР Четвертаков.

Не занимавший вот уже почти десять лет больших официальных должностей А. Сыдыков скромно трудился в Госплане в Ташкенте, откуда в 1932 г. был приглашен во Фрунзе своим учеником Ю. Абдрахмановым – председателем Совнаркома Кыргызской АССР. Ю. Абдрахманов и Б. Исакеев рекомендовали беспартийного А. Сыдыкова в качестве грамотного экономиста первому секретарю Киробкома А.О. Шахраю и тот дал согласие перевести его на должность заведующего сельхозотделом и зам. председателя Госплана Киргизской Автономной республики. А. Сыдыков оказался во Фрунзе, в роковое время, где через год был арестован.

Первый допрос А. Сыдыкова состоялся в день ареста, 9 мая 1933 г. Он сразу же заявил: «Признаю себя виновным в контрреволюционной деятельности». И собственноручно сформулировал пять пунктов этой «деятельности», выразившейся в следующем (хотя трудно отрешиться от мысли, что не сфабрикованы ли они самим следователем – настолько пункты одиозны и нереалистичны):

«...5. В основном я могу сказать, что в Киргизии есть контрреволюционная организация, к числу которой и я принадлежу, и очень многие. Подробности я могу в последующем показании и задании вопросов указать» [1, с. 25].

Поскольку вопрос о программе СТП являлся ключевым, приведем полностью показания А. Сыдыкова по этому поводу:

«...Программа организации сводилась к следующему, оговариваюсь, что даю ее в общих чертах, оставляя за собой право последующего дополнения.

1. Построение социализма в одной стране невозможно, социализм может быть построен успешно только во всемирном масштабе при овладении высокой техникой. Отсюда логически следует, что попытки построения социализма в СССР неизбежно повлекут обнищание населения, особенно в бывших колониях царской России, как культурно отсталых, не владеющих техникой.

2. Крупные мероприятия политического и экономического характера, проводимые соввластью по отношению к бай-манапству Киргизии, влекут за собой хозяйственную разруху в стране.

3. Выдвижение на государственные должности дехкан, рабочих, технически малограмотных и теоретически не подготовленных к управлению государством, влечет за собой развал и хаос в управлении.

На сегодняшний день, не имея достаточных кадров, необходимо отказаться от принципа выдвижения.

4. Ленинская политика в национальном вопросе является по существу правильной и приемлемой, но фактически проводимая коммунистической партией в Киргизии искажается – примеры приведу позже и вообще прошу вопрос о программе организации отложить до следующего допроса» [1, с. 26].

Несомненно, здесь Сыдыков высказывал свои сокровенные мысли. Следователь Левшин добивался конкретного изложения программы, которая, как видим, не была оформлена и позже, в более или менее сформулированной форме выкристаллизовалась в застенках ОГПУ.

В 1934 г. было вынесено обвинительное заключение по делу № 5630 «О националистической к-р. организации в Киргизии «Социал-Туранская партия (СТП)». А. Сыдыков обвинялся в следующем:

«1. С конца 1931 г. по день ареста 9.V.1933 г. руководил действиями членов националистической контр.-революционной организации, именуемой «Социалистическая Туранская партия», которая своей конечной целью ставила выделение из Советского Союза Узбекской, Туркменской, Казахской, Киргизской и Каракалпакской республик и образование из них федеративного буржуазно-демократического государства. На первом этапе своей деятельности организация ставила задачу отторжения от Советского Союза Киргизской ССР посредством вооруженного восстания внутри Киргизии при помощи банд главарей, оперирующих в Синь-Цзянской провинции Зап. Китая и Английского консульства в Кашгаре.

2. Лично Сыдыковым были привлечены к работе к-р. организации аксакалы рода «саяк» Чиныев Кукумбай, из рода «чирик» Маакеев Чоршек, которые по указаниям Сыдыкова в Сталинском и Нарынском р-нах Кир. АССР организовали к-р. группы до 250 человек, подготовленных к вооруженному выступлению 1933 г. и проводивших активную агитацию и срыв ряда с-х политкампаний, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-II 4 УК РСФСР.

В предъявленных ему обвинениях по п. I сознался полностью, по п. II – виновным себя не признал» [1, с. 50].

Дело пошло в суд. 28 февраля 1934 г., на заседании коллегии ОГПУ А. Шабданова приговорили к расстрелу, который в тот же день и состоялся. Подсудимых Абдыкерима Сыдыкова, Джанем Солтоноева, Султана Курманова, Турды Акуна Сопиева, Мокке Комбарова, Мустафу Ахметова, Насреддина Кашимбекова приговорили к расстрелу с заменой заключением в исправтрудлагерь сроком на 10 лет.

1937 г. сопровождался новым шквалом жестоких репрессий. Политические лидеры Кыргызстана, арестованные как враги «народа», повлекли за собой обвинения, сплетенные из разноцветных нитей несуществовавших преступлений, не последнее место среди которых занимала уже явно мифическая организация, от фундамента до конька крыши созданная сотрудниками НКВД. Чекисты решили реанимировать СТП, арестовав в качестве руководителей новые лица – Ю. Абдрахманова, К. Тыныстанову и Б. Исакиеву и вывели нити связей в Москву – к Т. Рыскулову, в Ташкент и Алма-Ату. Вернулись и к делу А. Сыдыкова, которому предстояло пройти еще раз круг адовых испытаний. На последнем допросе 10 февраля 1938 г. сломленный допросами Сыдыков показал: «Я признаю себя виновным в том, что мною организована в 1931 году группа киргизских националистов, выходцев из бай-манапской среды. Эта группа ставила перед собой цель: организацию эмиграции в Синьцзян. В 1933 г. эта группа была разоблачена и репрессирована органами ГПУ, в частности, тройкой ОГПУ... В Средней Азии был приговорен к расстрелу, с последующей заменой 10 г.ми концлагерей... Никогда ни в какой к.-р. националистической организации я не состоял, не считая организованной мной группы в 1931 г. и мое участие в так называемой тридцатке... Создание группировки диктовалось необходимостью в осуществлении директив Турк. ЦИКа... Я категорически отрицаю, что в то время мною была создана националистическая к.-р. организация и что эта организация ставила перед собой дело реставрации капитализма в Киргизии... Я признаюсь в том, что был организатором и идейным вдохновителем этих тридцати человек, подписавших под явно антисоветским националистическим документом... Я заявляю еще раз, что в моей деятельности было много контрреволюционных националистических дел, но все исходило лично от меня, никакими связями или обязательствами перед к.-р. националистической организа-

цией это не объясняется, ибо я ни в какой националистической организации не состоял и тем более сам ее «не организовывал» [1, с. 52].

Затем последовало обвинительное заключение, датированное тем же роковым 10 февраля 1938 г. Вот выписка из решения тройки НКВД КиргССР: «А. Сыдыков обвинялся в том, что являлся одним из активных организаторов в Киргизии к.-р. Алашординской нац.орг-ции, впоследствии – СТП. По его заданию были созданы в ряде районов к.-р. повстанческие группы на вооруженное восстание против сов. власти. Организатор к.-р. тридцатки» [1, с. 53].

Постановили: расстрелять, имущество конфисковать.

В этот же день его отправили в камеру смертников, а 18 февраля 1938 г. А. Сыдыкова не стало. Так погиб лидер кыргызской политической интеллигенции 1920-х – 1930-х гг., возглавлявший оппозицию сталинскому курсу, переводчик периода восстания 1916 г., один из основателей кыргызской национальной государственности в составе РСФСР.

Литература:

1. *Плоских В.М.* Манас не признал себя виновным / В.М. Плоских. Бишкек, 1993.
2. *Курманов З.* Абдыкерим Сыдыков: Личность и история / З. Курманов, Э. Сыдыков. Бишкек, 2002.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И УРОКИ ВОССТАНИЯ 1916 г. В КЫРГЫЗСТАНЕ

А.У. Джакишев

В настоящее время в различных средствах массовой информации периодически идут дискуссии о причинах распада Советского Союза. Обращают на себя внимание попытки отдельных политиков и представителей экспертного сообщества подвергнуть сомнению основополагающие идеи В. Ленина по национальному вопросу. По их мнению, предоставление в 20-х гг. XX в. бывшим народам царской России различных форм национальной государственности было ошибочным и якобы сыграло роль «замедленной мины» под здание Советского Союза. А в качестве правильного «образца» государственного устройства СССР называлось губернское административное устройство царской России.

Выдвигая подобные версии, политики и эксперты не берут во внимание складывающуюся ситуацию на тот исторический период, характеризующуюся ухудшением положения народов окраин царской России вследствие колониального гнета, бесправия и безысходности «туземного» населения и, как результат, набирающие силу центробежные настроения. «Национальные аграрные вопросы, – писал накануне Октябрьской революции В. Ленин, – это – коренные вопросы дня мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время» [1]. Только советская власть, благодаря проведению ленинской национальной политики смогла удержать и вновь объединить, но уже на добровольных началах, нации и народности бывшей царской России в рамках нового советского государства.

К сожалению, после кончины В. Ленина его идея о «добровольном союзе свободных и равноправных народов», была подменена сталинским планом «автономизации» с директивным Центром и послушными республиками-сателлитами. Именно концентрация власти союзного Центра и бесправное положение национальных республик и иных национальных образований, забвение постулатов ленинской национальной политики и стало той самой «миной», которая привела к развалу СССР в 1991 г.

Верность ленинского подхода в решении национального вопроса была в полной мере подтверждена на примере исторической судьбы кыргызского народа, часть которого была вынуждена покинуть страну, опасаясь жестокости царских карателей в ходе восстания 1916 г. Так, после свержения самодержавия беженцы-кыргызы, узнав о революции в России, потянулись домой. В телеграмме, посланной ими 5 марта 1917 г. в Россию, сообщалось: «Получив известие о перемене правительства в дорогой нам родине, мы, брошенные волей судьбы в далекий Китай русские мусульмане, были безгранично обрадованы» [2, с. 65]. Однако и на родине беженцев ожидали те же невзгоды. Кулаки, захватившие их земли, не пускали их на места прежнего проживания, а тех, кто все же возвращался туда, встречали с оружием в руках. Царские законы, ущемляющие жизненные интересы народов Средней Азии, были оставлены в силе. 14 марта 1917 г. Временное правительство постановило: «Все акты верховного правления, состоявшиеся до 27 февраля считать законными».

Туркестанский комитет Временного правительства, заслушав 19 апреля 1917 г. доклад комиссара Тынышпаева о местах поселения возвращающихся кыргызов, постановил не допускать их в Пржевальский и Пишпекский уезды, а расселить в горных районах Нарына и в восточной части Джаркентского и Верненского уездов. Данные директивы Временного правительства и Туркестанского правительства на местах исполнялась неуклонно. Так, в Горном Нарынском участке, где находились вернувшиеся в 1917 г. из Китая беженцы-кыргызы, Нарынский Совет солдатских депутатов, представленный партией эсеров, отказал просьбе дехкан. В мае 1917 г. делегация от 70 тыс. возвратившихся на родину беженцев-кыргызов обратилась к находившимся в Нарыне депутатам Ташкентского Совета с просьбой о разрешении вернуться на свои земли в Пржевальский уезд, но и эта просьба была отклонена.

Совершенно иным было отношение к кыргызскому народу русских рабочих и трудового крестьянства. Депутаты Ташкентского и Краевого Советов, побывавшие в мае-июне 1917 г. в Северном Кыргызстане и посетившие села Пишпекского уезда, сообщали о дружественных взаимоотношениях между русской и кыргызской беднотой. В сведениях по Карабулаку отмечалось, что крестьяне «с киргизами живут мирно». О селе Быстрореченском, населенном русской беднотой, депутаты писали: «Отношения с киргизами хорошие». В пример приводили также крестьян села Юрьевского: «Отношения крестьян Юрьевского селения с киргизами, особенно с букарой, весьма дружелюбны». Крестьяне этого села, несмотря на тяжелое положение, приняли в свое общество 200 юрт кыргызов. В другом источнике говорится, что, когда через село Покровку проходила партия беженцев-кыргызов, «русские и киргизские женщины, узнав друг друга, кинулись в объятия, плакали о погибших членах своих семей» [2, с. 66]. Таких примеров было немало. Все это свидетельствовало о том, что бедноте была чужда национальная рознь, которую разжигала русская и кыргызская богатая верхушка.

Только после установления Советской власти ситуация коренным образом стала меняться. Упразднялись старые и создавались новые земельные органы, как правило, с участием представителей коренного населения. Земельные секции и земельно-водные комитеты наделяли безземельных дехкан пахотными землями, покосами и пастбищами, решали вопросы водопользования, что способствовало сближению бедноты разных национальностей.

Например, в г. Пржевальске стала работать Земельная комиссия во главе с большевиком Н.С. Шокаревым, вставшая на защиту интересов кыргызской бедноты. Комиссия запретила распространенную в то время практику прежних местных властей сдавать в аренду земли кыргызов без их на то согласия. Данной Земельной комиссией только с апреля по июнь 1918 г. было отведено кыргызам (в основном вернувшимся из Китая) более 82 тыс. дес. земли. Вместе с тем, предпринимаемые советской властью меры по восстановлению нарушенных прав кыргызского населения встречали упорное сопротивление. Так, в марте 1918 г. произошло столкновение между Пишпекским Советом и казаками станицы Кегетинской. Казаки, расположившись на землях кыргызов Шамсинской волости, нещадно грабили последних. В начале 1918 г. они угнали у шамсинцев стадо овец. После поступившей от кыргызов жалобы Пишпекский Совет направил своих представителей к казакам. Но казаки отказались подчиниться, заявив, что Советской власти не признают. Тогда в станицу был направлен красногвардейский отряд с тем, чтобы разоружить казаков и вернуть кыргызам скот. Решение Совета было выполнено. Дабы не допустить впредь подобных инцидентов в том же месяце 1918 г. комиссаром по регулированию «русско-туземных» отношений был издан приказ о предании военно-революционному трибуналу лиц, виновных в самовольном захвате земельных участков.

Несмотря на противодействие басмачей, в Андижанском, Скобелевском и Кокандском уездах Ферганской области было передано бедноте 15 тыс. дес. земли. Так, у кулаков Массинской волости Андижанского уезда было изъято 139, Наукатской – 189, Кугартской – 100 дес. поливных земель, поступивших в пользование кыргызам.

Обнищавшее в результате восстания 1916 г. кыргызское население получало материальную помощь и поддержку. Только в мае 1918 г. Туркестанская Республика получила более миллиона пудов пшеницы и полмиллиона пудов кукурузы. Летом 1918 г. по указанию В. Ленина из продовольственных фондов РСФСР для Туркестана было выделено 100 вагонов пшеницы и 15 вагонов ячменя. Оказывалась и денежная помощь. Центральная коллегия ТуркЦИКа по борьбе с голодом с начала ее деятельности до конца марта 1919 г. передала уездным комиссиям 42 млн руб. Эта помощь в первую очередь направлялась кыргызам, вернувшимся на родину из Китая. Так, Семиреченский облисполком выделил кыргызам Атекинской и Сарыбагышевской волостей, находившихся в наиболее тяжелых условиях, 25 тыс. руб. Кыргызам указанных волостей, а также волостей Тынаевской, Шамсинской, Джанышевской, Борыкчинской поставлялись бесплатно юрты. Атекинские и сарыбагышевские кыргызы расселялись в Николаевской волости, где для этого имелись благоприятные условия. Для борьбы с голодом широкое распространение получили питательные пункты и столовые. К марту 1918 г. в Семиреченской области было открыто 24 пункта питания. В г. Оше работало 12 бесплатных столовых, в которых получали питание 16 тыс. голодающих. Были приняты меры по организации детских приютов. 20 марта 1918 г. Пишпекский уездный Совдеп принял постановление, в котором ставилась задача: «Немедленно организовать для киргизских и вообще мусульманских детей приюты, чтобы спасти от гибели нацию» [2, с. 179]. По решению Пржевальского исполкома от 26 августа 1918 г. в центре уезда был открыт мусульманский детский приют на 100 детей. В целях организации сиротского приюта для кыргызских детей Совет народных депутатов Пишпекского уезда взыскал средства на его содержание с баев и манапов. При этом было оговорено, что в случае детской смертности от голода имущество баев и манапов будет конфисковано, а сами они будут выселены. Такие меры принимались и в отношении русского кулачества. Созданные детские дома и приюты спасли многих кыргызских детей-сирот от неминуемой смерти.

В последующие годы, советское государство не оставило без внимания кыргызских детей, пострадавших в годы восстания. Практически все они были охвачены системой ликбеза, наиболее способные из них стали известными людьми в республике: писатели Т. Сыдыкбеков и Джусуп Турусбеков, поэты А. Токтомушев и А. Токомбаев, филологи К. Тыныстанов и К. Карасаев, президент Академии наук республики ученый-хирург И. Ахунбаев, композиторы К. Молдобасанов и А. Малдыбаев и многие другие, составив первое поколение национальной интеллигенции [3].

Крайне тяжелым было положение беженцев-кыргызов в Китае. Один из советских уполномоченных, направленных в Китай для ознакомления с их положением и оказания содействия возвращения на родину, писал: «Положение проданных в рабство киргизов невыносимо, обращение с ними жестокое. Все взоры... обращены на Советскую Россию, которая освободила от царского гнета». И действительно, Советская власть сразу же приняла срочные меры по их возвращению и устройству. 20 мая 1918 г. Семиреченский облисполком вынес решение – оказать помощь беженцам, возвратит их на места жительства, голодающих беженцев обеспечить продовольствием. Однако многие беженцы, попав в кабалу к китайским феодалам и ростовщикам, могли вернуться на родину лишь после уплаты долговых обязательств. Свирепствовали голод и болезни. И все же многим из них удалось вернуться.

С целью содействия возвращению и устройству беженцев были созданы специальные комиссии (укомбежи). Они направляли своих представителей в Китай для ведения переговоров с китайскими властями, организовывали пункты приема беженцев, помогали им в хозяйственном устройстве, снабжали продовольствием. В помощь им комиссии проводили сбор одежды, обуви, кошм, скота, продуктов питания.

Так, например, 14 марта 1918 г. по поручению Семиреченского Совнаркома большевик Токаш Бокин провел собрание населения кыргызских волостей Токмакского уезда, на котором было принято решение реквизировать скот у баев и манапов и организовать сдачу скота населением в пользу голодающих с условием, что дехканами скот будет впоследствии возвращен за счет изъятого у баев поголовья. Собрание также решило провести сбор хлеба и денег в помощь голодающим. Каждая волость обязывалась открыть питательные пункты и оказать содействие беженцам в их устройстве на прежних местах. На пути следования беженцев было открыто 24 питательных и медицинских пункта. Большое внимание уделялось обеспечению беженцев землей. Только кыргызам Кенсуйской, Аксуйской, Курментинской, Тюпской и Барскоонской волостей было возвращено 80 тыс. дес. земли. Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана в ноябре 1919 г. приняла решение о бесплатном обеспечении беженцев хлебом за счет изъятия его у кулаков.

С целью усиления помощи беженцам в организации их возвращения и устройства 2 февраля 1920 г. ЦИК Туркестанской АССР своим решением образовал Особую комиссию ТуркЦИКа по устройству беженцев Семиреченской области. Президиум ТуркЦИКа предложил Комиссариату земледелия, Центральному Совету народного хозяйства, Комиссариату продовольствия снабдить комиссию сельскохозяйственным инвентарем, продовольствием, одеждой для оказания помощи беженцам. Туркестанский ЦИК обязал все ревкомы и исполкомы, а также военные власти оказывать Особой комиссии самое широкое содействие и привлекать к суду лиц, сопротивляющихся выполнению стоящих перед ней задач. На комиссию были возложены следующие функции: через отдел внешних сношений вести переговоры с китайскими властями о свободном возвращении беженцев на Родину; выплачивать долговые обязательства беженцев, поскольку это служило препятствием к их возвращению; оказывать материальную помощь беженцам деньгами, продовольствием, сельскохозяйственным инвентарем, строительными материалами; устраивать беженцев на прежних местах жительства; возвращать беженцам отобранные у них земли, постройки, живой и мертвый инвентарь и т. д.

Кроме того, комиссия должна была производить закупку сельскохозяйственного инвентаря, предметов домашнего обихода, лошадей, мануфактуры; вести заготовку и распределение среди беженцев семян и стройматериалов. Особая комиссия обязывалась проводить разъяснительную работу (беседы, митинги, собрания и т. п.), направленную на сплочение трудящихся всех национальностей. Для оказания помощи беженцам государство выделило 100 млн рублей. Таким образом, был разработан широкий комплекс мероприятий по спасению беженцев, возвращению их в родные места и устройству. Эти решения должны были способствовать раскрепощению коренных народов и обеспечивать возможность свободного и равноправного развития.

3 февраля 1920 г. ЦИК Советов Туркестанской АССР издал приказ о ликвидации последствий колониальной политики царизма и возвращении беженцев-кыргызов на их прежние места жительства. В нем, в частности, сказано: «Считать первейшей обязанностью рабоче-крестьянского правительства принять все меры к устранению вредных для киргизского народа последствий хищнической колониальной политики царского правительства,

закключающейся в систематическом и беспощадном обезземеливании киргизского народа с целью передачи исконных киргизских земель его поработителям-эксплуататорам и достижения подобными варварскими средствами полного исчезновения киргизской национальности».

Большое значение в земельном устройстве беженцев имел декрет ЦИК Туркестанской АССР от 4 марта 1920 г. «О возвращении земель трудовым дехканам». В декрете указывалось, что «земли, конфискованные царским самодержавием как карательная мера за восстание в Самаркандской, Ферганской и других областях, подлежат немедленному возвращению прежним владельцам с оставлением переселенцам установленной трудовой нормы» [2, с. 243].

23 марта 1920 г. Особая комиссия ТуркЦИКа по устройству беженцев Семиреченской области издала приказ, в котором предписывалось всем гражданам, захватившим земли и постройки кыргызов и казахов в 1916 г., «освободить таковые места, и с живым инвентарем, который был оставлен беженцами, и посевами, если такие произведены, в месячный срок со дня объявления приказа передать его законным владельцам». Всем беженцам-кыргызам, казахам и дунганам – по истечении месячного срока предоставлялось право занять свои прежние жилища, земли, летовки и зимовки и потребовать возврата скота, ранее им принадлежавшего. Этим же приказом областному, уездным, волостным земельно-водным отделам предлагалось приступить у установлению точных границ землепользования между русскими крестьянами и дехканами, не допускать злоупотреблений в водопользовании, самовольного захвата арыков, сделанных кыргызами и находившиеся ранее в их пользовании. Возвратившихся беженцев надлежало в первую очередь снабжать инвентарем и семенами для посева. Наиболее важные спорные вопросы, касающиеся земли и водоснабжения между русским и коренным населением, должны были решаться в присутствии представителя Особой комиссии ТуркЦИКа и одинакового числа лиц от заинтересованных сторон. В большинстве случаев землеустройство беженцев осуществлялось на основе добровольного соглашения между русскими трудовыми крестьянами и беженцами, за исключением кулаков, которые, как правило, не хотели добровольно возвращать захваченные земли и имущество. Как отмечалось в докладной записке Особой комиссии ЦИК Туркестанской АССР от 25 апреля 1920 г., русское трудовое население «в этом отношении шло навстречу, возвращая немедленно беженцам скот и имущество...» [2, с. 244]. Таким образом, вопросы возвращения и устройства беженцев находились в центре внимания Компартии Туркестана и правительства Туркестанской Республики.

Партийные и советские организации проводили большую работу по привлечению общественности к оказанию помощи беженцам. По инициативе Семиреченского обкома КПТ и областного Военревкома в Семиречье проводилась Неделя сбора добровольных пожертвований в пользу беженцев, которая дала существенные результаты. В Токмаке, например, уйгуры, дунгане, татары оказали большую помощь беженцам-кыргызам хлебом и семенами.

По данным Каракольского уездного земотдела от 20 ноября 1920 г., в ходе проведения в жизнь декрета ТуркЦИКа от 4 марта 1920 г. все земли были возвращены беженцам-кыргызам весной 1920 г. В распоряжение 10267 кыргызских хозяйств поступило 123 879 дес. земли. Это был важный шаг по ликвидации остатков колониализма в землепользовании. В Каракольском уезде вернувшимся беженцам был отпущен лес для строительства жилых домов и выделено 9800 овец. Организовывались столярные, кузнечные и другие мастерские. В течение 1920 г. Каракольская уездная комиссия по устройству беженцев выдала возвратившимся кыргызам 700 тыс. руб., 4300 аршин мануфактуры, 1300 кусков маты,

8 тыс. пудов пшеницы. Несмотря на трудности, связанные с иностранной интервенцией и гражданской войной, нехваткой средств, ожесточенным сопротивлением кулацких элементов, не желающих расставаться с захваченными землями и имуществом, в 1918–1920 гг. была проделана огромная работа по возвращению и устройству беженцев. К июню 1921 г. на родину возвратилась значительная их часть.

В результате проведения взвешенной национальной политики укреплялось стремление русских и кыргызов жить в добрососедстве. Об этом свидетельствовали многочисленные прошения о совместном расселении в той или иной местности. Так, в наказе крестьян села Военно-Антоновка Пишпекского уезда делегату, направляемому на съезд Советов (октябрь 1918 г.), говорилось: «Мы, граждане с. Военно-Антоновского Пишпекского уезда, требуем расселения мусульман наравне с крестьянами хлеботорговцами, ... чтобы не было так, как проектировалось при старом режиме, так как одних селили на более удобные, водные места, других заселяли совсем на безводные поля, поэтому просим, чтобы всех граждан мусульман ... расселить на одну линию с русскими, чтобы могли все пользоваться равноправным распределением орошения полей».

Кыргызы, видя, что простые русские помогают им освободиться от нищеты и бесправия, стремились к сближению и сотрудничеству. Об этом, к примеру, свидетельствует решение дехкан аила Чалаказакского Пишпекского уезда от 4 февраля 1919 г.: «Присоединиться к обществу граждан селения Привокзально-Михайловского, потому что присоединиться – значит, объединиться, а в объединении – сила. И наконец, присоединение наше к русскому обществу ..., надеемся, принесет нам только пользу как в духовном, так и материальном положении» [2, с. 234].

1 июня 1921 г. в газете «Правда» сообщалось о фактах налаживания добрососедских отношений между кыргызской беднотой и русскими поселенцами. Так, 1 мая жители с. Сазановка Каракольского уезда пожертвовали для кыргызской бедноты 100 голов скота и 125 шт. птицы. На субботнике 2 мая жители с. Григорьевское запахали и засеяли для кыргызской бедноты 62 десятины хлебных злаков [4, с. 88].

Мероприятия по восстановлению нарушенных прав коренного населения Туркестана находились под постоянным контролем В. Ленина. Так, 13 июня 1920 г. в своих замечаниях на проект решения ЦК «О задачах РКП(б) в Туркестане» он отмечал, что основной задачей в Туркестане является «ликвидация отношений, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате пятидесяти с лишним летней империалистической политики российского самодержавия». В. Ленин был хорошо осведомлен об оказываемом противодействии политике большевиков со стороны представителей бывшей колониальной администрации, отдельных работников советских органов в Туркестане, «зараженных колониальной психологией», вследствие чего подобные действия представителей советской власти рассматриваются «порабощенным коренным населением как продолжение действий агентов старой царской власти и по существу являющимся таковыми». В этой связи В. Ленин со всей категоричностью требовал «выслать из Туркестана в российские концентрационные лагеря всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, тех из царских чиновников, использование коих в Туркестане политически неприемлемо, спекулянтов, бывших управляющих крупными российскими предприятиями, всех примазавшихся к партии, советским органам, Красной Армии».

22 июня Ленин вновь возвращается к тексту вышеуказанного проекта, внося дополнительные пункты: «Утвердив тезисы и проект, в общем и основном, исправить и тезисы, и проект в том духе, чтобы (1) уравнивать землевладение русских и приезжих с мест-

ными; (2) разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом» [5, с. 153].

В. Ленин в своем письме коммунистам Туркестана подчеркивал: «Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для РСФСР значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое» [2, с. 234]. В. Ленин просил коммунистов Туркестана обратить на этот вопрос особое внимание, чтобы на примере делом доказать, что Советская власть желает искоренить все следы великорусского империализма, утвердить братские отношения между народами.

Таким образом, проведенные Советской властью первые мероприятия по осуществлению ленинской национальной политики способствовали изжитию национального недоверия и вражды, нормализации национальных отношений, укреплению единства всех наций и народностей. Благодаря последовательному проведению ленинской национальной политики по восстановлению нарушенных прав и жизненных интересов кыргызского народа, возвращения ему утраченных посевных земель, пастбищ и скота, выделение денежных и материальных средств для восстановления хозяйства, организации бесплатного питания голодающим беженцам и оказание безвозмездной помощи русского переселенческого трудового крестьянства по восстановлению кыргызских хозяйств, способствовало налаживанию добрососедства и сотрудничества между кыргызским и русским народами.

Уроки восстания 1916 г., приведшего к гибели и слому судеб сотен тысяч людей, свидетельствуют о том, что безответственное отношение политиков к «национальному вопросу», игнорирование жизненных интересов всех этносов, живущих в одном государстве, приводит к плачевным последствиям.

К сожалению, и сегодня пагубные последствия забвения уроков истории, выразившиеся в ущемлении национально-культурных интересов различных этносов, со всей очевидностью проявились на Украине, где политика разделения граждан страны на «полноценных и неполноценных» привела к гражданской войне, в ходе которой, по данным ООН на 27 июля 2015 г., жертвами конфликта стали 6832 человека (включая гражданское население, украинских силовиков, повстанцев и 298 пассажиров рейса МН17), ранения получили 17 087 человек, а число беженцев превысило 2,3 млн человек [6].

Появились негативные симптомы и в Европейском союзе из-за несоблюдения баланса интересов ряда национальных государств-членов ЕС. Волонтаристские действия ведущих государств (Германия, Франция), а также еврокомиссаров, зачастую принимающих решения без соответствующего согласования и учета жизненных интересов «малых» членов ЕС, все чаще вызывает несогласие ряда стран с таким подходом в принятии общеевропейских решений. Продолжение подобной практики грозит Европейскому союзу наступить на те же «грабли», которые похоронили Советский Союз.

Литература

1. Ленин В. ПСС Т. 34. С. 299. Удержат ли большевики государственную власть?
2. История Кыргызской ССР: С древнейших времен до наших дней: в 5 т. / Ин-т истории АН КиргССР: Гл. ред. совет: С.И. Ильясов (пред.) и др. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. Т. III. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в Киргизии (1917–1937 гг.) / гл. ред. К.К. Каракеев. 1986. 652 с.
3. Самаганов Дж. Писатели Советского Кыргызстана. Био-библиографический справочник / Дж. Самаганов. Фрунзе: Кыргызстан, 1969. 644 с.

4. Сборник документов. Советский Кыргызстан в документах 1918–1967 гг. Фрунзе, 1983. С. 88.
5. Ленин В. ПСС Т. 41. Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в Туркестане от 22 июня 1920 г. С. 153.
6. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Вооружённый конфликт на востоке Украины](http://ru.wikipedia.org/wiki/Вооружённый_конфликт_на_востоке_Украины).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТЗВУКИ ВОССТАНИЯ 1916 года

А.Л. Салиев

По случаю 15-й годовщины восстания 1916 г. партийные органы Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) в 1932 г. выпустили «Обзор архивных материалов по восстанию 1916 года в Средней Азии». Безусловно, этот Обзор не мог включить в себя все имеющиеся публикации и документы того времени, которые касались трагических событий начала XX века. Наше внимание в этой публикации привлекло то, как партийные органы того времени дали оценку этим кровавым событиям. В предисловии упомянутого издания отмечена важность необходимости «изучения восстания 1916 года для понимания всего исторического процесса, который привел народы Средней Азии к строительству социализма». Как и положено в такого рода партийных документах, событиям 1916 г. придана четкая классовая окраска. В частности, в Обзоре пишется: «Это восстание было одним из могучих ударов, ослабивших мощь российского империализма и тем подготовивших его падение. Восстание 1916 года не увенчалось успехом, но оно подготовило победоносный Октябрь в Средней Азии и переход народов Средней Азии на путь социалистического развития, минуя мучительную стадию капитализма».

С учетом местных особенностей, главные причины событий 1916 г. назвал Ю. Абдрахманов: «Итоги колонизации Киргизии можно подвести в словах: деградация хозяйств, культурный застой, безудержная эксплуатация, доходящая до физического уничтожения трудящихся масс. И этих фактов было достаточно, чтобы поднять восстание». Такова оценка восстания 1916 г., данная партийными органами Советского Союза в первой половине прошлого века.

Говоря о причинах восстания 1916 г., можно согласиться с мнением депутата Государственной Думы А. Керенского, который в составе специальной комиссии занимался исследованием обстоятельств этих событий в Туркестане. В частности, А. Керенский в своем докладе перед депутатами Государственной Думы отмечает: «Причиной всего того, что произошло в Туркестане, является исключительно центральная власть, объявившая и проводящая в жизнь незаконный указ, незаконным порядком, с нарушением всех элементарных требований закона и права».

На практике каждый житель Туркестанского края на себе испытывал ухудшение своего материального положения, которое было результатом целенаправленной земельной политики Переселенческого управления. К этому следует добавить крайне негативную роль большинства местной администрации, которая отличалась не только самоуправством, но и нескончаемыми поборами своих соплеменников. О реальных настроениях, которые были среди местного туземного населения, в своем дневнике написал туркестанский генерал-губернатор А. Куропаткин по результатам своей поездки в октябре 1916 г. в Семиреченскую область, которая считалась наиболее крупным очагом восстания. По мнению генерал-губернатора, изъятие земель, в том числе значительных благоустроенных площадей у ко-

ренного населения «привело к неизбежности поземельных столкновений между казаками и киргизами, причем казаки, поощряемые властями, всячески стесняли киргиз в смысле пользования кочевьями, воспрещая пасти скот даже на совершенно ненужных участках».

С точки зрения изучения глобальных процессов развития человеческого общества, генерал-губернатором Туркестанского края А. Куропаткиным, депутатом Государственной Думы имперской России А. Керенским, партийными органами Советского Союза, оценка причин восстания населения Туркестана в 1916 г., представляется вполне достоверной и объективной.

Но у этих трагических событий осени 1916 г., затронувших судьбы не одной тысячи людей, есть и другая, субъективная сторона, которая, естественно, по определению не может быть единой, приведенной к общему знаменателю. Смерть каждого в те бурные дни хаоса и паники, для каждой семьи, потерявшей близкого, безусловно, тяжелая утрата и боль. Документы того времени подтверждают справедливость поговорки: «Кому война, а кому – мать родна». Ведь нашлись и среди местных, и русских переселенцев те, кто пытался разжиться чужим добром. Только возможность и право составления списка подлежащих мобилизации стала для многих волостных управителей источником дохода и средством устранения своих политических противников.

Таким образом, серьезная управленческая ошибка, которая привела к появлению «высочайшего повеления» от 25 июня 1916 г. о привлечении на тыловые работы «мужского инородческого населения империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно», бездумное исполнение этого «повеления», усиление межэтнических противоречий на фоне экспроприации у кочевого населения земельных и водных ресурсов, а также близорукая политика местной туземной администрации, главной заботой которой было самосохранение и политическая нейтрализация соперников в итоге спровоцировали трагические события 1916 г.

По рассказам одной из наших бабушек, Каликан Джумабаевой, ее родители осенью 1916 г. из села Отузуул (недалеко от г. Каракол) были в составе тех, кто бежал от карательных отрядов русских казаков в Китай. Со слов ее родителей, в Китае они были вынуждены продать свою старшую дочь местному дунганину за небольшую меру пшеничной крупы. Уже в постсоветское время от приезжавших из Китая кыргызов пожилая бабушка Какен получила весть, что ее старшая сестра жива и здорова. Вышла замуж, вырастила детей, дала им высшее образование. К сожалению, встретиться сестрам не удалось. Они к этому времени были уже весьма преклонного возраста.

Мой собственный дед Саалы сын, Арбото, по рассказам стариков нашего рода Толубай, был одним из первых председателей ревкома села Талды-Суу Тюпского района. Село наше считается большим и даже в одно время было районным центром. Нынешнюю планировку села закладывали как раз те самые русские переселенцы, которые заняли земли и места постоянного проживания кыргызов, бежавших из Талды-Суу в 1916 г. в Китай. Буквально за короткое время село было застроено новыми деревянными срубами, которые расположились на двенадцати улицах, прочерченных в шахматном порядке. Шесть ровных улиц с севера на юг и шесть улиц с востока на запад. Между улицами новые поселенцы оставили столько земли для огородов, что сейчас между теми старыми улицами появились еще по одной новой. В центре села была самая большая в Тюпском районе православная церковь. По воспоминаниям моего отца Лембая Салиева, они в 30-х гг. прошлого века, будучи школьниками начальных классов, собирали осколки разноцветных стекол из церковных витражей. Деревянное здание церкви до 70-х гг. XX в. функционировало в качестве сельского клуба.

После Великой Октябрьской социалистической революции кыргызы, бежавшие в Китай, стали возвращаться к традиционным местам своего обитания. Тогда на государственном уровне была разработана программа по их поддержке и, как сейчас сказали бы, по их адаптации к новым общественно-политическим условиям. Новая власть создала специальный Комитет помощи беженцам, на местах открывали пункты питания и снабжения местного населения хлебом, чтобы избежать массового голода. В Пржевальском уездном совете начала работу секция по урегулированию русско-туземных отношений. А в селе Талды-Суу молодой председатель ревкома Саалы Арботоев занимался, помимо всего прочего, и распределением земельных наделов и домов, которые были оставлены русскими переселенцами. Состоявшийся 19–25 сентября 1920 г. IX съезд Советов Туркестанской республики в том числе принял решение: «Коренное население, подвергшееся гонению царского правительства за восстание, возвращается к прежнему своему местожительству и обеспечивается наделом в первую очередь на землях, захваченных самовольно русскими переселенцами во время событий 1916–1918 гг., и на землях, подлежащих отобранию».

3 февраля 1921 г. Семиреченский облревком принял решение о возвращении коренному населению имущества и инвентаря, захваченных у него самовольцами при царизме. В этом же документе облревком Семиречья приказал возвратить коренному населению все захваченные и отчужденные в 1916–1920 гг. земли. Буквально на следующий день Семиреченский облревком издает приказ о проведении земельно-водной реформы, в рамках которой происходила ликвидация заимок, хуторов и поселков, возникших после подавления восстания 1916 года. Русским переселенцам, обосновавшимся на новых местах после 1916 г., было указано вернуться на старые места жительства, взяв с собой живой и мертвый инвентарь в пределах трудовой нормы. На местах Советы и ревкомы должны были провести конфискацию крупных кулацких хозяйств, а кулаков выселить за пределы области.

Старики говорили, что русским переселенцам, которые в 1916–1920 гг. обустроились на новых землях в селе Талды-Суу после массового бегства его населения в Китай, от имени новой советской власти была дана команда – в 24 часа вывезти в соседнее село Тюп все, что смогут, и освободить этот поселок для прежних его жителей. Кто был побогаче, имел телеги и рабочую силу, те смогли разобрать свои срубы и за одну ночь весь скарб перевезти на «новое» старое место. У кого возможностей разобрать собственную избу не было, вывозили скот и домашнее имущество. И сегодня практически на всех улицах села Талды-Суу стоят деревянные срубы, которым уже по сто и более лет. Будучи крайне щепетильным в нравственных вопросах, мой дед оставил себе небольшую постройку из двух маленьких комнат, хотя буквально рядом выше и ниже по улице были дома на высоком фундаменте с шатровыми крышами и отдельными хозяйственными пристройками. Кстати, этот деревянный дом, который наш дед Саалы определил для себя, до сих пор исправно служит его потомкам. Сегодня в уже расширенном доме проживают его внуки и правнуки.

Тот факт, что человеческая жизнь не бывает одномерной, и то, что массовый исход кыргызов со своих земель в 1916 г. состоял из тысяч индивидуальных судеб, говорит еще один случай, приведенный в докладной записке драгомана (переводчика) российского консульства в Кашгаре Стефановича «О волнении среди киргиз Семиреченской области и о бегстве их в китайские пределы». В своем отчете драгоман Стефанович пишет: «С целью окончательно убедиться, что среди киргизов не осталось больше русских, мною на этот раз были посланы как в Уч-Турфан, так и в Аксу, русско-подданные сарты, в количестве 20 человек, которые имели задачу осмотреть места стоянок киргизов в Уч-Турфанском, Байском и Аксуйском уездах и разузнать, не имеется ли среди киргизов русских женщин

и детей и в случае нахождения доставить их мне, в Аксу. В результате принятых мною мер была найдена только одна русская женщина, которая к тому же не обнаружила даже желания расстаться со своим новым мужем – киргизом».

В архивных материалах по восстанию 1916 года мы можем найти множество фактов, когда кыргызы укрывали от своих братьев беззащитные семьи русских переселенцев. Многие историки указывают, что волнения на Иссык-Куле начались в селе Сазановка (ныне Ананьево). Так вот, в этом селе действиями кыргызов против русских карательных отрядов руководил Даниил Кошаев.

Приведенные выше факты всего лишь подтверждают законы диалектики и дают нам намек на то, чтобы мы в своих суждениях и выводах, и не только по поводу восстания 1916 г., не впадали в крайности.

В исторической науке довольно подробно изучены формальные причины возникновения массовых волнений летом-осенью 1916 г. Учеными-историками Кыргызско-Российского Славянского университета подготовлен шеститомный сборник документов, напрямую касающийся этой трагедии коренного населения Туркестанского края. Для добросовестного читателя этого издания станет понятно, что жизнь многогранна и история этих трагических страниц жизни наших предков не может быть вписана в логику тех псевдоученых и псевдополитиков, которые хотят всего лишь разыграть так называемую «русскую карту». Очередная годовщина трагических событий 1916 г., как показывают СМИ, дает некоторым нашим гражданам возможность поупражняться в своих фантазиях о причинах этой трагедии и необходимости призвать к ответственности нынешнюю российскую власть.

Исторический опыт показывает, что самой продуктивной в деятельности государства и общества является установка на движение вперед. Помня поговорку: «Кто старое помянет – тому глаз вон, а кто забудет – тому два», и политики, и ученые, и простые граждане нашей страны не должны забывать уроков прошлого, но при этом нельзя позволить себе «вариться в прошлом», упуская шанс на развитие.

Одним из первых уроков подобных трагических событий, в который, как уже было отмечено, оказываются вовлеченными массы людей, является недопущение управленческой ошибки. Кровавым событиям 1916 г. предшествовали сначала «высочайшее повеление» от 25 июня 1916 г. и только потом 22 августа 1916 г. началось обсуждение при главном штабе в рамках межведомственного совещания вопросов «о привлечении инородцев к работам в тыловых районах армии и внутри империи на государственную работу». К сожалению, маховик трагедии уже был запущен и к концу августа 1916 г. в Туркестане уже сформировались все предпосылки к массовым волнениям.

Говоря об управленческих ошибках, следует иметь в виду, что власть в этом случае оказалась не способной адекватно оценивать сложившуюся в стране и в регионе ситуацию. В этом плане абсолютно аналогичной была ситуация в марте 2005 и в апреле 2010 гг. Два президента не смогли объективно оценить ситуацию в стране, прочувствовать настроение в обществе, среди простых граждан. Принятые ими решения, мотивированные только желанием сохранить свою власть, привели к двум революциям, во время которых было много безвинно пострадавших. Если в 2005 г. было много пострадавших среди представителей малого бизнеса, торговцев, то март 2010 г. помимо материальных утрат привел к тяжелым человеческим потерям.

Уничтожение турецким истребителем российского бомбардировщика в небе Сирии В. Путин назвал «ударом в спину». Ведь формально и Турция, и Россия по одну сторону баррикад в борьбе с ДАИШ. На деле все оказалось иначе. Вот и у нас в стране зачастую

складывается аналогичная ситуация. Все говорят об интересах Кыргызстана и его народа, а на деле не все оказывается так, как декларируется. Находясь как бы на защите интересов нашего народа «историки от политики», спекулируя вокруг национальной трагедии кыргызского народа, требуют предъявить некие претензии к потомкам тех, чьи деды принесли и в наш Туркестанский край Октябрь 1917 г., который, сменив государственный строй в Российской империи, позволил осуществить реальные подвижки в вопросе возвращения беженцев из Китая и восстановления их прав и собственности. Хотелось бы еще раз отметить, что современное поколение кыргызстанцев, наши будущие потомки должны хорошо знать историю своей страны, помнить ее трагические страницы и не затушевывать ее светлые стороны.

Находясь на так называемом «транзитном этапе», Кыргызстан, как и его соседи, переживает сегодня свой собственный этап государственного становления. Как свидетельствует история, в становлении многих современных государств именно этот этап их развития являлся самым благодатным для разного рода политических авантюристов, прикрывающихся патриотическими лозунгами.

Приведенный пример со сбитым российским истребителем может оказаться не единственным примером «удара в спину». Сегодня на фоне тяжелейшего экономического кризиса, не менее сложной общественно-политической ситуации в стране «удар в спину» могут нанести политики, которые давно вынашивают планы, связанные с отрывом Кыргызстана от любого российского влияния. Чтобы навредить России, отдельные наши соотечественники готовы не только ударить в спину собственной страны, но и принести ее в жертву ради своих политических амбиций. Один из бывших депутатов кыргызского парламента, баловень судьбы и при Акаеве, и при Бакиеве пытался как-то меня убедить, что светлое будущее Кыргызстана возможно только в случае, если у нас в стране будут незыблемы частная собственность, либеральная экономика и права человека и, естественно, полная независимость от России. Оказывается, к этим «умным» мыслям он сумел прийти за несколько лет своего обучения в Америке.

Некоторым «политикам» хочу напомнить недавнюю страницу нашей истории. 27 июля 2000 г. в Москве главами двух государств была подписана Декларация о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией. В документе Стороны торжественно заявили: «Кыргызская Республика и Российская Федерация связаны вечной дружбой и в преддверии XXI столетия провозглашают свою неизменную приверженность отношениям союзничества и стратегического партнерства, определяющим содержание и характер их взаимодействия как в двустороннем формате, так и на международной арене».

Семен Чуйков. Бегство повстанцев в Китай. 1936 г.

Повстанцы

Дети Шабдана Джантаева возглавили восстание

Участник восстания 1916 года
Ш. Байбакинов. 1931 г.

Председатель колхоза «Алчалуу»,
участница восстания. 1931 г.

Свидетельница восстания. 1931 г.

Туркестанский генерал-губернатор Алексей Куропаткин

Военный губернатор Семиреченской области
Михаил Фольбаум (Соколов-Соколинский)

Александр Керенский – российский политический и общественный деятель, после февраля 1917 г. министр, затем министр-председатель Временного правительства России

Я.И. Корольков – свидетель восстания, офицер, краевед, метеоролог и общественный деятель города Пржевальска – с дочерью Л.Я. Корольковой-Стрельбицкой и зятем И.Н. Стрельбицким

Русское село Сливкино (ныне Кызыл-Суу),
уничтоженное восставшими

Казненные участники восстания

ВОССТАНИЕ 1916 года В КЫРГЫЗСТАНЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1991 г.

А. Бедельбаев

Как отмечено в Указе Президента Кыргызской Республики «О 100-летию трагических событий 1916 года» от 27 мая 2015 года «Национально-освободительное восстание кыргызского народа и последовавшая за ним трагедия 1916 г., сохранившаяся в памяти народа как «Үркүн» (Великий исход) должны занимать особое место в истории Кыргызстана». Ответственность республики обязана увековечить «память погибших в ходе Үркүна» и определить «достойное место национально-освободительного восстания 1916 г. в истории страны и его роли в возрождении кыргызской государственности».

В нынешнем году в республике на государственном уровне будет проведен ряд важнейших мероприятий, посвященных трагическим событиям 1916 года.

Несмотря на кажущуюся изученность темы, многие вопросы остаются еще спорными. Об этом свидетельствуют статьи на интернет-сайтах и страницах периодической печати. При этом отдельные авторы преподносят известные факты как новые, и на основе нескольких тенденциозных материалов выдвигают ошибочные суждения. В связи с этим в данной статье мы попытались сделать краткий обзор публикаций в периодической печати 1991 г., посвященных восстанию 1916 г.

На заре демократических преобразований – в 1991 г. – общественность республики широко отметила 75-летие восстания 1916 г. – одну из немеркнущих, героических и, вместе с тем, трагических страниц в истории борьбы кыргызского народа и других народов Центральной Азии за свое национальное и социальное освобождение.

Данное событие совпало с периодом, когда в результате перестройки всех сфер духовной жизни резко возросло национальное самосознание кыргызского народа. Объектом его внимания стало обращение к прошлой истории, которая изобилует «белыми» и «черными» пятнами, а порой и извращенными фактами в угоду идеологическим установкам партийно-тоталитарного режима. В связи с 75-летием восстания в журналах и газетах Кыргызстана в течение 1991 г. было помещено около 100 публикаций различного содержания и характера. Авторами их являются историки, журналисты-публицисты и представители общественности республики.

Отдавая должное сотрудникам периодической печати за публикации разносторонних (порой и противоречивых) материалов, следует отметить, что нам предстоит кропотливая работа по осмыслению их с позиций исторической действительности и правды. Ведь одним из неперемennых условий исторических исследований является осуществление историографического обзора и анализа имеющихся сведений. Такой обзор позволит уяснить различные точки зрения и облегчит возможность их оценки, поможет найти ключ к правильному решению сложнейшей проблемы.

Подавляющее большинство (около 80 %) статей были опубликованы на кыргызском языке. Их условно можно разделить на следующие группы:

1. Переиздание публикаций прошлых лет.

2. Статьи ученых-историков, в которых выражены их взгляды, высказанные в ходе дискуссий и круглых столов.

3. Собственные исследования журналистов-публицистов, приуроченные к 75-летию восстания 1916 г. в Кыргызстане.

4. Неизвестные и неопубликованные рукописи участников восстания.

5. Воспоминания очевидцев тех событий.

6. Статьи, заметки и отклики различных представителей общественности республики.

7. Сообщения и заметки о мероприятиях, посвященных 75-летию восстания 1916 г.

К первой группе относятся переведенные на кыргызский язык труды видных партийно-государственных деятелей Центральной Азии – Ю. Абдрахманова, Б. Исакеева и Т. Рыскулова (опуб. в журн. «Коммунист Кыргызстана» и «Ала-Тоо»), брошюра историка Шестакова и казахского публициста-переводчика Кыр баласы, изданная к 10-летию восстания (опуб. в газ. «Кыргыз маданияты»), выступление А.Ф. Керенского на заседании Государственной Думы (опуб. в газ. «Жаштык жарчысы»), а также свидетельские показания Г.И. Бройдо и Я.И. Королькова (опуб. в газ. «Кыргыз маданияты»). В 1920–1930-х гг. они были изданы на русском языке и впоследствии основные фактические материалы, положения выводы критически использованы в специальных исследованиях историков страны. Вследствие необоснованных репрессий партийно-государственных деятелей национальных окраин, их труды были переданы в спецхранилища библиотек и архивов. Поэтому переиздание их, причем на кыргызском языке, вызвало широкий отклик общественности республики. Естественно, к ним получили доступ как неподготовленный читатель, так и публицисты, которые в большинстве своем без критического анализа ринулись использовать эти материалы, зачастую отрывая их от общего контекста.

Следует сказать, что Ю. Абдрахманов, Б. Исакеев и Т. Рыскулов во многом стояли на современных позициях. Отсутствие профессионализма компенсировалось тем, что они сами были очевидцами событий 1916 г., причем широко пользовались воспоминаниями участников восстания. Это и позволило им высказать ряд верных положений о причинах, характере, составе участников, трагических последствиях поражения восстания и бегства в Китай. Они считали, что в целом национально-освободительное и антиимпериалистическое выступление против царизма приняло характер восстания против всех русских, как угнетающей нации в колониальных окраинах. К сожалению, из-за недостаточности документальных материалов при изложении фактического материала они допустили ряд неточностей. Тем не менее, они сумели трезво взглянуть на исторические события 1916 г., дать им смелые оценки. Даже при известной скидке на время нельзя не признать глубины и точности многих из них. Приблизительно в таком же ключе написана брошюра Шестакова и Кыр баласы. Правдивостью изложенных фактов о взаимоотношениях кыргызов с русско-украинскими переселенцами в начале XX в. и о ходе восстания в Прииссыккулье подкупает показание Я.И. Королькова, являющегося и поныне важным подспорьем при изучении проблем истории Кыргызстана.

Совсем другое впечатление оставляют выступление будущего главы Временного буржуазного правительства А.Ф. Керенского, который хотел дешевой популярности, объясняя причины действий царских карателей в Туркестане, а также свидетельские показания Г.И. Бройдо в духе идеологических установок 1920-х гг.

Историками республики было опубликовано в общей сложности 15 статей. Из них львиная доля принадлежит признанному специалисту в этой области К.У. Усенбаеву. Его взгляды на события 1916 г., изложенные в монографии «Восстание 1916 г. в Киргизии» (1967 г.) и ряде материалов, перепечатанных в связи с его 75-летием, разделяют многие ученые и общественно-политические деятели Кыргызстана.

Однако в условиях плюрализма мнений в статьях ряда ученых (С.Т. Табышалиев, К.А. Токтомушев), опубликованных в газете «Слово Кыргызстана», восстание 1916 г. рассмат-

ривается по-новому. В них подвергается сомнению правильность бытующих в республиканской историографии оценок его характера в Семиречье, высказано мнение об отношении повстанцев к крестьянам-переселенцам, приведены конкретные цифры потерь кыргызского народа в результате жестокого подавления восстания царизмом и бегства кыргызов в Китай. Авторы выступают против определения восстания как национально-освободительного движения, обосновывая это тем, что кыргызы в тот период еще не сформировались в нацию.

Эти тезисы попытался опровергнуть в полемической статье Т. Чороев (опуб. в газ. «Кыргыз маданияты»). Кажется убедительным его довод о национально-освободительном характере восстания 1916 г., так как всякое выступление против колониального гнета период капитализма считается национально-освободительным движением, и предшественники не придавали особого значения терминам «народ» и «нация» и равнозначно использовали их в своих трудах.

В другом важном вопросе (вопреки утверждениям многих) о характере восстания в Семиречье, видимо, следует признать то, что в отдельных местностях действительно имели место кровавые межнациональные столкновения, от которых пострадала часть трудового переселенческого и коренного населения края.

Материалы круглого стола (опуб. в газ. «Кыргыз маданияты» и жур. «Саясий трибуна»), содержат интересные суждения преподавателей исторического факультета Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына. Так, А. Мокеев считает восстание заранее организованным и в определенной степени запланированным его руководителями. А. Арзыматов утверждает, что это не восстание, а социальная революция, направленная на аграрное и национальное освобождение коренного населения края. Он и ряд других участников круглого стола отвергают антифеодальный характер выступления, мотивируя это тем, что народно-освободительное движение объединяло все слои кыргызского общества.

Самые разноречивые, противоречащие друг другу сведения выдвигаются об убыли и жертвах кыргызского народа в 1916 г.

Основная группа ученых (С.Т. Табышалиев, К.У. Усенбаев, Г.К. Кронгардт), основываясь на достоверных документальных источниках и демографических данных, приводят цифру в более чем 100 тыс. (приблизительно 40–42 % всего коренного населения северной части Кыргызстана). Однако на страницах прессы можно встретить и более завышенные цифры. Так, по мнению И.С. Болджуровой (интервью газ. «Кыргыз маданияты»), потери коренного населения Северной Киргизии составили 203800 человек. Ссылаясь на эти данные, А. Арзыматов утверждает, что число жертв кыргызского народа составляло 66 %. Другой исследователь, С. Бегалиев, не ссылаясь на источники, пишет, что в результате жестокого подавления движения повстанцев численность кыргызов в Пишпекском уезде сократилось на 54, а в Прииссыккулье – на 73 %.

Эти утверждения были подхвачены отдельными публицистами и представителями общественности. По всей видимости, преувеличенные данные были взяты без дальнейшего углубленного изучения и критического анализа из работы Т. Рыскулова, который на основе сведений Семиреченского областного статистического комитета писал, что убыль коренного населения Пишпекского и Пржевальского уездов от начала восстания к январю 1917 г. составила 41975 кибиток. Определяя численный состав каждой кибитки (5,1 чел.), он подсчитывает убыль коренного населения, равную 214072 чел. Используя эти данные, современные историки забывают о том, что из числа убывших к январю 1917 г. около 100–120 тыс. уже находились в Китае.

Резко выделяется на фоне других публикаций статья Е. Макарова (опуб. в газ. «Слово Кыргызстана»). В предварительной части он заявляет, что в публикациях сознательно скрываются от общественности данные о подготовке и развитии повстанческого движения, о его организаторах – потомственных манапах. По его мнению, в «южном очаге восста-

ния прослеживается антивоенный, антицарский его характер с признаком антифеодального уклона», а на севере – «его направленность не отражала интересы кыргызского и других народов». В связи с этим он делает вывод, что оно заранее «было обречено на поражение», так как «прирученная к беспрекословному повиновению родовым вождям основная часть населения» боролась «за интересы реакционно-феодальной верхушки, против будущего». Как видно из приведенных цитат, начисто отрицая героическую борьбу кыргызского народа против социального и национального гнета, он подвергает сомнению характер, ход и движущие силы восстания, сплошь и рядом пользуется надуманными, подтасованными фактами. В пылу эмоций нередко использует противоречивые данные, что могло бы привести к обострению межнациональных отношений. В целом статья Е. Макарова не выдерживает никакой критики.

К третьей группе относятся статьи историка О. Ибраимова и журналистов-публицистов К. Карабекова, Г. Павлюка и ряд других (опуб. в журн. «Ала-Тоо», газ. «Слово Кыргызстана», «Вечерний Бишкек» и в «Молодежной газете»), которые были приурочены к 75-летию восстания. В погоне за сенсацией они пользовались материалами, которые отличались оппозиционностью и предвзятостью. При этом они игнорировали или предпочитали умалчивать результаты специальных научных исследований историков 1960–1980-х гг. О. Ибраимов в статьях «Кызыл Кыргызн» и «Неизвестный геноцид» неправомерно утверждает, что на изучение проблемы было наложено табу. Допуская ряд фактических неточностей, в том числе об убыли и жертвах, приводит ошибочные данные Т. Рыскулова, начисто отрицая исторические корни дружбы между русским и кыргызским народами в условиях колониальной политики царизма. Идя на поводу у Г.И. Бройдо, причину восстания видит в провокаторской политике царизма. (Ради справедливости следует отметить, что О. Ибраимов, как истинный ученый, глубоко изучив события 1916 г., в интернет-статье от 30.11.2015 г., пишет: «...Чтобы отдельные факты истории, поверхностно истолкованные, не вносили раздор в жизнь новых поколений, между Россией и Кыргызстаном».)

Заслуживает внимания статья К. Карабекова, который, внимательно изучив труды историков, освещает проблему разносторонне и главную причину восстания видит в беззастенчивом отчуждении кыргызских земель в пользу переселенческого фонда; показывает роль мусульманского фактора и Первой мировой войны в ускорении выступления народов Центральной Азии против колониального режима царизма; выдвигает версию о том, что коренные жители не верили, что набор идет на тыловые работы; правильно оценивая роль института манапства, приходит к заключению, что «отговаривали от восстания они не из страха за свою жизнь, а руководствуясь трезвым, мудрым расчетом»; в известной мере автор прав, когда пишет о степени организованности восстания; без детализации, но правильно излагает начало, ход и поражение восстания, бегство кыргызского народа в Китай. В поле зрения попали незаметные, но важные детали: о бегстве небольших групп кыргызов из Ферганы в Афганистан, о первоначальном прибытии беженцев из Китая (дунган, уйгур) в Кыргызстан в XIX в. Вместе с тем, ему не удалось избежать и ошибок. В объемной статье затушевывается героическая борьба повстанцев, противопоставляются характер и цели восстания народных масс в Туркестане и Семиречье: в первом – якобы боролись под лозунгом газавата против мобилизации мужчин на военно-тыловые работы, а в Семиречье – за возврат своей земли от колонизаторов, хвалит А.П. Столыпина, проводившего политику усиленного грабежа кыргызских земель в пользу переселенческого фонда.

Г. Павлюк, известный журналист, погибший от рук бакиевского режима, ссылаясь на «Краткий политический словарь», игнорирует национально-освободительный характер восстания 1916 г. в Кыргызстане. Ошибочны его выводы о том, что тогда как «русский солдат (рабочий, крестьянин) воевал и погибал на фронте», другие российские подданные – кыргызы отказывались даже от тыловых работ, цели и программу выступлений могли-де

составить только бай-манапы, а «двигал толпами тот самый инстинкт толпы». Стараясь обелить действия царских карателей, он утверждает, что подавление восстания является ответной реакцией властей на него, а советские ученые и политики якобы сделали все, чтобы заклеить, прежде всего, тех, кто подавлял выступления местных народов. Вообще-то он находит изъяны во всех работах историков, даже общий пафос обращения общественности в связи с 75-летием восстания 1916 г. вызывает у него раздражение и недоумение.

К сожалению, приводимые в статье материалы не имеют под собой глубоко изученной документальной базы.

В целом публицисты строят свои исследования на основе двух-трех документов или воспоминаний, хорошо известных из литературы прошлых лет. Следовательно, для них характерно поверхностное, однобокое и, зачастую, ошибочное освещение в результате слабого знания исторических трудов и документальных источников.

К четвертой группе можно отнести рукописи участников восстания Б. Солтоноева, Толо ажы уулу Ибраима, Актана Тыныбек уулу и рассказ Борубая Кененсарина (опуб. в журн. «Ала-Тоо», газ. «Кыргыз маданияты» и «Жаштык жарчысы»). В условиях идеологизации исторической науки воспоминания и рукописи непосредственных участников восстания хранились в их личных и семейных архивах. Только благодаря перестройке, активному вмешательству ряда сотрудников редакций, а также родственников, пожелтевшие страницы были извлечены из сундуков, опубликованы в периодической печати. Они проливают истинный свет на ход восстания, сражений в отдельных местностях, трагические последствия подавления восстания, бегство в Китай и тяжелую жизнь на чужбине. Внимательное ознакомление с ними позволит уточнить отдельные аспекты движения 1916 г. и найти ответы на ряд спорных вопросов.

В пятую группу входят статьи и воспоминания Х. Карасаева, А. Токтомушева, К. Качикеева и Абдрасула Алымкул уулу (опуб. в журн. «Ала-Тоо», газ. «Кыргызстан туусу» и «Бишкек шамы»). В них в основном освещаются трудности перехода через перевалы, гибель людей и животных от холода, голода и болезней, страдания на чужой стороне и тяжелые испытания трудового народа в 1916–1918 гг. Они помогут восстановить некоторые детали событий, углубят наши знания от живых впечатлений очевидцев. Однако воспоминаниям, написанным спустя 75 лет, неизбежно присущи отдельные неточности, преувеличения некоторых моментов, так как со временем из памяти стираются мелкие события. Среди них статья старейшего ученого-филолога Х. Карасаева, предлагающего свое видение событий 1916 г. Утверждая, что у восставших не было намеченных целей и конкретной программы, он считает событие «бунтом» против набора рабочих на тыловые работы. Его взгляд разделяет геолог, санжырачы и любитель истории Ж. Кенчиев (опуб. в газ. «Бишкек шамы»).

К шестой группе публикаций принадлежат самые многочисленные и разноречивые статьи и отклики, написанные представителями широкой общественности республики. В историческую науку они не вносят практически ничего нового. Лишь местами встречаются интересные мысли или приводятся сведения об участниках, ходе и последствиях восстания 1916 г.

К последней группе причисляются сообщения и заметки о мероприятиях, проведенных в связи с 75-летием восстания 1916 г. в Кыргызстане. Они, в целом, носят информативный характер.

Сегодня, склоняя голову перед памятью безвинно погибших 100 лет назад, искать виновных в событиях 1916 г. среди живущих ныне на земле нашей независимой республики, под ее небом – преступно.

Завершая краткий обзор публикаций, посвященных 75-летию восстания 1916 г., следует отметить, что смысл изучения прошлой истории должен заключаться в том, чтобы извлекать из нее уроки и сделать все, чтобы подобные трагедии не повторялись.

ЖУҢГО ҚЫРГЫЗДАРЫ ЖАНА «ҮРКҮН»

Тоқон Ысақ (Тоқтобүбү Ысақ)

В статье китайского ученого Токон Ысақ раскрываются обстоятельства жизни кыргызских беженцев в Китае после восстания 1916 г., их адаптация в новых условиях, а также достижения отдельных личностей в творчестве.

Бул мақала үч мазмунду өз ичине камтыйт:

(1) Жуңго кыргыздарынын «Үркүн» менен болгон байланышы

Жуңго кыргыздары жуңгодогу 56 улуттардын бири саналып, ушу күндө 200 миңден ашуун жан саны менен аз улуттар қатарында өздөрүнүн ата бабасы байыртан бери жашап келген ата журттарында жашап келди. Жуңго кыргыздарын Жуңгода жашаганына байланыштуу басма маалыматтардан, коомдук текшерүүдөн орчундуу саны Шинжаң уйгур аптоном районунун түштүк жана түндүк деп экиге бөлүнгөн жагында басым сандагы Ата-Бабасы Жуңгодо туулуп туруктуу эле өмүр сүрүп келген кыргыздар жашайт. Түштүк Шинжаңда Қызылсуу кыргыз аптоном облусу Тяньшандык кыргыздардын сиясы, экеномика, оқуу агартуу, жашоо шарттарын Жуңго эл ресбупликасына өкүл болгон уқуқтуу жетекчилик органы салақтына ээ болгон жалғыз гана кыргыз аптоном облус. Ага қараштуу бир шаар (Артыш шаары), үч оодан (Ақчий, Улуучат, Ақтоо)оодандарында байырқы Жуңго кыргыздары жана аларга қошулуп олтурақташқан аз сандагы үркүндүн кыргыз элинин урпагы жашайт. Ушул чөйрөлөргө туташ келген жәрлерден көнө жазма булақтарда арбын жолугучу айтылуу Алты шаардан, мисалы: Ақсуу аймагында Учтурпан ооданына қараштуу Жамансуу кыргыз аптономиялық улуттук айылы, Онсу ооданы, Бай ооданы, Келпин ооданы, Кучар ооданы, Ақжар, Жылдыз (бул атақтуу көнө өөрөн азыр бир аялдама эле болуп қалды) жана Зындан деген жерлерде үркүндүн кыргыз эли жашайт. Қашқар аймагында Маралбашы ооданы, Яркент ооданы, Көнөшаар ооданы, Пәйзиват ооданы, Опол айылы қатарлуу жерлерде башқаларга аралашып жашаған тияншандық жерлик тургундардын урпагынан бөлөк көп саны үркүндүн кыргыз элинин урпагы жашайт. Хотен аймагында Гума ооданы Кеңқыр кыргыз аптономиялық улуттук айылынан башқа Лоп ооданы, Қарақаш ооданы, Кирийе ооданы қатарлуу жәрлерде чачыранды жағашқан кыргыздар жашайт. Түндүк Шинжаңда Иле Қазақ аптоном облусунун Құлжа шаарында, Текес ооданына қараштуу Көктерек кыргыз аптономиялық, Шаты кыргыз аптономиялық улуттук айылы дана көрүнгөн үркүн кыргыздардын урпақтарынан. Байынголун Моңғол аптоном облусуна қараштуу Көрла шаары, Қарашаар ооданы, Лопнур ооданы, Бүгүр ооданы бул жәрлердеда жерлик же үркүндөн келген кыргыздар жашайт. Тарбағатай аймагында Чөйчөк шаары, Дөрбулжун ооданында Буддизимге ишенген «үркүн элинин урпагы» жашайт.

Миндан бөлөк атбай журутқа белгилүү Хийлоңжаң району Фуйү ооданы Вужазы, Чижазы айылдарында жашаған 3000 ден артық сөгү кыргыз жарандары қошулуп жалпы айтылған, Жуңго кыргыздары нын санын жана улуттук қурулушун көрсөтөт.

«Үркүн» Жуңгодогу кыргыздарында белгилүү бир тарыхый атоонун же күңгүрттө қалған иш-аракеттин туйуқ аталышы боюнча қабыл алынып, аябағандай сейрек айтылып,

кыргынчылык башка келген улуттук оор жоготуу окуясы эстен көтөрүлгөн бойдон калды. 1916-жылдан бери аз болгондо үч урпак эл жаңыланып, эне тил, улуттук салт - санаа, кыргыз үй-бүлөсүн куруу жана кыргыз сөгүн тунук сактап калууга аракеттенген болсо да аргасыздан жасалган, көп катмарга сиңген абжеш маданияттык өзгөрүүлөр аздын көпкө моюн сунушу жана заманбап өркөндөп бараткан жаңы турмушка көнүп жашоо талабы аргандай кыргыз баласын заман менен тең алга басууга жетеледи. Жаңы өзгөчөлөнгөн заманбап техникалык турмуш жана күндө пайда болгон жаңы сөздөн буюмгача улуттук эмес заманча жашоого кызыктырды. Бул жерде саясы басымдан тышкары улуттук өнүгү деңгелинин талапка ылайык жүрбөгөнү ең негизки себептерден деп айтууга болот. Жуңго Комунистик партиясы улуттарды тең карап, ушул мамлекетте жашаган, бар болгон улуттардын баардыгына улуттук тилин, улуттук динин, улуттук маданиятын өз укуктарына берип, жан саны 8000 ге толгон же жакындаган жэрлерде улуттук аптономиялык айылдарды куруп берген (Жамансуу кыргыз аптономия айылы, Көктөрек кыргыз аптономия айылы, Шаты кыргыз аптономия айылы, Кеңкыр кыргыз аптономия айылы белгилүү төрт кыргыз айылы бар) болсо да, Азыр ушу күндө эне тил менен кыргыз накай улуттук салт - санаасын үйдө, иште, күндөлүк жашоодо кармап жүргөн кыргыз жаранынын саны күн сайын азайып баратканы ашкере байкалат. Кыргызды сактап турган жакшы жөрөлгөсүн башка улуттарга көрсөтүп, заманбап жашаганга жетишкенде абдан эле сонун болмок. Уруусун айтып жүргөн кыргыздар гана кыргыздыгын далилдегенге жарайт.

«Үркүн» деген сөздү Жуңго кыргыздарынын эсинде сакталды десек кыргыз тилине түшүнүгү бар, тарых, маданият билимдерин үйрөнгөн, улуттук санаасы бийик, улуттун тагдырына тартылган адамдар аргандай матырыялдардан окуп, терең түшүнүк алары талашсыз. Кыргыз тилинде жазылган мейли Кыргызстан же Жуңго кыргыздарынын жазма эмгектеринен бул мазмундагы пикирлерди билгиси келсе табалары анык, тарыхый кырдаалын ичкерилей билгенге аракет жасагандар да жок эмес. Бул адамдардын жашы менен саны аргандай адамды ойго салбай койбойт. 90 менен 70 жаш ортосундагы кыргыздар үркүндүн окуясын уккан же өзү «Үркүн» дүн урпагынан болгону үчүн «менин ата тегим кыргызстандык Үркүндүн 1916-жылы же 1937-жылы келген экен» деп айталат жана уруусу менен ата конушун таң айтат. Мисалы: – Ыссык көлдөн, Таластан, Қочқор же Нарындан, Атбашылык деп чындыкка жакын маалыматтарды берет. 60 жаштан 40 жаш же 30 жашкача болгон кыргыз жарандары Жуңго «Манасы» жана манасчы Жүсүп Мамайдын өмүрү менен танышуу барышында «Үркүн» дүн тарыхый жолун из чалып окуганы боюнча кабары бар экенин туйунтканга жараган азаматтардан жолугары анык. Ал бул сандагылар аябай эле аз санда. Еми 30 жаштан төмөнкүлөргө «Үркүн» дү түшүндүрү атайын эле сабак берү менен бирдей орун алат. Кыргыз тилинин жалпы иштетилүү шартынын тарайышы ойлогондонда көп татаалдашты. Бул баягы «Манастагы» элүү жылда эл жаңы, жүз жылда болот жер жаңы деп айтылгандай, «Үркүн» дүн улуттук эс тутумдан көтөрүлгөнүн кабылдоого туш келдик.

«Үркүн» деген сөздүн артында турган Жуңго кыргыздарынын жалпы жандайын илимий чөйрөгө көтөрүүгө атуулдук менен аттанып, атайын жогоруда айткан жерлердин бир бөлүгүнө келип, эл аралап, матырыял чогултуп, китеп же макала жазып жарыялаган Кыргызстандык окумуштуулардан Аблабек Асанканов, Қадыралы Қоңқобаев, Ботанаев, Темирбек Тоқтогазиев, Тынычтықбек Чоротегин, Гүлзада Абалиева, Азиза Турдуева, Чинара Алымкулова, Жамбы Жусубалиева катарлуулардын сапар эстелиги жана илимий туундууларынан бай ары кызыктуу баяндарды окууга шарт түзүлдү.

«Үркүн» гө түз байланышкан, качкын элдин «үркүн» келип бул жакта, журт курап, эл менен эл болуп бир кылымды башынан өткөрүп, Жуңго мамлекетинде жай - баракат күн ке-

чирип келген чыныгы улуттук тагдырдын каардуу баянын бул жактан басмадан чыккан, «үркүн» кыргыздардын өздөрү жазган эл жана уруу түзүлүш жагдайы, ийгиликке кол жеткирген атактуу адамдары жана алардын элге жасаган кызматы, өздөрүн үрүп - адаты, жалпы коомдук абалы таныштырылган китептер да жарыкка чыгып, өз тарыхын өзү тактап чыгуу иш жүзүнө ашырылды. Мисалы: Иле аймагында жашаган кыргыздардын фольклору, этнографиялык жыйнагы, адабияты, көркөм - өнөрү, ошол айыл же оодан, аймак, облус катардуу өкүмөттүк кызматтарда тургандарды атайын эле таныштырган; «Иле кыргыздарынын жөрөлгөлүү маданияты», 2004-жыл, (Көктөрөк кыргыз улуттук айылынын курулганынын 50 жылдыгына арналган). «Иле кыргыздары (1- китеп,)», 2004-жыл. Жунус Жумадил жазган «Жуңго кыргыздарындагы Кытай уруусу жөнүндө изилдөө» 2014-жылы Кызылсуу кыргыз басмасынан жарык көрдү, катарлуу бир канча китептерди, Учтурпан ооданындагы кыргыздарга баш болуп Нурдун Жунус жазып, Кызылсуу кыргыз басмасынан 2010-жылы басмадан чыгарган «Аксуу кыргыз санжырасы» (Жамансуу кыргыз улуттук айылынын курулганынын 20 жылдыгына арналган), Аксуу аймагындагы «Үркүн» дүн урпагынын жалпы абалы, уруу курулушу сияктуу эмгектерде кымбаттуу учур, биз издеп жүргөн маалыматтар менен камдалабыз. Кыргыз тилинде китеп окуялган кыргыз жарандары «үркүн» дүн чоо-жайын анализдеп алуу жагдайына ээ болуу максаты ишке ашырылды. Болупда уруулардын атынын такталышы тууганчылык байланыштын ашкере айтылышы, ашкан белдер – ашуулардын аты, чегаранын абалы, жолдордун аттары жанабашка көптөгөн билимдерди окуйбуз. Жуңго кыргыздарынын «үркүн» жөнүндөгү маалыматы жана самаалыгы «Манас» менен ажарына толуп турат.

(2) «Манас» жана «Үркүн»

Жуңго кыргыздарынын улуу инсаны, залкар манасчы Жүсүп Мамайдын сегиз урпак «Манас» айтымынын чыныгы топтолушу жана кол жазмага жазылышы чектемелүү мезгил 1916 - жылдын чыгышы 1917 - жылдын кириши менен деп анык белгиленет. Кақшаал өрөнүнө караган Учтурпан ооданынан, Акчий ооданынын баардык айылынан киши чогулуп Карачий айылында, «Манас» айтуу басакеси өткөрүлөт. «Үркүн»дө Жуңго→Шинжаң→Акчий→ Карачий айылына мааналап кыргызстандык атактуу манасчы Сагынбай Орозбак кезинде «Манас» мектебинде бирге тарбия алган Жуңголук манасчы Жүсүбакун Апайды эш тартып келип, Акчий ооданынын Карачий айылында жайбаракат бир жылдан артык убакыт жашайт, эки манасчын даңкы эчак эле эл ичинде белгилүү болгону үчүн атайын «Манас» айтуушу маракесин өткөрүштү эл өздүгүнөн самаган эле. Жерлик бай манаптар өздөрүнүн төрөлүк салтанатын көрсөтүү максатында чоң мааракенин атын элдик улуу чыгарма «Манас»ка жүктөп, көп кырлуу ой санаасын коомдук салтанат кыймылы аркылуу ишке ашырышмак болот. Бул «Манас» айтуушу маракесинде Жүсүп Мамайдын ага устази, «Манас» жыйноочу Балбай Мамай, «Манас» тын кийинки беш урпагынын түзүчүсү жана коргоочусу Ыбырай Акунбек катарлуулар катышат. Ушул «Манас» айтуушудансоң Балбай Мамай «Манас» эпосун кол жазмага жаздырып, жыйнап алуу ишин колго алып, 12 жылда Жүсүбакун Апай менен Ибирайым Акунбектен Жүсүп Мамайдын сегиз урпак «Манас» айтымын жазып бүтөт. Ушул улуу учурду үркүн менен айтбай туралбайбыз. Дагы бир такталбаган маалыматта Саякбай Каралайев манасчынында үркүн элдери менен келип, эл арасында жүрүп кеткени туралуу уламыш айтылып жүрөт.

«Сен он жашка чыкканда араң жазып бүтүрдүм. Ыбырайым тагам болсо жарымын кеп, жарымын ыр менен айтты. Мен көбүн ырга айландырдым, деди. Кепти ырга айландырса көбөйүп кетет экен, деп китептерди мага берди». «1916-жылы чоң качкын качып келгенде элден угушуп аргандай киши «Манас» ты канча билем десе ошончо жазып ал-

дым, кее биринде қол жазма бар екен, аны сатып алдым. Мен жазгандарым, аркимден сатып алгандарым: Чоюке, Шапак, Таабалды, Дыйқанбай, Балык, Найманбай ата бала, Сарыбагыш Мамырқан молдо сияктуу киши саны көп болгон, айтылган сөздүн көбү бирдей окшош. Тыныбектин айтуусундагы «Семетей» басмадан чыккан екен. Семетейдин үркөнүчкө барып суу кечкен жери бар. қалганы жыртылып жоқ екен, Тыныбектин баласы Ақтандан алдым»...«Сагынбайдын айтуусу боюнча Алмамбеттин Көкчөдөн чыгып Манаска келгиче болгон аралыгын Акмолдо Ыбырай жазкан екен, Чалбай аркылуу атбашыдан алдым.»... «Энесай боюндагы Қалмамайдан тартып Семетей, Сейтекке чейинкилерин қақшаалдақы қытай кыргыздарынын жомокчусу Жүсүбакун Апай уулуна өз қолум менен жазып алдым. кириштирип, қураштырдым, көп аракет қылдым, жер, эл, баатырлардын, тулпарлардын аттарын жомок боюнча алдым. кириштиргенде көп күч жумшадым, деди», «ошондон баштап «Манас», «Семетей», «Сейтек»ти қоюп, «Кененим», «Сейитим», «Асылбача-Бекбача», «Сомбилек», «Чигитей»лердиүйрөндү». ...«Агам Балбай жана бир кепти айткан: Тыныбектин «Семетейинин» көбү жоқ. Қазақтардын бузулушу, сыр қорғондун қамалы, Байтайлақтың өлүмү, Қоңурбайдын Семетейди өзү чақырып барып өлтүрөм деп өзү өлушү деген, күрпүлдөктөкү қызыл уйук Дөө, жалғыз көздүү Мадықан, Жамгырчынын өлүмү, Буруулдун бутунун сынышы, Жубатайды Гүлчоронун өлтүрүшү, буларды Жүсүбакун дун айтуусу боюнча «Семетейге» қоштум, деген еле»... «1966-жыл 6-айдан 1978-жыл 11-айгача күмөндүү адам болуп қалдым. 1971-жылдан 1975-жылгача бутум басбай қалды. Бул кезде мени жеримен ажыратып (қарабулақты аймақ), Ақбулуң деген жерге үйүм менен көчүрүп алып келип қойду. бул кезде көптү көргөн, агам менен бирге жүргөн санжырачы бир киши менен бирге болдум (Төрөкан аттуу). Ал кишиден 1505-жылдан берки Шинжаңдақы кыргыздардын аба-лын уктум.Төрөкан: албай «Манас», «Семетей», «Сейтек» тен башка беш баатырды жаздым дечү еле. ошолорду үйрөнсөң арбагы жөлөйт деди, мен айтам, Төрөкан, Қыдырмыш – деген эки киши тыңшайт. Кененимден төмөнкү беш урпақты толуктап алдым»... «Эшмат ага айткандай, көргөн түш белгисиз иш, мен агам Балбайдын жазған жазмасынан үйрөндүм, толук емес, бешинчи урпақ Сейитимдин теңин таштап айтыпмын, еми толуктадым (Манасчы 1989-жылды күбөгө тартат)»... «Манас эмгекчи элдин чыгармасы, жалғыз бир киши толук билем деп айтуу қыйын кеп, мен ошонун биримин. Эшматтын айтуусунда: Сагымбай молдо еле, жуптап шыбырғактатып айтуучу еле. Жүсүбакун айтканда, сөздүн ағымына қарай аракетин өзгөртүп элди қызықтырчу екен»...«1978-жылдан бери қарай улам унутқан жеримди эстеп, толуктап олтуруп бүгүнкү күндө сегіз урпақ «Манасты» алғачқы иретте қағаз бетине түшүрүп болдум.» (Манасчы өкүмет толук ишеним көрсөтүп, айлық алчу қызмат қатары өзүнүн «Манасын» өзүнө жазып чыгууну тапшырганын ушундайча элге тапшырды)...«мурунку жомокчулардан Сагынбай, Жүсүбакун Манасчыларда Асылбача - Бекбачалардын убагына келгенде, Бекбачанын көчөдөн насия алып қалған, жат уруктун қызы болгон қатыны эки уул төрөгөн, Бокногой, Жокногой деген, эне - бала биргелешип кийин Бекбачаға қастық жасағаны айтылған.ал мен «Манасты» алты урпақ менен түгөнүп қалабы деп шарттуу түрдө кийинки эки урпақты кошуп турғаным жоқ, анын өзүнчө тарыхы бар. бул эки урпақ баатырдын аты жана азыраак иш-аракеттери «Кененимде» мурда еле тапшырылып кеткен.Қошойдун жеени Алп Бозой қызын Бекбачаға берип, ошондон төрөлген бала Сомбилек болду. Мен эсеме алғанымды қалтырбай айттым, өз қалыбында сүрөттөөге тырыштым»... «жомоктун өзүн, мында эл аты, жер аты, эр аты, жограпиялық атоолор, мен айтқанда тегеле өзгөргөн емес. Ыбырайымдын жомогу қара сөздө азыркы салттық оқуясы боюнча еле айтылған. бирок, қыска, ары өтө еле жөнөкөй айтылған.мен жомокту толук үйрөндүм. бирок, аны ырлаштырып айтууга күчөдүм, сөздөрүн көркөмдөдүм. ырга

айланган кара сөз түрүндөкү жомоктун көлөмү узарып кетти»...«салттык окуяда Семетей эгиз уул төрөлөрүн алдын болжоп, бирөөнүн атын Сомбилек бирөөнүн атын Чигитей коюну тапшырат, бирок, балдар туулганда көкүлдөрүнө карап, кубанычта Асылбача - Бекбача деп эле коёт», «эң негизкиси, Сомбилек менен Чигитейдин атын чаташтырып, теги кимиси 7-урпактын, кимиси 8-урпактын аты экенине өкүм бере албай калдым, анткени, булардын жөрөлгөлүү жомогу эсимде турса да көп айтып көрбөгөнүмдөн будалана түштүм. мени менен кошо жомок үйрөнгөн агам Жумалы Келбайды (айтылуу жомокчунун дареги акчий эл жөө жомоктору деген китепке каралсын) издеп, ошондон сурап, абдан бирдикке келип анан айтайын деп айтпай койдум (Манасчы 1964 жылды атайын ескертет)».

(3) «Үркүндүн» жүз жылдык өмүрү жана бүгүнкү доор

«Үркүндүн» жүз жылдык өмүрүндө Жуңго кыргыздары сан жагынан көбөйдү, каада салт көбөйдү ары түркүн түскө кошулду. Улуу эпос «Манасты» айтуучулардын өрүшү кеңейип, көркөм ооз эки аткаруучулук жагынан үлгү жана тажырба топтолуп, эки мамлекеттин аймагында тең кол жазмага жаздыруу жансыз болсо да эң жақшы айтылган жомоктун кагаз бетинде сактап калуу, ооз эки айтуучулук жөрөлгөсүн ансайын кеңири жайылтуу, көркөмдүгүн көтөрүү боюнча чындык иш аракеттер иштелди. Кыргызстанда Сагымбай Орозбаков варианты жазылып калды. Кийин Саякбай Каралайев варианты жазылып бүттү. Жүсүп Мамай вариантын сегиз урпак айтымынын сөгү түзүлдү. Байыркы кыргыз тилинин «З менен С дыбышынын катуу доошто айтылышы, К менен Х нын орун алмашып сөзгө кошулушу, Ж менен Ы да орун алмашып иштетилиши «сияк өзгөчөлүктөр тилди байытып эне тилдин тунук ары көнө сапатында сакталышына түрткү болду.

Бирок жүрөгү жараланган, саясий кызыкчылыктан оор зыян тарткан эл асыл жанын аман алып калуу максатында башын катып бөтөн эл, бөтөн жерге зордук менен жан сактаганга барганда, буйруган күнгө шүгүр деп, карапайым адам болуп жашап калууну тандагандар көп болду. Азыркы Жуңго кыргыздарынын бир мамлекетте жақын эле журттарда жашап, башка башка тил, башка башка каада салт, андан өтүп башка динге сыйынуу жашоосун тандаганы бул сөздүн күбөсү!

Азыр Билим чабуулу, замандашуу жолу менен кошулуп, техникалык башкаруунун чабуулу кыргыздарды басып келди. «Үркүндү» урпактардын эсине салып, кай күндө да улуттук кадыр-баркын таанып өмүр сүрүүгө жетектешибиз зарыл болуп турат.

Ушу күндө «Үркүндүн» урпактары аргандай себептер айынан уйгурга, казакка, моңголго, ханзуга өздүгүнөн сиңип урпаң жаңылоо же улуттун сөөгүн өзгөртүү тагдырын эркин тандап калды.

Төмөндөкү адамдар Жуңго мамлекетинен чыккан даңазалуу, элге өзгөчө эмгеги менен кадыр барыктуу болгон инсандар «Үркүн» бир жагынан байланышап турат. Мисалы:

Балбай Мамай (1896–1937) үркүндүн болгон кези 1916 жылы 23 жашта болуп, Жуңго «Манас» вариантын жыйноого камынган. Сагынбайды өз көзү менен көрүп «Манасын» уккан, кийин Ақтан Тыныбек уулу менен достошуп, ооз эки айтуучулук өнөрлөрүн же башка да чыгармачылык тажырбаларын үйрөнүшкөн. Үркүн менен «Манас» эпосунун Жуңго вариантынын жазмага жазылыш убакты бирдей башталган. Бир топ чоң манасчылардын жүз көрүшү, ооз эки жомок аткаруу чеберлигин ортодо көрсөтүү маанайы болгон. «Манас» эпосунун сегиз урпактуу өзгөчө курулушунун түзүлүү барышы тең кадамда жүргөн.

Үсөйүн Аажы Асаналы (1916–2006). залкар окумуштуу. Санжырачы. улуттук дин жана «Манас» менен бирге өскөн. «Үркүндү» эң жақшы тааныган инсан. Белгилүү себептерден «Үркүн» жөнүндө атайын маалымат бералбай кеткен.

Абдыкадыр Тоқторов (1916–2006) үркүндүн таасиринен кийин Ташкентке барып билим алган. И. Арабайевдин алиппе тамгасын Жуңго кыргыздарына таратып 26 арыпты 30 га көбөйтүп кыргыздар сабатсыздыкты жоюусуна зор салым кошкон.

Анвар Байтур (1938–1991) Түрк элдерине белгилүү тарыхчы. Аксуу аймагынын тургуну. Балким үркүндүн элинин урпагынан болушу мүмкүн, өмүр таржымалында үркүн элинин байланышы боюнча эчкандай дарек берилген эмес.

Ысақбек Мононов (1902–1949) Жуңго азаттык армиясы Шинжаң үч аймак улуттар көңтөрүшчүл армиясынын Генералы болгон. Шинжаң үч аймак чөлкөмүнүн амандыгын көп жыл коргоп келген даңазалуу аскер башчысы.

Амантур Байзақ (1919–1981) атактуу акын жана коомдук ишмер болгон. Көркөм текстин эски жараны болсода, чегарасыз байланган жашоо ата текти аргандай жаңыртууга мүмкүндүк жараткан.

Шаргебек Сыдық (1925–2005) жалпыга белгилүү саясий. Жуңго «Манас» эпосуна бир топ жыл жетекчилик кылган таанымал ардагер. Қойчудан өсүп жетилип Шинжаң өлкөлүк улуттук генералдардын катарынан орун алган даңазалуу инсан. Үркүн же Үркүндөн мурун келген элидин урпагынан. Үркүндүн тарыхый катмарын эң толук түшүнгөн.

Адабияттар:

1. Токтобүбү Ысак Адыл Жуматурду «Залкар манасчы Жүсүп Мамай» Бейжын шаары, улуттар басмасы, 2007 жыл.
2. Жүсүп Мамай «Мен манасты кандай айтып калдым». «Манас» эпосу боюнча илимий макалалар жыйнагы (1) Шинжаң эл басмасы. 1991-жыл 38 бет. Үрүмчү шаары.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Какеев А.Ч., академик НАН КР, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии КРСУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Закирова Е.Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЮГУ

Курманов З.К., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений КРСУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Суюнбаев М.Н., кандидат геолого-минералогических наук, профессор кафедры международных отношений КРСУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Узбеков Д.С., кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений КРСУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Абдырахманов Т.А., доктор исторических наук, профессор, ректор КГУ им. И. Арабаева

Абытов Б.К., доктор исторических наук, профессор, проректор по науке ОГЮИ

Маджун Д.С., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики НАН КР

Батырбаева Ш.Д., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой источниковедения, историографии и исторической информатики КНУ им. Ж. Баласагына

Плоских В.В., кандидат исторических наук, заведующая лабораторией исторической информатики кафедры истории и культурологии КРСУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Джунушалиев Д.Д., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии КРСУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Сарсенбаев Б.С., кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Республике Индия и в Демократической Социалистической Республике Шри-Ланка

Плоских В.М., академик НАН КР, заведующий кафедрой истории и культурологии КРСУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Джакишев А.У., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии КРСУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Салиев А.Л., кандидат политических наук, директор Института стратегического анализа и прогноза КРСУ им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Бедельбаев А.Б., кандидат исторических наук, профессор, декан факультета истории и регионоведения КНУ им. Ж. Баласагына

Тоқон Ысақ (Тоқтобұбу Ысақ), доктор Пекинского университета малых народов КНР

ПРИЛОЖЕНИЕ

О Т Ч Е Т Ъ

по ревизіи Туркестанскаго края, произведенной по ВЫСОЧАЙШЕМУ
повелѣнію Сенаторомъ Гофмейстеромъ Графомъ К. К. Паленомъ.

УѢЗДНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1910.

I. Историческій очеркъ.

Уже при занятіи сперва киргизскихъ степей, а затѣмъ и Средне-Азіатскихъ ханствъ, русское Правительство, въ силу необходимости, при- *Организація управ-*
нуждено было придерживаться, въ отношеніи кочевыхъ и осѣдлыхъ ту- *вленія при заня-*
земцевъ различной политики и въ соотвѣтствіи съ этимъ измѣнять начала, *тіи края.*
на которыхъ созидалось управленіе уѣздами. Такое различіе неизбежно и
естественно вытекало какъ изъ условій, при которыхъ были заняты на-
шими войсками различныя части Средне-Азіатскихъ владѣній, такъ и изъ
характера населяющихъ ихъ народностей. Между тѣмъ какъ сѣверная и
сѣверо-восточная части нынѣшняго Туркестанскаго Генераль-Губернатор-
ства, населенныя исключительно полудикими и скорѣе мирно настроен-
ными кочевниками, видѣвшими въ русскихъ припельцахъ защитни-
ковъ отъ хищническихъ набѣговъ и притѣсненій сосѣднихъ хановъ,—
подчинились намъ добровольно, южная часть Туркестана, густо заселен-
ная осѣдлыми инородцами, обладавшими многовѣковой и чисто мусуль-
манской, а потому враждебной христіанству культурой, была подчинена
Россіи силою оружія.

Въ виду этого, Правительство придерживалось по отношенію къ ко-
чевникамъ политики невмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и было
озабочено лишь тѣмъ, чтобы по возможности удержать ихъ подъ русскимъ
вліяніемъ, доставлять какъ имъ, такъ и нашимъ караванамъ безопасность
отъ разбойничьихъ набѣговъ и отстранить ихъ отъ вліянія сосѣднихъ
Средне-Азіатскихъ ханствъ. Соотвѣтственно такому направленію нашей
политики первоначально было признано цѣлесообразнымъ возложить за-
вѣдываніе кочевниками на Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Согласно
уставу о Сибирскихъ киргизахъ, изданному въ 1822 году, основною еди-

Уѣзди. Управл.

ницей управленія была признана *волость*, во главѣ которой былъ поставленъ *наслѣдственный султанъ*. Смежно кочующія волости были соединены въ *округа*, управлявшіеся *приказами*, которые состояли изъ выборнаго старшаго султана и трехъ русскихъ и двухъ киргизовъ-засѣдателей. Такого рода приказы были учреждены также въ степяхъ къ востоку отъ Балхаша, въ Сергіополѣ и Копалѣ. Однако, при дальнѣйшемъ движеніи къ югу было признано болѣе осторожнымъ возложить управленіе инородцами на русское должностное лицо, и при образованіи Алатавскаго округа во главѣ его былъ поставленъ военный начальникъ. Лишь къ началу шестидесятыхъ годовъ, по мѣрѣ укрѣпленія русской власти въ степяхъ, завѣдываніе киргизами стало постепенно передаваться изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдѣніе другихъ Министерствъ и, наконецъ, къ 1863 году управленіе кочевниками Алатавскаго округа, фактически уже находившееся въ рукахъ военныхъ начальниковъ, было окончательно передано въ военное вѣдомство.

Къ этому времени подъ русское владычество подпали частью и Средне-Азіатскія ханства, занятіе которыхъ было вызвано исключительно необходимостью обезопасить границы нашихъ новыхъ владѣній отъ постоянныхъ вторженій хановъ въ русскіе предѣлы. Вслѣдствіе того, что мѣстности эти были заняты съ боя, для водворенія въ нихъ спокойствія и безопасности было необходимо постоянное присутствіе военной силы, готовой къ подавленію всякой попытки къ возстанію. Вполнѣ естественно поэтому, что управленіе въ этихъ новыхъ владѣніяхъ сосредоточивалась въ лицѣ военныхъ начальниковъ, и административная власть не могла быть отдѣлена отъ командованія войсками. Однако, и въ отношеніи населенія осѣдлыхъ ханствъ Правительство держалось политики невмѣшательства во внутренніе распоряжки, установленныя во времена ханскаго владычества. Этотъ первый періодъ исторіи управленія Туркестанскимъ краемъ продолжался до 1867 года.

Проектъ положенія 1865 года.

Согласно В ы о ч а й ш е утвержденному 6 Августа 1865 года «Временному положенію объ управленіи Туркестанской областью», отношеніе русской власти къ туземному управленію ограничивалось лишь обезпеченіемъ войскъ всѣми необходимыми припасами и наблюденіемъ за дѣятельностью туземной администраціи, которая была оставлена безъ особыхъ измѣненій. Во главѣ осѣдлаго населенія стояли *аксакалы*, соединявшіе

въ себѣ административную и полицейскую власти, *серкеры и закятчи*, собиравшіе подати, и *раисы*, наблюдавшіе за чистотою нравовъ. По военно-народному управленію Туркестанская область, въ составъ которой входили нынѣшніе уѣзды Казалинскій, Перовскій, Чимкентскій, Ауліатаинскій, Ташкентскій и часть Пишпекскаго, была раздѣлена на три *отдѣла*, военные начальники которыхъ соединяли въ себѣ военную и гражданскую власть. Ближайшее же наблюденіе за туземнымъ населеніемъ было возложено въ каждомъ округѣ на *управляющихъ туземнымъ населеніемъ*, которые были обязаны:

1) заботиться о безопасности проходящихъ каравановъ, 2) принимать мѣры къ сбереженію лѣсовъ и поддержанію оросительныхъ сооружений, 3) наблюдать за правильнымъ взносомъ податей и исполненіемъ повинностей, 4) повѣрять правильность раскладокъ и 5) наблюдать за отправленіемъ туземными властями ихъ обязанностей по разбору гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

Завѣдываніе туземнымъ населеніемъ въ городахъ было возложено на обязанности особыхъ *городничихъ*. Сходное съ этимъ управленіемъ было постепенно введено и въ другихъ, вновь занимавшихся нами мѣстностяхъ Средне-Азіатскихъ ханствъ.

Съ изданіемъ проекта положенія 1867 года начинается второй періодъ исторіи управленія Туркестанскаго края, причемъ отличительной чертой его надлежитъ признать постепенную, по мѣрѣ упроченія нашего владычества, замѣну порядковъ, существовавшихъ въ осѣдлыхъ мѣстностяхъ при ханахъ, болѣе сходными съ общеперсскими. Вполнѣ понятно, что приступить къ искорененію среди населенія стараго строя было возможно лишь при условіи предоставленія каждому изъ представителей власти права распоряженія военными силами, присутствіе и постоянное содѣйствіе которыхъ служило бы залогомъ внѣшняго спокойствія и вселяло въ населеніи увѣренность въ невозможности неповиновенія распоряженіямъ начальниковъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, основнымъ принципомъ проекта 1867 года явилось объединеніе военной и гражданской власти въ лицѣ всѣхъ административныхъ инстанцій края, т. е. въ лицѣ Генераль-Губернатора, военного губернатора и начальника уѣзда. Тотъ же принципъ былъ распространенъ и на занятую въ 1868 году Ферганскую область. Что же касается начальниковъ Заравшанскаго и Аму-Дарынскаго отдѣловъ, то они,

будучи непосредственно подчинены въ гражданскомъ отношеніи Главному Начальнику края, имѣли въ отношеніи войскъ весьма ограниченный кругъ обязанностей, такъ какъ могли распорядиться ими лишь къ командному отношенію, строевая же, учебная и хозяйственная части и инспекторскіе смотры были всецѣло возложены на командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области, что вызывало перѣдко пререканія между послѣднимъ и начальниками отдѣловъ.

Вѣдѣнію уѣздныхъ начальниковъ, по проекту положенія 1867 года, были подчинены также и казаки, до того времени управлявшіеся самостоятельно, причемъ это усиленіе власти уѣздныхъ начальниковъ было равнымъ образомъ вызвано опасеніемъ, чтобы «преждевременное раздвоеніе властей» не повело «къ непрерывнымъ столкновеніямъ между казачьимъ населеніемъ и окружными приказами», которые оказались бы лишенными вслѣдствіе этого «достаточной энергіи» и не могли бы «внушить киргизамъ должнаго уваженія къ правительственной силѣ» ¹⁾.

Единоличной власти уѣзднаго начальника, сверхъ командованія войсками, было ввѣрено, съ предоставленіемъ ему правъ уѣзднаго исправника, охраненіе спокойствія, порядка и безопасности въ уѣздѣ, наблюденіе за дѣйствіями туземной администраціи и суда, за взиманіемъ податей и сборовъ, за исправностью дорогъ и мостовъ, за развитіемъ народнаго образованія и за движеніемъ переселенія; уѣздный начальникъ долженъ былъ оказывать содѣйствіе развитію промышленности и торговли и за вѣдывалъ казенными оброчными статьями и имуществами.

Управленіе въ городахъ, за исключеніемъ Ташкента и Вѣрнаго, не имѣло, согласно положенію 1867 года, своихъ спеціальныхъ органовъ, и, хотя учрежденныя въ нихъ хозяйственныя и общественныя управленія представляли нѣкоторое подобіе городскихъ управленій, но, послѣ ихъ упраздненія въ 1877 году, за вѣдываніе городскими дѣлами всецѣло перешло къ уѣзднымъ начальникамъ.

Численный составъ уѣздной администраціи былъ крайне ограниченъ: по штатамъ 1867 года при уѣздныхъ начальникахъ состояли два помощника, оберъ-офицеръ по военной части и канцелярія изъ двухъ писмоводителей и двухъ переводчиковъ по вольному найму. Въ каждомъ уѣздѣ

¹⁾ Высочайше утвержденный 11 Апрѣля 1867 года всеподданнѣйшій докладъ особаго комитета по устройству нашихъ средне-азиатскихъ владѣній.

имѣлись уѣздный врачъ, повивальная бабка и судья. Расходъ по содержанию всѣхъ уѣздныхъ должностныхъ лицъ выражался въ суммѣ 14650 рублей, на расходы же по канцеляріи ассигновывалось ежегодно по 500 рублей.

Соединеніе въ рукахъ уѣздныхъ начальниковъ военной и гражданской власти явилось естественнымъ послѣдствіемъ еще не вполне упрочившагося положенія Русской власти въ Средней Азіи и той роли, которую проектъ 1867 года возлагалъ на гражданскую власть. «Давая ей» говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту положенія 1871 года, *Мотивы раздѣленія военной и гражданской властей въ уѣздномъ управленіи.* «лишь наблюдательное и отрицательное значеніе, возможно было облечь ее и военною властью тѣмъ болѣе, что политическое спокойствіе составляло первую и главную ея обязанность. Соединеніе это вызывалось, частью стремленіемъ предоставить уѣздной власти большую широту, болѣе почетъ въ глазахъ народа и болѣеую возможность пресѣкать начинающіеся беспорядки». Однако, какъ видно изъ той же объяснительной записки, «цѣли эти не были вполне достигнуты. Уѣздный начальникъ получилъ на практикѣ гораздо болѣе широкій кругъ дѣятельности противъ того, что было проектировано. Мѣста уѣздныхъ начальниковъ занимались нерѣдко лицами въ чинахъ низшихъ по сравненію съ начальниками расположенныхъ въ уѣздѣ войскъ. Это послѣднее обстоятельство давало поводъ къ многочисленнымъ столкновеніямъ, а присутствіе въ мѣстахъ расположенія войскъ войсковыхъ начальниковъ обращало уѣздную власть въ излишнюю и замедляющую инстанцію. Практика во многихъ мѣстахъ обратила соединеніе это въ номинальное, и уѣздный начальникъ въ дѣйствительности пользовался относительно войскъ лишь тѣми правами, кои имѣетъ и всякая полицейско-административная власть».

Вслѣдствіе этого, уже въ 1871 году, мѣстными дѣятелями было признано, что «если соединеніе власти военной и полицейско-административной давало сей послѣдней нѣсколько болѣе почетъ, то зато оно вело къ столкновеніямъ и неправильнымъ отношеніямъ военныхъ чиновъ, отрывало гражданскую власть отъ существенныхъ ея обязанностей и создавало въ военной излишнюю инстанцію и, наконецъ, давало лицу, облеченному гражданской властью, возможность пожинать лавры за усмиреніе беспорядка, его же нераспорядительностью вызваннаго». Такимъ образомъ, по мнѣнію составителей проекта положенія 1871 года, соединеніе военной и гра- *Проектъ положенія 1871 года.*

жданской власти въ уѣздахъ подрывало, какъ военную дисциплину, такъ и благоустройство населенія, причемъ всякія опасенія вредныхъ послѣдствій отъ разъединенія этихъ властей было признано ими «вреднымъ алярмизмомъ», такъ какъ «гражданская власть и по общимъ законамъ имѣеть достаточныя средства пресѣчь, при помощи потребованной ею военной силы, всякое зачинающееся или развивающееся возмущеніе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ 1871 году было признано своевременнымъ приступить къ созданію въ Туркестанскомъ краѣ уѣздныхъ учреждений, могущихъ вполне замѣнить тѣ изъ нихъ, которыя до того постепенно нами разрушались.

Освобожденіе уѣздныхъ начальниковъ отъ командованія войсками.

Однако, освобожденіе уѣздныхъ начальниковъ отъ командованія расположенными въ ихъ районахъ войсками не получило осуществленія до начала 80-хъ годовъ, несмотря на неоднократныя представленія мѣстныхъ властей. Особенно настойчиво ходатайствовали объ этомъ, бывший въ то время Генералъ-Губернаторомъ, генералъ Черняевъ, который въ письмѣ Военному Министру отъ 20 Декабря 1882 года, между прочимъ, писалъ: «Въ сущности начальствованіе уѣздныхъ начальниковъ надъ войсками чисто номинальное. Военные губернаторы слишкомъ заняты гражданской частью, болѣе сложною и интересною, чѣмъ простое командованіе войсками въ мирное время. Что же касается уѣздныхъ начальниковъ, то номинальное подчиненіе имъ войскъ, въ уѣздѣ расположенныхъ, ведетъ до сихъ поръ лишь къ однимъ столкновеніямъ, потому что большинство уѣздныхъ начальниковъ моложе батальонныхъ и батарейныхъ командировъ. Офицеры по военной части въ уѣздѣ никогда никакихъ военныхъ обязанностей не исполняютъ, а исправляютъ должности городничихъ въ уѣздныхъ городахъ и посылаются для разбора ссоръ и жалобъ между туземцами; имъ же поручаются и слѣдствія въ уѣздахъ... Стоитъ только отдать приказъ о томъ, чтобы отдѣльныя части войскъ непосредственно относились въ штабъ округа, и никто даже не замѣтитъ перемѣны».

Точку зрѣнія генерала Черняева вполне раздѣлили ревизовавшій въ 1882—1883 году Туркестанскій край тайный совѣтникъ Гирсъ и Высочайше учрежденная для пересмотра положенія коммисія графа Игнатьева, признававшіе возможность отдѣленія въ уѣздахъ военной власти отъ гражданской, упраздненія въ уѣздныхъ управленіяхъ оберъ-офицеровъ по военной части и предоставленія полицейскимъ властямъ въ

уѣздахъ обращаться, въ случаѣ надобности, къ содѣйствию войскъ порядкомъ, установленнымъ во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи. Сообразно съ этимъ, предполагалось назначать начальниковъ уѣздовъ, какъ изъ числа военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновъ.

Въ 1884 году завѣдываніе расположенными въ уѣздѣ войсками было изъято изъ вѣдѣнія уѣздныхъ начальниковъ, причемъ, однако, въ исключительное положеніе поставленъ начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, которому, вслѣдствіе введенія въ отдѣлѣ бригаднаго управленія въ цѣляхъ лучшаго обученія войскъ, были предоставлены права начальника дивизіи ¹⁾).

Окончательное устройство административнаго управленія Туркестаномъ послѣдовало въ 1886 году, съ изданіемъ новаго положенія, дѣйствіе котораго было распространено и на Семирѣченскую область до передачи ея въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и съ изданіемъ въ 1892 году Степного положенія, которое продолжаетъ дѣйствовать въ этой области и понынѣ, несмотря на вновь послѣдовавшее перечисленіе ея въ предѣлы Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства и возвращеніе въ вѣдѣніе Военнаго Вѣдомства. *Положенія 1886г. и Степное.*

При обсужденіи положенія 1886 года Соединенное Присутствіе Департаментовъ Государственнаго Совѣта одобрило раздѣленіе въ уѣздахъ гражданской и военной властей, высказавшись за сохраненіе военной власти только за высшими органами управленія краемъ и лишь въ видѣ временной мѣры вслѣдствіе того, что край въ то время нельзя было «признать окончательно умиротвореннымъ», что политическій характеръ сосѣднихъ намъ хивинскихъ и бухарскихъ владѣній давалъ поводъ опасаться такихъ событій, которыя потребуютъ вмѣшательства военной силы, и что громадное большинство населенія Туркестанскаго края состояло изъ ино-родцевъ-мусульманъ, русской же колонизація почти не существовала и русскіе, не считая войскъ, составляли менѣе 1% населенія.

¹⁾ Правами начальника дивизіи начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла пользовался до изданія приказа по Военному Вѣдомству № 224 1900 года объ организаціи стрѣлковыхъ бригадъ Туркестанскаго военнаго округа.

II. Территорія и населеніе уѣздовъ.

*Порядокъ устано-
вленія границъ.*

Границы уѣздовъ коренныхъ областей Туркестана опредѣляются, согласно ст. 5 положенія 1886 года, Главнымъ Начальникомъ края, который о своихъ распоряженіяхъ по этому предмету доводитъ лишь, черезъ Военнаго Министра, до Высочайшаго свѣдѣнія, границы же уѣздовъ Семирѣченской области утверждаются въ общеустановленномъ порядкѣ (ст. 7 Степного положенія).

Однако, какъ это обнаружено ревизіей, въ видѣ общаго правила, *междууѣздныя границы*, равно какъ и границы другихъ, болѣе мелкихъ административныхъ подраздѣленій, областей до настоящаго времени *не могутъ быть признаны окончательно установленными, не измѣрены, не обозначены въ натурѣ и не нанесены на подробные планы*. При этихъ условіяхъ границы уѣздовъ страдаютъ зачастую крайней неопредѣленностью, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ проходятъ по совершенно пустыннымъ и безплоднымъ пескамъ.

Попытка твердо установить уѣздныя границы Семирѣченской области, произведенная въ 1884 году, вызвала, вскорѣ послѣ опубликованія ихъ описанія, цѣлый рядъ жалобъ на допущенныя, по мнѣнію кочевого населенія, неправильности, что повлекло за собою рядъ частичныхъ ихъ измѣненій. Такого рода измѣненія, вызываемыя нескончаемыми спорами о землепользованіи между киргизами сосѣднихъ уѣздовъ, происходятъ нерѣдко и до настоящаго времени, внося въ уѣздную жизнь значительныя осложненія и придавая границамъ временный характеръ.

Такъ, границы Лепсинскаго и Копальскаго уѣздовъ со времени первоначальнаго ихъ установленія приказомъ военнаго губернатора, отъ 18-го Октября 1878 года за № 147, подвергались цѣлому ряду измѣненій, вы-

званных не прекращавшимися спорами смежных киргизских волостей по вопросам землепользования. Трудность проведения границы въ большой мѣрѣ осложнялась тѣмъ, что географически правильное ея установленіе нерѣдко не совпадало съ родовыми дѣленіями киргизъ, кочевавшихъ въ данной мѣстности, и это обстоятельство, при трудности искорененія среди кочевниковъ родового начала, влекло за собой нескончаемыя распри. Въ настоящее время граница идетъ частью по теченію рѣчекъ Баскана и Аксу, частью же между этими рѣчками по сухимъ урочищамъ, переходя съ одного берега Баскана и Аксу на другой, и начало географически правильнаго проведенія границъ оказалось принесеннымъ въ жертву стремленію достигнуть распредѣленія земель между киргизскими родами Матаевъ и Садыровъ.

Граница между Пржевальскимъ и Джаркентскимъ уѣздами лишь въ общихъ чертахъ указана въ приказѣ военнаго губернатора отъ 9 Сентября 1882 года ¹⁾ и никогда не была точно описана.

Границы Копальскаго уѣзда съ Вѣрненскимъ и Каркаралинскимъ—Семипалатинской области, были установлены въ 1868 году, а граница съ Джаркентскимъ уѣздомъ—приказомъ военнаго губернатора съ 9 Сентября 1882 года.

Всѣ эти границы до настоящаго времени въ установленномъ порядкѣ не утверждены и не обозначены достаточно детально, что вызываетъ между киргизами сопредѣльныхъ уѣздовъ нескончаемые споры.

Вообще, до конца 1908 года межевыми чинами былъ законченъ лишь обходъ двухъ междууѣздныхъ границъ Семирѣченской области, а именно Копальско-Лепсинской и Вѣрненско-Пишпекской.

Такою же неопредѣленностью страдаютъ и границы уѣздовъ коренныхъ областей, причемъ подавляющее большинство изъ нихъ обозначено лишь на сорокаверстной картѣ. Въ виду этого не можетъ быть, конечно, и рѣчи о точномъ измѣреніи территорій уѣздовъ, приблизительное исчисленіе которыхъ дѣлалось въ большинствѣ случаевъ лишь при помощи планиметра Амслера.

Что касается численности населенія уѣздовъ, то собранныя ревизіей данныя также должны считаться лишь приблизительными, такъ какъ свѣ-

Населеніе уѣздовъ.

¹⁾ Приказъ № 73.

дѣнія, полученныя по этому предмету отъ различныхъ должностныхъ лицъ и учреждений, оказались во многихъ случаяхъ совершенно несходными, что уже само по себѣ вызываетъ сомнѣнія въ ихъ достовѣрности.

*Статистическія
данныя.*

По свѣдѣніямъ мѣстныхъ властей территоріи отдѣльных уѣздовъ, ихъ подраздѣленія и численность населенія выражаются къ 1 Января 1909 года въ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ:

Названія уѣздовъ.	Число квадрат- ныхъ верстъ въ уѣздѣ.	Численность на- селенія въ уѣздѣ.	Число участковъ.	Наименованіе участковъ.	Число квадрат- ныхъ верстъ въ участкѣ.	Число жителей въ участкѣ.	Число волостей въ участкѣ.
Сырѣ-Дарьинская область.							
Ташкентскій	24096	337762	4	Пскентскій	1120		
				Троицкій	8768		
				Пригородный	8224		
				Ханабадскій	5984		
Ауліэатинскій	77120	337762	4	Асинскій	22528	66900	
				Чуйскій	33344	81098	
				Меркенскій	11904		
				Горный	9344		
Чимкентскій	67392	337762	3	Тамерлановскій	15104		
				Бѣловодскій	7488		
				Туркестанскій	44800		
Перовскій	82720	337762	2	Перовскій	34304		
				Джулекскій	48416		
Казалинскій	86688	337762	2	Казалинскій	50560		
				Кармакчинскій	36128		
Аму-Дарьинскій отдѣлъ	101312	216860	2	Шураханскій	73600	76724	
				Чимбайскій	27712	124241	

Название уѣздовъ.	Число квадрат- ныхъ верстъ въ уѣздѣ.	Численность на- селенія въ уѣздѣ.	Число участковъ.	Наименованіе участковъ.	Число квадрат- ныхъ верстъ въ участкѣ.	Число жителей въ участкѣ.	Число волостей въ участкѣ.
Самаркандская область.							
Самаркандскій	14500	253833	3	Дарбитскій	1500	64104	9
				Ургутскій	3000	116038	10
				Пенджикентскій	10000	49465	7
Джизакскій	45000	222648	3	Богданскій	36000		8
				Яны-Курганскій	4000		7
				Зааминскій	4000		5
Ходжентскій	14000		3	Исфайскій	3300		7
				Саватскій	4400		3
				Уратюбинскій	3000		4
Катта-Курганскій . . .	5000	130202	2	Пейшамбинскій	3300	63970	9
				Челекскій	1700	52104	8
Ферганская область.							
Маргеланскій	13210	293341	4	Пригородный	1372	112491	5
				Кувинскій	1060	114321	6
				Араванскій	3340	60045	4
				Вуадильскій	7438	58363	4
Андижанскій	16070	403093	5	Пригородный	847	81046	4
				Султанъ-Абадскій	602	45956	4
				Избаскентскій	4902	80507	4
				Базаръ-Курганскій	2578	39207	4
				Джаляль-Абадскій	7041	56387	5
Кокандскій	13278	337263	4	Пригородный	602	67116	5
				Бишъ-Арыкскій	1392	89997	6
				Канибадамскій	8907	61594	6
				Бачкирскій	2317	106116	6

Название уѣздовъ	Число квадрат-ныхъ верстъ въ уѣздѣ.	Численность на-селенія въ уѣздѣ.	Число участковъ.	Наименованіе участковъ.	Число квадрат-ныхъ верстъ въ участкѣ.	Число жителей въ участкѣ.	Число волостей въ участкѣ.
Наманганскій	23379	365570	5	Пригородный	598	71432	5
				Чустскій	6190	65015	5
				Чадакскій	5280	62286	5
				Панайскій	9914	65264	7
				Яны-Курганскій	1397	84032	5
Ошскій	20294	145958	2	Осѣдный районъ	5641	89221	6
				Кочевой районъ	14654	47922	4
Семирѣченская область ¹⁾ .							
Вѣрненскій	30770	193915	2	Зайцевскій	8733	64591	
				Отарскій	29281	68720	
Пишпекскій	41759	186118	2	Бѣловодскій	10406		
				Токмакскій	15660		
Пржевальскій	52228	168449	1	Атбашинскій ²⁾	36184		
Джаркентскій	39000	130398	2	Кольджатскій	11512		
				Нарынкольско-Чарынскій ²⁾	8576		
Копальскій	53150	167917	1	Алтынъ-Эмельскій	63580		
Лепинскій	56171	144825		Бахтинскій ²⁾	10851	28638	
				Сергіопольскій	35139	33475	

¹⁾ Сверхъ участковъ, состоящихъ въ вѣдѣніи приставовъ и участковыхъ начальниковъ и по-сѣяхъ приводимыя въ таблицѣ наименованія, въ каждомъ уѣздѣ пѣбется по одному пригородному участку, которымъ заведуетъ непосредственно уѣздный начальникъ.

²⁾ Находится въ вѣдѣніи участковаго начальника.

При разсмотрѣніи заключающихся въ приведенной таблицѣ данныхъ *Чрезмѣрная величина уѣздовъ.* прежде всего бросается въ глаза поистинѣ необъятная величина уѣздовъ Туркестанскаго Генераль-Губернаторства, какъ безотносительно, такъ въ особенности при сравненіи съ административными единицами Европейской Россіи. Такъ, нѣкоторые изъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области достигаютъ 82—86, а Аму-Дарьинскій отдѣлъ свыше 100000 кв. верстъ; уѣзды Семирѣченской области имѣютъ, въ среднемъ, свыше 55000 квадратныхъ верстъ. Уѣзды Ферганской и Самаркандской области, правда, меньше по своимъ размѣрамъ, но численность населенія въ нихъ достигаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма значительныхъ цифръ, доходя до 400000 жителей обою пола. Въ видѣ общаго правила, уѣзды, занятые преимущественно или исключительно кочевымъ населеніемъ, плотность котораго является наименьшей, — больше по своимъ размѣрамъ, величина же уѣздовъ, густо заселенныхъ осѣдлыми жителями, сравнительно менѣе значительна.

Трудность управленія столь крупными административными единицами въ обоихъ случаяхъ граничитъ съ полной невозможностью. *Мѣстныя условія, затрудняющія управленіе уѣздами.*

Естественно, что въ уѣздахъ съ весьма многочисленнымъ и притомъ крайне разнороднымъ по своему племенному составу населеніемъ количество дѣла, упдающаго на долю каждаго изъ должностныхъ лицъ, болѣе значительно, нежели въ уѣздахъ, многія части которыхъ представляютъ изъ себя безлюдныя пустыни или непроходимые горные хребты, но нельзя не принять во вниманіе, что разѣзды по такого рода мѣстностямъ сопряжены съ непреодолимыми подчасъ затрудненіями, отнимаютъ громадное количество времени и требуютъ значительнаго, если не чрезвычайнаго напряженія физическихъ силъ, а постоянныя перекочевки населенія перѣдко затягиваютъ на весьма продолжительные сроки окончаніе даже самыхъ несложныхъ дѣлъ.

Вслѣдствіе исключительныхъ географическихъ и климатическихъ условій Туркестана, во многихъ уѣздахъ имѣются населенныя мѣстности, въ которыя доступъ изъ уѣздныхъ городовъ возможенъ лишь въ краткій 3—4 мѣсячный лѣтній періодъ, такъ какъ онѣ отдѣлены отъ прочихъ частей уѣзда труднопроходимыми снѣжными хребтами съ перевалами высотою свыше 10—14 тысячъ футъ, то есть на уровнѣ величайшихъ Кавказскихъ вершинъ. Въ Нишкенскомъ уѣздѣ имѣется, напримѣръ, 5 «за-

горныхъ» волостей, доступъ въ которыя возможенъ лишь съ половины Юня до начала Августа, причемъ поѣздка въ одинъ конецъ требуетъ около недѣли.

Большинство разъѣздовъ по этого рода мѣстностямъ можно дѣлать исключительно верхомъ.

Столь же затруднительны переѣзды по сыпучимъ, безводнымъ пустыннымъ, простирающимся, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ областяхъ на сотни верстъ. Однако и эти поѣздки бываютъ необходимы, такъ какъ на окраинахъ пустынь кочуютъ цѣлыя киргизскія волости. Таковы Прибалхашскія волости Копальскаго, Пишпекскаго и Лепеинскаго уѣздовъ, Тамдынская и Талдыкская волости Аму-Дарьинскаго отдѣла и др., поѣздки въ которыя требуютъ 2—3 недѣли.

Весьма мало удивительно поэтому, что количество дней, проводимыхъ ежегодно уѣздными начальниками и ихъ помощниками въ разъѣздахъ, достигаетъ весьма значительныхъ цифръ, въ чемъ можно убѣдиться, напримеръ, изъ слѣдующихъ свѣдѣній о разъѣздахъ Копальскаго и Джаркентскаго уѣздныхъ начальниковъ Семирѣченской области:

	Годъ.	Число выѣздовъ.	Число дней въ разъѣздахъ.
Копальскій уѣздный начальникъ.	1905	8	95
	1906	8	111
	1907	8	108
Джаркентскій уѣздный начальникъ.	1905	6	103
	1906	5	133
	1907	6	86

Къ сожалѣнiю, за отсутствiемъ у мѣстныхъ властей какихъ-либо записей о числѣ верстъ, совершаемыхъ ими при поѣздкахъ, ревизiи не удалось получить по этому предмету точныхъ данныхъ. Однако, принимая во вниманiе обширность территорiи уѣздовъ, врядъ ли преувеличеннымъ

окажется сдѣланный Вѣрненскимъ уѣзднымъ начальникомъ расчетъ, согласно коему для посѣщенія всѣхъ подвѣдомственныхъ ему волостей необходимо сдѣлать въ годъ до 20000 верстъ.

При этихъ условіяхъ нельзя не убѣдиться, что средства, отпускаемыя на разъѣзды уѣзднымъ начальникамъ въ размѣръ 500 рублей, а ихъ помощникамъ—300 рублей, представляются недостаточными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя признать справедливымъ назначеніе разъѣздныхъ денегъ въ равномъ размѣрѣ во всѣхъ уѣздахъ края, независимо отъ мѣстныхъ разстояній и условій передвиженія.

Надлежитъ также замѣтить, что условія, въ которыя поставлены при разъѣздахъ должностныя лица, не только затруднительны, но и могутъ во многихъ мѣстностяхъ повести къ злоупотребленіямъ съ ихъ стороны. Въ предѣлахъ Семирѣченской области взаимныя права и обязанности должностныхъ лицъ и населенія сравнительно болѣе опредѣленны, такъ какъ при разъѣздахъ по почтовымъ трактамъ чины администраціи уплачиваютъ за прогоны три копѣйки съ версты и 2 лошадей, а при поѣздкахъ въ сторону отъ тракта—за ту же цѣну получаютъ лошадей отъ населенія въ видѣ натуральной повинности. Но въ коренныхъ областяхъ такого рода повинности населенія не существуетъ. Вслѣдствіе этого должностныя лица принуждены или платить за поѣздки весьма дорого, добывая повозки и лошадей по вольному найму, или же, какъ чинамъ ревизіи неоднократно приходилось замѣчать (напримѣръ, въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ), производить разъѣзды на лошадяхъ и въ повозкахъ волостныхъ управителей, безъ опредѣленной поверстной платы и давая лишь большіе или меньшіе «на чай» кучерамъ управителей.

Въ особо неблагоприятномъ положеніи находится управленіе Аму-Дарьинскимъ отдѣломъ, такъ какъ на его территоріи не имѣется вовсе почтовыхъ трактовъ и сношенія начальника отдѣла съ областными властями Сыръ-Дарьинской области, которымъ онъ подчиненъ, до крайности затруднены тѣмъ, что почта, слѣдующая съ желѣзнодорожной станціи Чарджуй, находящейся за 400 верстъ отъ главнаго города отдѣла—Петро-Александровска, на верблюдахъ или на крайне неправильно и медленно обращающихся пароходахъ Аму-Дарьинской флотиліи, доходить по назначенію не менѣе, какъ черезъ недѣлю, то есть медленнѣе, нежели изъ Ташкента въ Петербургъ.

Выводы.

Вслѣдствіе всѣхъ описанныхъ затрудненій, которыя уѣздные начальники и ихъ помощники встрѣчаютъ при разъѣздахъ, врядъ ли имъ можетъ быть поставлено въ вину непосѣщеніе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ имъ волостей, каковыя случаи были обнаружены во многихъ мѣстностяхъ края. Количество и длительность поѣздокъ, совершаемыхъ уѣздными начальниками, уже сами по себѣ свидѣтельствуютъ, что упрекъ въ недостаточной подвижности въ отношеніи подавляющаго большинства изъ нихъ былъ бы до крайности несправедливъ. Поэтому, вслѣдствіе невозможности требовать отъ уѣздныхъ властей еще большаго напряженія физическихъ силъ, для правильной постановки управленія было бы *настоятельно необходимо уменьшить размеры уѣздовыхъ и увеличить разъѣздные кредиты, упорядочивъ вмѣстѣ съ тѣмъ средства сообщенія между административными единицами.*

III. Уѣздные начальники и ихъ помощники.

Права и обязанности уѣздныхъ начальниковъ.

Какъ въ коренныхъ областяхъ Туркестанскаго края, согласно положенію 1886 года и продолженіямъ къ нему, такъ и въ Семирѣченской области, на основаніи Степного положенія, въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ и начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла объединены до настоящаго времени многія отрасли управленія, имѣющія самое широкое общественное значеніе и подвѣдомственные въ губерніяхъ, подчиненныхъ общему учрежденію губернскому, особымъ самостоятельнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ. При этомъ управленіе уѣздомъ осуществляется, въ видѣ общаго правила, единолично уѣздными начальниками и лишь въ извѣстныхъ случаяхъ ихъ усмотрѣніе ограничено коллегіальными органами.

Права и обязанности уѣздныхъ начальниковъ коренныхъ и Семирѣченской областей и начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла въ общемъ одинаковы.

Они опредѣляются и увольняются Туркестанскимъ Генераль-Губернаторомъ по представленіямъ военныхъ губернаторовъ (ст. 62 Турк. полож., ст. 30 Степн. полож.) и могутъ быть назначаемы, какъ изъ числа военныхъ, такъ и изъ числа гражданскихъ чиновъ (ст. 6 Турк. полож.). Исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, который долженъ быть назначаемъ изъ числа военныхъ чиновъ. *Порядокъ назначенія уѣздныхъ начальниковъ.*

В ы с о ч а й ш и м ъ приказомъ по представленію Главнаго Начальника края (ст. 6 и 56 Турк. полож.).

Уѣздн. Управл.

691763

Кругъ ведомства Въ лицѣ уѣзднаго начальника сосредоточивается все административно-полицейское управленіе уѣздомъ, причемъ онъ пользуется правами и несетъ обязанности уѣзднаго исправника (ст. 59 Турк. полож.), а въ Семирѣченской области и уѣзднаго полицейскаго управленія (ст. 29 и 31 Стенн. полож.).

Завѣдываніе городскими хозяйствомъ. Въ виду того, что въ городахъ коренныхъ областей до настоящаго времени не введено упрощеннаго городского управленія, на уѣздныхъ начальникахъ, за исключеніемъ Ташкентскаго (ст. 699), лежитъ завѣдываніе хозяйствомъ областныхъ и уѣздныхъ городовъ подъ наблюденіемъ областныхъ правленій и военныхъ губернаторовъ и при содѣйствіи депутатовъ отъ городскихъ обществъ (ст. 68); въ Семирѣченской области уѣздные начальники освобождены отъ этой обязанности, такъ какъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ этой области, согласно ст. 50 Стенн. полож., введено упрощенное городское самоуправленіе, а въ городѣ Вѣрномъ— городское положеніе 1892 года (ст. 49, 50, 51¹ и 51 Стенн. полож.) ¹).

Полицейскія обязанности. Городскіе полицейскіе пристава, должности которыхъ учреждены во всѣхъ уѣздныхъ городахъ края, непосредственно подчинены уѣзднымъ начальникамъ (ст. 70¹ Турк. полож. и ст. 52 Стенн. полож.), которые, такимъ образомъ, являются начальниками полиціи не только въ сельскихъ мѣстностяхъ, но и во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ за исключеніемъ областныхъ городовъ края и города Старога Маргелана, Ферганской области, гдѣ существуютъ особыя полицейскія управленія (ст. 69, 70 Турк. полож. и ст. 51 Стенн. полож.). Вслѣдствіе подчиненія городскихъ приставовъ уѣзднымъ начальникамъ, на обязанности послѣднихъ лежитъ разсмотрѣніе жалобъ на неправильныя дѣйствія приставовъ по наложенію ими административныхъ взысканій, которыя послѣдніе вправе налагать въ коренныхъ областяхъ края на туземцевъ (ст. 70²). Въ уѣздныхъ городахъ коренныхъ областей, имѣющихъ особыя туземныя части, уѣздные начальники назначаютъ время и мѣсто сѣздовъ городскихъ выборныхъ и присутствуютъ при избраніи старшинъ (аксакаловъ), завѣдующихъ частями города въ административно-по-

¹) Свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ изложены въ особомъ отчетѣ по сему предмету.

лицейскомъ отношеніи съ правами волостныхъ управителей и подчиненныхъ начальнику уѣзда (ст. 71 и п. 3 ст. 71¹⁾ ¹⁾).

Въ отношеніи надзора за органами туземнаго самоуправленія, какъ *Надзоръ за туземнымъ самоуправленіемъ.* кочевого, такъ и осѣдлаго, права и обязанности уѣздныхъ начальниковъ коренныхъ областей и Семирѣченской области и начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла по существу весьма мало различаются между собой, но точнѣе и полнѣе опредѣлены въ Степномъ положеніи. Согласно ст. 33 этого положенія, по отношенію къ общественному управленію сельскаго населенія, кочевого и осѣдлаго, на уѣздныхъ начальниковъ возлагаются права и обязанности, присвоенныя уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и непремѣнному его члену. Сверхъ того уѣздному начальнику принадлежитъ надзоръ за всѣми установленіями общественнаго управленія инородцевъ и прочихъ сельскихъ обывателей въ предѣлахъ уѣзда, а равно производство ревизій означенныхъ установленій, какъ по непосредственному усмотрѣнію, такъ и по порученіямъ военнаго губернатора или областного правленія (ст. 34). Уѣздный начальникъ имѣетъ право разсматривать всѣ приговоры, постановленные волостными, аульными и сельскими сѣздами и сходами (ст. 35) и, если онъ удостовѣрится, что приговоръ сѣзда или схода составленъ несогласно съ закономъ, или клонится къ явному ущербу общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ, то остановивъ исполненіе подобнаго приговора, представляетъ его, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, областному правленію, отъ котораго зависить утвердить или отмѣнить приговоръ сѣзда или схода (ст. 36). На уѣздныхъ начальникахъ Семирѣченской области лежитъ также представленіе въ областное правленіе, съ своимъ заключеніемъ, приговоровъ объ удаленіи порочныхъ членовъ изъ среды инородческихъ и крестьянскихъ обществъ и жалобъ на эти приговоры (ст. 37), причемъ имъ принадлежитъ право сдѣлать распоряженіе о заключеніи подъ стражу лицъ, подлежащихъ удаленію (ст. 38).

Согласно ст.ст. 111 Турк. полож. и 59 Степн. полож. уѣздные начальники разрѣшаютъ перечисленіе кибитокъ кочевого населенія изъ аула въ аулъ и изъ волости въ волость.

¹⁾ Свѣдѣнія о полицейской дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ изложены въ особомъ отчетѣ о Полиціи безопасности.

Въ коренныхъ областяхъ имъ предоставлено разрѣшеніе перечисленія мелкихъ селеній и выселковъ осѣдлаго населенія изъ одного аксакалства въ другое по приговорамъ подлежащихъ обществъ, въ Семирѣченской же области—лишь перечисленія отдѣльныхъ лицъ и семействъ (ст. 79 Турк. полож. и ст. 94 Степн. полож.).

На основаніи ст. 114 Турк. полож. и ст. 61 Степн. полож. уѣздные начальники выдаютъ кочевникамъ особыя свидѣтельства на право откочеванія изъ предѣловъ уѣзда.

Въ отношеніи выборовъ должностныхъ лицъ туземнаго самоуправленія на обязанности уѣздныхъ начальниковъ лежитъ опредѣленіе мѣста и времени сѣзда волостныхъ избирателей (ст. 86 Турк. полож., ст. 67 Степн. полож.), присутствованіе для порядка на выборахъ съ правомъ замѣны себя другимъ лицомъ (ст. 88 Турк. полож.), представленіе выбранныхъ кандидатовъ въ волостные управители на утвержденіе военнаго губернатора съ заключеніемъ о степени ихъ пригодности (ст. 89 Турк. полож., ст. 69 Степн. полож.), утвержденіе избранныхъ сельскихъ старшинъ и кандидатовъ къ нимъ, а въ коренныхъ областяхъ и помощниковъ старшинъ (ст. 94 Турк. полож., ст. 74 Степн. полож.), утвержденіе приговоровъ о размѣрѣ опредѣленнаго этимъ должностнымъ лицамъ содержанія (ст. 95 Турк. полож., ст. 75 Степн. полож.), разсмотрѣніе жалобъ на неправильныя дѣйствія волостныхъ управителей и сельскихъ старшинъ по наложенію ими административныхъ взысканій (ст. 102 Турк. полож., ст. 82 Степн. полож.), право удаленія отъ должности сельскихъ старшинъ и ихъ помощниковъ и временнаго устраненія волостныхъ управителей съ донесеніемъ о томъ военному губернатору (ст. 103 Турк. полож. и ст. 83 Степн. полож.). Въ Семирѣченской области писаря при волостныхъ управителяхъ могутъ быть нанимаемы лишь съ разрѣшенія уѣздныхъ начальниковъ (ст. 71 Степн. полож., примѣч.). Начальнику Аму-Дарьинскаго отдѣла присвоено совершенно исключительное право утвержденія и увольненія всѣхъ выборныхъ должностныхъ лицъ туземной администраціи, не исключая и народныхъ судей (ст. 58).

*Право наложенія
административ-
ныхъ взысканій.*

Сверхъ указанныхъ обязанностей, уѣзднымъ начальникамъ присвоены права по наложенію административныхъ взысканій, какъ на лицъ туземной и русской сельской администраціи, такъ и на простыхъ туземцевъ и лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію. Согласно ст. 105 Турк.

полож. и 85 Степн. полож. уѣздные начальники вправѣ подвергать волостныхъ управителей, аульскихъ старшинъ и ихъ помощниковъ замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному взысканію не свыше 15 рублей и аресту не свыше 7 дней за маловажные проступки по должности. По Туркестанскому положенію проступками этими признаются такіе, которые влекутъ за собой наказанія, исчисленные въ ст. 65 улож. наказ., кромѣ выговора съ внесеніемъ въ послужной списокъ, вычета изъ времени службы, отрѣшенія отъ должности и исключенія изъ службы; въ Степномъ же положеніи характеръ этихъ проступковъ не указанъ вовсе.

На основаніи ст. 65 Турк. полож. и 39 Степн. полож. уѣзднымъ начальникамъ предоставлено право подвергать инородцевъ денежному взысканію не свыше 15 рублей или аресту на срокъ не свыше 7 дней за ослушаніе законнымъ распоряженіямъ властей, за ссоры, драки или другого рода буйства въ публичныхъ мѣстахъ и вообще за нарушеніе общественной тишины, за непочтеніе и грубость къ лицамъ, облеченнымъ правительственною или общественною властью и за непослушаніе родителямъ и оскорбленіе ихъ. При этомъ въ мѣстностяхъ, состоящихъ на положеніи усиленной охраны, срокъ ареста можетъ быть увеличенъ уѣзднымъ начальникомъ до 1 мѣсяца, а сумма денежнаго взысканія—до 30 рублей (примѣч. 2 къ ст. 64 Турк. пол.). Постановленія уѣздныхъ начальниковъ могутъ быть обжалованы въ коренныхъ областяхъ военному губернатору, а въ Семирѣченской области—областному правленію въ двухнедѣльный срокъ (ст. 65 Турк. полож. и ст. 40 Степн. полож.).

Въ отношеніи русскихъ поселеній права уѣздныхъ начальниковъ *Надзоръ за русскими сельскими имѣется лишь указаніе, что «до образованія волостей сельская администрація подчиняется уѣздному начальнику», что же касается уѣздныхъ начальниковъ Семирѣченской области, то, согласно ст. 38—39 Степного положенія, имъ предоставлено право ревизіи сельскихъ и волостныхъ правленій, разсмотрѣнія, провѣрки и опротестованія всѣхъ приговоровъ сходовъ, а статьею 90, сверхъ того, право опротестованія, безъ просьбы заинтересованныхъ лицъ, приговоровъ волостныхъ судовъ по дѣламъ о проступкахъ, въ случаѣ превышенія судомъ предоставленной ему закономъ власти.*

Въ отношеніи населенія казачьихъ войскъ вѣдомство уѣзднаго начальника ограничивается предметами общей полиціи (ст. 32 Степн. полож.)¹⁾.

Надзоръ за народными судами.

Въ отношеніи народнаго суда на уѣзднаго начальника возложены: 1) обязанность представлять прокурору суда для опротестованія въ окружный судъ приговоры и рѣшенія, постановленные съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности, приостанавливая при этомъ исполненіе этихъ приговоровъ и рѣшеній (ст. 218 Турк. полож.), 2) ближайшее наблюденіе за веденіемъ книгъ народнаго суда (ст. 228), 3) назначеніе срока созыва волостныхъ съѣздовъ народныхъ судей (ст. 238), 4) передача жалобъ на рѣшеніе единоличныхъ судей оспѣлаго населенія съѣзду народныхъ судей, 5) назначеніе судей въ составъ чрезвычайныхъ съѣздовъ кочевого населенія (примѣч. къ ст. 247), 6) наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ на чрезвычайныхъ съѣздахъ (ст. 248) и 7) наблюденіе на приведеніемъ въ исполненіе рѣшеній народныхъ судей (ст. 251). Статьей 250 уѣзднымъ начальникамъ предоставлено право подвергать народныхъ судей, не прибывшихъ на волостной или чрезвычайный съѣздъ, денежному взысканію въ размѣрѣ 10 рублей²⁾.

Участіе въ поземельно-податномъ дѣлѣ.

Въ коренныхъ областяхъ уѣздные начальники выдаютъ по постановленію уѣзднаго поземельно-податнаго присутствія свидетельства, служащія доказательствами правъ туземцевъ на отчуждаемые ими участки, причемъ данныя, заключающіяся въ этихъ свидетельствахъ, должны быть основаны на удостовѣреніи мѣстнаго народнаго суда и проверены однимъ изъ должностныхъ лицъ уѣзднои администраціи (ст. 208 Турк. полож.); такимъ образомъ отвѣтственность за ихъ правильность также лежитъ на уѣздныхъ начальникахъ.

Уѣздные начальники Семирѣченской области председательствуютъ на особыхъ съѣздахъ кочевниковъ, собирающихся для разбора поземельныхъ споровъ, какъ между отдѣльными волостями уѣзда, такъ и между волостями разныхъ уѣздовъ (ст. 123 Степн. полож.).

¹⁾ Свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ по надзору за русскимъ и туземнымъ самоуправленіемъ изложены въ особомъ отчетѣ „Сельское управленіе русское и туземное“.

²⁾ Свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ по надзору за народнымъ судомъ изложены въ особомъ отчетѣ „Народные суды Туркестанскаго края“.

Въ кругъ обязанностей уѣздныхъ начальниковъ входитъ взысканіе съ населенія податей и земскаго сбора.

Согласно примѣчанію къ ст. 10 Стенн. полож. уѣздные начальники участвуютъ въ особомъ присутствіи, составляющемся ежемѣсячно для срочнаго свидѣтельствующаго приходо-расходныхъ книгъ учреждений, подчиненныхъ казенной палатѣ.

Въ коренныхъ областяхъ края уѣздные начальники принимаютъ по закону особенно дѣятельное участіе въ поземельно-податномъ дѣлѣ, являясь предѣдателями поземельно-податныхъ присутствій и поземельно-податныхъ комиссій (Въ с о ч а й ш е утвержденное 10 Іюня 1900 г. Мѣніе Государственнаго Совѣта, прилож. къ ст. 61¹ Турк. полож. стат. 1 и прилож. къ ст. 255 Турк. полож., примѣч.). Всѣ постановленія поземельно-податныхъ присутствій приводятся ими въ исполненіе (ст. 12) и на нихъ возложено наблюденіе за дѣлопроизводствомъ, которымъ завѣдуетъ особый секретарь, опредѣляемый и увольняемый управляющимъ Туркестанскою казенной палатой по ихъ представленію (ст. 2). Надлежитъ замѣтить при этомъ, что дѣятельность этихъ присутствій имѣетъ не только фискальное, но и широкое общественное значеніе, такъ какъ она касается и вопросовъ землеустройства, а отсюда ясно, какое объединяющее значеніе въ лицѣ уѣзднаго начальника имѣетъ его предѣдательствованіе въ этомъ присутствіи.

Уѣздный начальникъ, какъ предѣдатель поземельно-податной комиссій, принимаетъ участіе въ разсмотрѣніи дѣлъ по изслѣдованію уѣзда въ поземельно-податномъ отношеніи, причемъ, въ случаѣ разногласія между комиссіей и уѣзднымъ начальникомъ, вызвавшій разногласіе вопросъ представляется на разрѣшеніе областного правленія ¹).

На уѣзднаго начальника возложены также нѣкоторыя обязанности *Обязанности по*
органовъ учреждений Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ (прилож. *отношенію къ Го-*
къ ст. 34 (примѣч.) Турк. полож.). Такъ, онъ завѣдуетъ государственными лѣсами, землями и казенными оброчными статьями, не приведен- *судирственнымъ*
ными еще въ извѣстность и потому не принятыми въ завѣдываніе чиновъ *Имуществамъ.*

¹) Свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ по взысканію податей и земскихъ сборовъ и по поземельно-податному дѣлу изложены въ особыхъ отчетахъ по означеннымъ предметамъ.

Главнаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ ¹⁾ и въ этомъ случаѣ имъ подчинена лѣсная стража (ст. 39 Турк. полож.). Уѣздные начальники обязаны: а) заботиться объ охраненіи состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ и наблюдать за дѣйствіями учрежденной для того стражи, б) преслѣдовать нарушенія уставовъ казеннаго управленія въ установленномъ для того порядкѣ, в) производить отпуски лѣсныхъ матеріаловъ изъ государственныхъ лѣсовъ съ учетомъ по количеству, руководствуясь правилами инструкціи, утвержденной 7-го іюля 1900 года, а также послѣдующими распоряженіями Министерства; г) извлекать доходъ отъ казенныхъ свободныхъ земель и оброчныхъ статей, сдавая таковыя въ аренду въ порядкѣ, опредѣленномъ уставомъ оброчнымъ, инструкціей надзирателямъ, утвержденной 24 Декабря 1898 года, и послѣдующими распоряженіями Министерства; д) наблюдать за правильнымъ производствомъ разрѣшенныхъ въ государственныхъ лѣсахъ и на казенныхъ земляхъ побочныхъ пользованій и е) вести денежную отчетность въ доходахъ, получаемыхъ по вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, во всемъ согласно требованіямъ кассовыхъ правилъ.

Въ ревизіонномъ отношеніи по предметамъ вѣдомства Главнаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, уѣздные начальники подчиняются непосредственно помощникамъ военныхъ губернаторовъ, почему чиновники по сельско-хозяйственной и оброчной частямъ, а равно и лѣсничіе перваго разряда, надзора за дѣятельностью уѣздныхъ начальниковъ по завѣдыванію ими лѣсами и другими государственными имуществами не имѣютъ, а, въ случаѣ надобности въ ревизіи, производятъ таковую по особому каждый разъ порученію помощника военного губернатора, которому предоставляется командировать для означенной цѣли также и другихъ лицъ, по своему усмотрѣнію.

Уѣздные начальники производятъ отпуски лѣсныхъ матеріаловъ изъ завѣдываемыхъ ими лѣсовъ ²⁾.

¹⁾ Въ настоящее время подавляющее большинство государственныхъ лѣсовъ передано въ вѣдомство Главнаго Управленія Земледѣлія.

²⁾ Свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ по завѣдыванію Государственными Имуществами изложены въ особомъ отчетѣ по сему предмету.

Уѣздные начальники коренныхъ областей принимаютъ также дѣятельное участіе въ такомъ первостепенной важности дѣлѣ, имѣющемъ въ Туркестанскомъ краѣ особо выдающееся общественное значеніе, какъ завѣдываніе ирригаціей. *Завѣдываніе ирригаціей.*

Въ этой области участіе уѣздныхъ начальниковъ выражается въ слѣдующихъ функціяхъ, возложенныхъ на нихъ особой инструкціей Главнаго Начальника края на основаніи примѣч. 1 къ ст. 107 Турк. полож.

1. Въ случаяхъ заявленія мирабовъ о неокazanіи содѣйствія сельскими или аульными старшинами, или о неисполненіи обществомъ приговоровъ объ ирригаціи, уѣздный начальникъ, убѣдившись или изъ приговора, или изъ обстоятельствъ дѣла на мѣстѣ, въ правильности требованій мираба, дѣлаетъ распоряженіе объ исполненіи таковыхъ.

2. Въ случаяхъ обращенія мираба или арыкъ-аксакала, затрудняющагося въ исполненіи своихъ обязанностей, уѣздный начальникъ даетъ указанія, ознакомившись съ дѣломъ, или лично, или чрезъ командированныхъ арыкъ-аксакаловъ, и сообщаетъ о своихъ указаніяхъ завѣдующему ирригаціею, для свѣдѣнія. Въ случаѣ затрудненія помочь дѣлу безъ участія завѣдующаго ирригаціею, онъ доноситъ о семъ военному губернатору.

3. По жалобамъ мираба на арыкъ-аксакала, уѣздный начальникъ удостовѣряется въ справедливости жалобы и представляетъ какъ жалобу, такъ и объясненіе къ ней, на усмотрѣніе военнаго губернатора, причемъ, въ случаяхъ необходимости немедленнаго разрѣшенія возникшаго недоразумѣнія, уѣздный начальникъ постановляетъ рѣшеніе подъ личною своею отвѣтственности и доноситъ объ этомъ военному губернатору.

4. Уѣздный начальникъ, при обращеніи къ нему арыкъ-аксакала за содѣйствіемъ или съ заявленіемъ о неисправномъ содержаніи головъ арыковъ мирабами, или о неправильномъ пользованіи водою, обязанъ, согласно заявленію арыкъ-аксакала, возстановить нарушеніе и въ случаѣ, если изъ исполненія заявленія арыкъ-аксакала вытекали бы иски и жалобы, даетъ имъ законное направленіе.

5. По преступленіямъ и проступкамъ арыкъ-аксакаловъ и мирабовъ по должности уѣздный начальникъ распоряжается о производствѣ дознаній, которыя представляются военному губернатору.

6. По полученіи сообщеній отъ арыкъ-аксакала о числѣ рабочихъ и о количествѣ матеріаловъ, необходимыхъ на обычныя и случайныя ра-

боты, уѣздный начальникъ обязанъ произвести правильную разверстку по обществамъ, заинтересованнымъ въ работѣ, и о разверсткѣ даетъ знать въ подлежащія общества для исполненія по требованіямъ арыкъ-аксакала. Въ тѣхъ обществахъ, которыя натуральную повинность замѣнили денежною, уѣздный начальникъ провѣряетъ правильность разверстки суммъ между обществами.

7. При производствѣ работъ уѣздный начальникъ, или лично, или черезъ особо командированныхъ лицъ, дѣлаетъ фактическую провѣрку числа рабочихъ, вызванныхъ на данную работу, и наблюдаетъ за порядкомъ во время производства работъ.

8. Въ случаяхъ донесенія арыкъ-аксакала о неисправности подрядчика, обязавшагося за общество исполнять работы по ирригаціи, уѣздный начальникъ принимаетъ соотвѣтственныя мѣры.

9. Въ случаѣ донесенія арыкъ-аксакала объ экстренномъ вызовѣ рабочихъ, уѣздный начальникъ, или лично, или черезъ командированныхъ лицъ, обязанъ убѣдиться въ существѣ работы, причинѣ ее вызвавшей и объ экстренномъ случаѣ сообщаетъ завѣдующему ирригаціею, для свѣдѣнія.

10. Въ случаѣ донесенія арыкъ-аксакала о несоотвѣтствіи обычнаго права пользованія водою съ потребностями обществъ, измѣненіе въ порядкѣ очередей, переустройство головныхъ сооружений въ системахъ, а равно проведеніе новыхъ, расширеніе или углубленіе существующихъ арыковъ допускаются уѣзднымъ начальникомъ не иначе, какъ съ соблюденіемъ порядка, указаннаго въ § 14 инструкции объ арыкъ аксалахъ.

11. По полученіи журналовъ-дневниковъ отъ арыкъ акскаловъ, начальникъ уѣзда обязанъ препроводить ихъ къ завѣдующему ирригаціею, наблюдая, чтобы они были представлены въ опредѣленный срокъ.

12. Получивъ отъ арыкъ-акскаловъ и мирабовъ описанія арыковъ, уѣздный начальникъ, при неполнотѣ или неясности описаній, возвращаетъ ихъ для исполненія, и только при полной удовлетворительности требуемыхъ описаній, одинъ экземпляръ оставляетъ при дѣлахъ управленія, а другой препровождаетъ къ завѣдующему ирригаціею ¹⁾).

¹⁾ Свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ по завѣдыванію ирригаціею изложены въ особомъ отчетѣ о водопользованіи.

Независимо отъ перечисленныхъ выше обязанностей, возложенныхъ на уѣздныхъ начальниковъ Туркестанскимъ и Степнымъ положеніями, къ ихъ обязанностямъ отнесены въ Семирѣченской области сепаратными распоряженіями:

1) выдача отерочекъ лицамъ торговаго и податного сословія съ распространеніемъ на нихъ Высочайше утвержденныхъ 4 Іюня 1897 года правилъ о порядкѣ выдачи этихъ отерочекъ (П. С. З. 1857 г. № 31922, 2 П. С. З. 1870 г. № 49018 и собр. узак. 1893 г. ст. 1436).

2) председательствованіе въ уѣздныхъ по воинскимъ дѣламъ присутствіяхъ (П. С. З. 28 Января 1887 г. № 4198) и

3) исполненіе обязанностей, указанныхъ въ ст. ст. 90, 104 и 124 положенія о взаимномъ страхованіи сельскихъ строеній (собр. узак. 1897 г. ст. 736).

4) по переселенческому дѣлу, въ Семирѣченской области, на уѣздныхъ начальникахъ лежитъ обязанность участія на правахъ членовъ во временныхъ комиссіяхъ, созываемыхъ для разсмотрѣнія проектовъ земельныхъ изыятій у киргизскаго населенія. Эта отрасль дѣятельности уѣздныхъ начальниковъ требуетъ отъ нихъ особо серьезнаго отношенія, такъ какъ они являются единственными болѣе или менѣе близко освѣдомленными представителями администраціи, на которыхъ законъ возлагаетъ охрану интересовъ не только пришлаго, но и кореннаго населенія. Въ этихъ комиссіяхъ уѣздные начальники имѣютъ рѣшающій голосъ и пользуются правомъ опротестованія постановленій въ областное правленіе. На нихъ же въ силу закона возлагается выплата киргизамъ вознагражденія за сопряженный съ образованіемъ переселенческихъ участковъ переносъ или уничтоженіе построекъ.

Въ коренныхъ областяхъ, гдѣ образованіе переселенческихъ участковъ находится въ зависимости отъ согласія киргизскихъ обществъ на добровольную уступку земель русскимъ поселенцамъ, достиженіе такихъ соглашеній возлагается всецѣло на уѣздныхъ начальниковъ, что также доставляетъ имъ не мало работы.

Сверхъ того, на основаніи устава о туземныхъ ссудныхъ кассахъ, на уѣздныхъ начальниковъ возложено завѣдываніе послѣдними въ уѣздахъ.

На начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла, сверхъ обязанностей уѣзднаго начальника, возложено веденіе пограничныхъ дѣлъ съ Хивинскимъ

ханствомъ согласно указаніямъ, которыя должны были быть ему преподаны на этотъ предметъ особою инструкціей Генераль-Губернатора (ст. 58 Турк. полож.).

Эта чисто дипломатическая обязанность, вслѣдствіе обилія пограничныхъ дѣлъ, тѣсной связи русскихъ интересовъ съ хивинскими и необходимости частыхъ поѣздокъ въ Хиву для личныхъ переговоровъ съ ханомъ, является для начальника отдѣла весьма обременительной.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что до настоящаго времени, несмотря на вполне ясное требованіе ст. 58 Турк. полож., Главными Начальниками края не было выработано упомянутой выше инструкціи о веденіи пограничныхъ дѣлъ, и таковую замѣняли, часто находившіяся въ противорѣчій между собой по самымъ принципиальнымъ вопросамъ, отдѣльные распоряженія и указанія Генераль-Губернаторовъ. Вслѣдствіе этого завѣдываніе сношеніями съ Хивой, которыя происходятъ исключительно черезъ посредство начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла, возлагаютъ на послѣдняго особо серьезную отвѣтственность.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Какеев А.Ч.</i> Восстание 1916 года: к проблеме историографии и источниковедения.....	8
<i>Закирова Е.Н.</i> Причины трагических событий 1916 года на территории Туркестанского края	17
<i>Курманов З.К., Суюнбаев М.Н., Узбеков Д.С.</i> Внешние и внутренние геополитические предпосылки восстания (бунта) 1916 года.....	22
<i>Абдырахманов Т.А.</i> Причины восстания кыргызов в 1916 г.	26
<i>Абытов Б.К.</i> Причины и характер восстания 1916 г. в Кыргызстане.....	65
<i>Маджун Д.С.</i> Роль иностранного фактора в трагических событиях 1916 г.	69
<i>Батырбаева Ш.Д.</i> Восстание 1916 г. в Кыргызстане в человеческом измерении.....	75
<i>Плоских В.В.</i> Промежуточная перепись населения 1916 года (между двух переписей: первой всероссийской 1897 г. и первой всесоюзной 1926 г.).....	80
<i>Джунушалиев Д.</i> В эпицентре восстания.....	86
<i>Сарсенбаев Б.С.</i> Восстание 1916 года в оценке первых национальных лидеров Казахстана и Кыргызстана 1920–1930-х годов	91
<i>Плоских В.М.</i> Сыдыков: героическая и трагическая судьба переводчика периода восстания 1916 г.	118
<i>Джакишев А.У.</i> Национальный вопрос и уроки восстания 1916 г. в Кыргызстане.....	126
<i>Салиев А.Л.</i> Политические отзвуки восстания 1916 года	134
<i>Бедельбаев А.</i> Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати 1991 г.	145
<i>Тоқон Ысақ (Тоқтобұба Ысақ).</i> Жунго Кыргыздары жана «Үркүн».....	150
Сведения об авторах	156
Приложение. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению Сенатором Гофмейстеромъ Графомъ К.К. Паленомъ. Уездное утравление. С.-Петербургъ: Сенатская типография, 1910	157

**СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ (ТУРКЕСТАНСКОЕ)
ВОССТАНИЕ 1916 г.
История в документах
Том 6**

Компьютерная верстка *А.С. Шелестовой*

Подписано в печать 17.08.2016
Формат 60×84 $\frac{1}{8}$. Печать офсетная.
Объем 23,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 160

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

